

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Специальный редактор –
Георгий КАЮРОВ

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес редакции:
Московская область,
г. Сергиев Посад,
ул. Матросова, д. 4.

Телефоны:
(916) 717-38-09
(903) 579-17-15

**Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:**
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПР О З А

Владимир КРУПИН.
Передай по цепи4
Георгий КАЮРОВ.
Аисты – не улетайте рано...73
Владимир ГЛАЗКОВ.
Дащутка121
Алла СИНЬКОВСКАЯ.
Везунчики128
Странная женщина. Белая ворона129
Юлия САННИКОВА.
Это было у моря... Рассказ-притча147

П О Э З И Я

Галина МАМОНТОВА.
Мне б росую на зорьке умыться...58
Лариса ТОКУН.
Русской повести грусть...70
Юрий МИНЕРАЛОВ.
Переживаемое время...96
Наталья ПОНОМАРЧУК.
Я легко возвращаюсь в былое...118
Александр СТАНИШЕВСКИЙ.
Другим огнём горю...124
Гурген БАРЕНЦ.
Мне нравится читать твои глаза...126
Екатерина ШИДЛОВСКАЯ.
И было Слово, были День и Ночь...136
Михаил ГАРЦЕВ.
Реальное непостижимо...144
Иннокентий МЕДВЕДЕВ.
Тревожные струны Души...151
Ольга ДАВЫДОВА.
Наш голос тих, как ветра звук...158
Ольга СУХАНОВА.
Сколько глаз в своей жизни я видела...165
Юрий САПОЖКОВ
Незримая есть в жизни полоса...171

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(1) 2011

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель – *Макеева С.Г.*

Подписано в печать

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ

Отпечатано

ПАМЯТЬ

- Евгения ЕРШОВА.*
Годы войны. Незабываемое
(отрывок из воспоминаний)63
- Юрий ПРОКОФЬЕВ.*
Иллюзии и разочарования
(ГКЧП: 20 лет спустя)82
- Бор. ЛЕОНОВ.*
Раскрепощенье красоты107
- Сергей ПРОХОРОВ.*
Две встречи в Овсянке131

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Алесь КАРЛЮКЕВИЧ*
Как белорусы «Жизнь замечательных
людей» создавали155
- Николай СТАРОДЫМОВ*
Июнь-41160

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Вячеслав ЛЮТЫЙ*
Зелёная нитка (Стихотворение «Узоры»
как дальний пролог к поэмам
Юрия Кузнецова о Христе)167

ФИЛОСОФИЯ

- Олег СТАНИШЕВСКИЙ.*
Метафизика добра и зла, культуры
и цивилизации139

ПУБЛИЦИСТИКА

- Станислав ХАТУНЦЕВ*
Западнизм и вестернизация с позиций
цикличности цивилизационно-
исторического процесса177

ПЕСНИ СЛАВЯНСТВА

- Димчо ДЕБЕЛЯНОВ.*
Умираю и опять рождаюсь...182

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Вышел в свет первый номер журнала «ВЕЛИКОРОССЪ». По замыслу учредителя и редакционной коллегии, журнал в перспективе должен стать выразителем интересов Российского государства – интересов в самом обширном смысле: духовных, эстетических, политических, литературных, исторических, государственных и т.д. В нынешней ситуации социального расслоения, отсутствия иерархии духовных ценностей, деградации морали и нравственности, разрушения традиций появление ещё одного – наряду с другими, уже существующими – издания, стоящего на патриотических позициях, будет логичным и своевременным. В своей работе журнал будет ориентироваться на авторов, безусловно признающих и свято чтущих историю великой России во всей её сложности, и неизбежность духовного вектора, заданного великими российскими гражданами – писателями, деятелями искусств, политиками, учёными, военачальниками. Свободу выражения мнений редакционная коллегия понимает исключительно в рамках Российского великодержавного патриотизма. Нерушимое братство народов многонациональной России на основе уважения к национальному началу, светлой духовности, солидарного созидательного труда – вот главный принцип, которым будет руководствоваться журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» в своей работе.

Сегодня наше Отечество стоит перед многими проблемами, заслуживающими осмысления и широкого обсуждения. Отсутствие полноценной государственной идеологии, обосновывающей место России в современном мире и определяющей логику её всестороннего развития. Расшатывание традиционных духовных основ посредством внедрения чуждых псевдоценностей. Усиливающаяся год от года наркотизация и алкоголизация народа, и прежде всего молодёжи. Либеральная экспансия в отношении общественно-политического сознания. Антисоветская пропаганда, отнимающая у молодых поколений национальную гордость. Создание выморочной псевдолитературной индустрии, заполняющей прилавки книжных магазинов и полки библиотек низкопробными сочинениями, расшатывающими национальное самосознание... Перечисление болевых точек нашего Отечества можно продолжать долго. Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» открывает свои страницы для обсуждения этих проблем, а также для талантливых стихов и прозы, написанных в рамках русской литературной традиции или традиций братских народов, входящих в состав современной России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2011

© Авторы, 2011

Передай по цепи

Повесть для своих

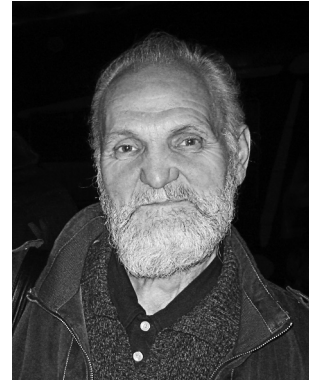
Пора выговориться, пора, а то могу не успеть. Въехал уже во времена старения. И когда проскочил райское младенчество, счастливое детство, тревожное отрочество, дерзкую юность, взросление, когда? Жизнь пролетела. Похоронил родителей, многих родных и близких, стало вокруг пусто, и понял, что мир вытесняет меня, моё земное время кончается. Его и не запасёшь, над ним мы не властны.

То ругаю себя за прожитую жизнь, то оправдываю, то просто пытаюсь понять, так ли я жил: и при социализме, и при капитализме, и при нынешнем сволочизме. И сколько же поработал сатане льстивому, прости, Господи! Сколько же грешил! Господи, прошу, пока не убирай с земли, дай время замолишь грехи.

Ощущаю себя жившим всегда. Тем более, что много, по ходу жизни, занимался историей, античностью, ранними и средними веками новой эры, и девятнадцатым веком, и тем, в котором жил, и тем, в который перебрался. Много ездил. Прошёл все центры мира, коими бывали Александрия и Каир, Вавилон и Дамаск, Пальмира и Рим, а теперь что? Нефть? Кровь? Туризм?

Сидел на берегах Мёртвого (Асфальтового) моря, вглядывался в его мутные скользкие воды, пытаюсь разглядеть черепки Содомы и Гоморры. Видел чёрные пески берегов острова Санторини, остатки затопленной Божьим гневом Атлантиды, ходил по склонам Везувия, пытаюсь представить, как Божье возмездие настигало разврат.

Самое страшное стояние было у Голгофы, когда ощущал полное бессилие помочь Распинаемому и жгучую вину за то, что именно из-за меня Он взошёл на Крест. А потом было шествие вслед святому Первозванному апостолу Андрею в наши, русские северные пределы, погружение в воды у берегов Херсонеса и Днепра, осенние византийским Крестом. Это я таскал камни для строительства и Киевской и Новгородской Софии, шёл с переселенцами в Сибирь, стоял с самодельной свечой на освящении деревянных часовен, а века погодя, и каменных храмов. Это я, грешный, стремился на исповедь к кельям преподобных старцев, и причащался Тела и Крови Христовых, то из простых, то из золотых чаш, опускался на колени перед светлыми родниками

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живет в Москве.

и байкальскими водами. И летал над землёй вначале на парусиновых, а затем и на металлических крыльях. Неслась, отставая, подо мной карта мира. Взлетевши в одну эпоху, приземлялся в другой..

Полное ощущение, что пришел из глубины тысячелетий, а если добавить то, что и впереди вечность, то кто я? Как всё понять? Ведь именно в этом бегущем времени, как в течении реки, барахтался, считая, что живу в настоящем. Но нет настоящего времени, даже начало этой строки уже в прошлом.

И барахтались вместе со мною мои современники, с ними делил хлеб и соль, с ними старился. Как же нелегко было жить в перевернутом мире, где властители умов, происшедшие от обезьяны, и нам внушали, что люди ведут родство от шерстяных тварей, более того, успешно настаивали, что первична материя, а не дух. Как, при таком диком, навязанном мировоззрении, мы ещё сохранились, как? Бог спас, другого объяснения нет.

К концу жизни осталось выполнить завет преподобного Серафима: спасись сам и около тебя спасутся. Это самое трудное. Почему я прожил такую жизнь, а не кто-то другой? Много-много раз моя жизнь могла бы пойти иначе, но шла вот так.

Вспоминаю школу, начальные классы. Мне говорят, чтобы пришёл фотографироваться на Доску почета. А вот не иду. И проходя потом мимо Доски, воображаю, что тут могла бы быть и моя фотография, и втайне горжусь, что смог отказаться от обычного пути отличников. Дальше то же самое. Из упрямства начинаю плохо учиться, в старших классах остаюсь даже на осень. Заканчиваю школу с одной четвёркой. Остальные тройки. Не еду поступать в институт, работаю в редакции райгазеты. Далее уж совсем необъяснимый поступок – ухожу из редакции в слесари – ремонтники. Могу не идти в армию, но призываюсь на три года. После сержантской школы могу в ней остаться, но прошу определить в боевую часть. В институте на руках вносят в аспирантуру – ухожу. На телевидении совершенно фруктовое положение – свободное посещение, пишу сценарии, да за них ещё и получаю. И от этого отказываюсь. В издательстве занимаю высокую должность, через два года вырываюсь на творческую работу. Возглавляю толстое издание с личным водителем, секретаршей и вновь ныряю в полную неопределенность. Преподаю в Академии, вроде всё получается, и опять прерываю очертенный путь. То есть, образно говоря, взрываю, когда надетая упряжь грозит превратиться в ярмо.

Но это всё внешние вещи. Карьерный рост мне не грозил, отпугивал трафаретами. Но одно испытание пришлось пройти – политику. То есть, правильное сказать, общественные дела. Было время, когда сама жизнь вынуждала писателей вмешиваться во все проблемы по охране природы, памятников культуры, в нужды образования и воспитания. Оно, может быть, было бы и неплохо, будь от этого польза. Всё мы думали, что Россию спасаем, а было почти одно сотрясение воздуха. Громокипящие аудитории, письма, митинги, протесты. Затянуло в эту круговерть, как собаку в колесо, и меня. Выступал, и много выступал. Идешь по Москве: Кремлёвский дворец съездов, Колонный зал Дома Союзов, Зал заседаний храма Христа Спасителя, залы Домов литераторов, архитекторов, журналистов, композиторов, сотни и сотни аудиторий по стране и за границей. Что говорить о радио и телевидении, газетах и журналах. И кому всё это было нужно? Только не мне. Лысел, да седел, да здоровье терял. Да и себя. Не общественный я человек, известность не радовала, а тяготила.

В самом процессе писательства только оставалась ещё радость. Но такая краткая, так быстро проходящая. Ну, прочли, ну перечли, ну, забыли. Что ни скажи, что ни напиши, всё булькает в чёрную воду бегущего по пятам забвения. Что мы можем добавить к высоченной горе написанного? И если бы ещё и читатели меня бросили, я бы с радостью швырнул с этой горы свою исписанную бумагу, а за ней и чистую. И долго глядел бы вслед этим чёрно-белым птичкам.

Лет сорок шёл я до этих весёлых мыслей, лет сорок назад исповедался и причастился. И как иначе? Я же из православной семьи. И что искать, чего дёргаться? Есть в мире спасение? Есть. Оно вне безголового огромного стада людского, лежащего во

зле. Надо войти в единственно живое в этом мире малое стадо Христово. Остальное – суета сует, всё суета. А как войти? Для монастыря я не созрел, а, может, перезрел. После размышлений и советов с умными людьми, в число коих первыми вошли монахи и батюшки, я для начала решил направить стопы не в монастырь, а пожить вначале вдаль от Москвы, в одиночестве. Жена моя, человек верующий, меня одобрила. И так, я решился хотя бы год обойтись без Москвы, скрыться в благословенных просторах России.

Церковь, книги, простая пища, молитвы. А там посмотрим. По своей простоте, которая нынче граничит с глупостью, я не скрывал намерения уехать. Именно в это время приблизился ко мне доброжелательный мужчина, я его и раньше встречал на патристических вечерах, он говорил о знакомом ему месте в далёких северных пределах. Туда трудно добраться, там ни газа, ни водопровода. Зато лес, поляны, родники. Избы, благодаря демократии, брошены и гибнут, кто сейчас туда поедет? Они вообще все теперь по цене дров. То есть там меня никто не достанет и прочее. А ему там от дальней родни достался дом. Вот адрес, вот ключи. Считай дом своим и живи в нём хоть всю жизнь.

Я походил-походил по столичным проспектам, подышал атмосферой мегаполиса и решился. Напоследок, перед поездом, выкинул в урну Ярославского вокзала сотовый телефон, как последнюю связь с покидаемым миром.

Мужчина предупреждал меня, что туда и никакой автобус не ходит, что надо будет взять частного. Так и вышло. И частного искать не пришлось, он сам ко мне подскочил, прямо к вагону. Будто именно меня и ждал. Машина у него была из породы внедорожников. Внутри был прекрасный запах соснового леса. Я скоро задремал. Но, кажется, тут же и проснулся.

- Мы на месте! – сказал то ли мне, то ли кому-то водитель.
- Достаточно? – спросил я его о сумме платы за проезд. – Или добавить?
- Прокурор добавит.

Начало новой жизни

Село было небольшое, безлюдное, заваленное чистейшим снегом. Частник посоветовал мне спросить в магазине, где дом, который мой, и сразу уехал. Магазин был маленький, типовой, шлакоблочный, в нём было холодно. Продавщица непонятного возраста, закутанная во много одежд, показала направление.

– Вы что, в нём жить будете? Вам, что, хозяйева ключи дали? Так-то он крепкий.

Я побежал чуть ли не рысью: это же дом, приют спокойствия, молитв, трудов. Дом среди русского пространства! Я его сразу полюбил. Три окна на улицу, земля под окном, одворица. Двор крытый, хлев, сарай, баня. Как я понимаю, счастье – это или полное отрешение от всего земного, или же, если такое не под силу, то обладание желанным, земным. Первого я не заслужил, а на второе надеялся. Мне хотелось вдаль от Москвы, заботящейся только о себе, но насквозь пропитанной болтовней о спасении России, забыть её и просто пожить по-человечески. Своими трудами, может быть, даже показать пример трудов во славу Божию и российскую. И в самом деле – хватит разводиться говорильню, надо что-то делать. Делать! Не языком, а руками. Вот это – моя земля, и моя цель – не дать ей одичать, зарастить, показать, что может русский мужчина, если ему не мешать.

Аркаша и другие

Стояла царственная северная зима. Это ликование сердца, этот взгляд, улетающий в солнечную белизну, эти полные вдохи и выдохи лечебного морозного воздуха, всё это увеличивало радость вхождения в новое жилище.

Счастье продолжилось затапливанием русской печи, и сразу подтопка, чтоб быстрее прогрелись окоченевшие стены. Вначале немного поддымило, пришлось даже открывать дверь, чтоб проветрить, но потом труба прогрелась, пошла тяга. И вот, уже можно снять шапку, вот уже расстегнул дублёнку. И как-то возбуждённо и

нетерпеливо ступал по широким половицам, выходил во двор, прикидывал необходимые дела. Поправить крыльцо, подмазать, побелить печку, вычистить подполье, упечатать окна, застелить полы домоткаными дорожками, красный угол оборудовать. Сложить камин. Да, это обязательно. Сидеть перед ним долгими зимними вечерами, и читать хорошие книги.

Восторженное чувство вселения требовало закрепления, причём конкретного. Ведь как у нас: если хорошо, то надо ещё лучше. Я подбросил и в печь и в подтопок поленьев поосновательней, и отправился в магазин. Мимо дома проходил черноватый мужчина в жёлтой телогрейке. Снявши потёртую шапку, протянул руку, представился Аркадием. Поздравил с покупкой, просил по всем вопросам обращаться к нему.

– Дрова, картошка, овощи какие – нет проблем. Со служебного входа.

В магазине, куда, оказывается, шёл также и он, я взял посудину. Естественным было то, что его приглашу. Стал брать закуску. От радости брал, чего подороже.

– Ты идёшь, Аркаша? – спросил я. – Или чего-то покупать будешь? – Зачем было церемониться, всё равно же на ты перейдем.

– Нет, я так зашёл, – отвечал он.

Продавщица хмыкнула. Мы пошли к выходу. На крыльце Аркаша как-то поёрзал плечами:

– Знаете что, разрешите к вам обратиться.

– К тебе, – поправил я. – К вам – отдельно, квас вместе.

– По рукам! – воскликнул он. – Ты взял дорогую, я видел. Но ещё возьми паругейку бормотухи, левой водяры. Потом поймёшь, для чего.

Но я уже начал понимать. К крыльцу двигались несколько, как говорили раньше, тёмных личностей. Очень приличные мужчины среднего возраста. Я понял, что придётся поить и их. Если хочу иметь тут благоприятную атмосферу для жизни. Нельзя же показать себя скупым, нелюдимым.

– Но почему плохую брать. Возьму, чего получше.

– Не надо, – решительно опроверг мой порыв Аркаша. – И кильки пару банок возьми. Бык помой пьёт, да гладок живёт.

Рукопожатия новых в моей жизни людей были искренни, крепки, имена их я не запомнил. Они дружно заявили, что давно знали о моём предстоящем въезде в село, пребывали в нетерпении ожидания, и что сегодня, прямо сейчас, наступает полнота человеческого оживотворения этих пределов. Витиеватость приветствия вернула меня в магазин, где я отоварился дополнительно. Продавщица многозначительно на меня посмотрела.

Начало новоселья

Около дома нас ждали ещё трое человек. Завидя нас, стали прямо ногами разгребать дорожку к дому. Тоже трясли и сжимали мою заболевшую правую руку. На крыльце шумно топали ногами, оттряхивая снег. Крыльцо содрогалось.

Такой артелью ввалились в мои хоромы. В них уже было можно снять верхнее одеяние. Замороженные стёкла в окнах начинали сверху оттаивать. Пальто, телогрейки и шубы свалили в угол. Снова обменялись рукопожатиями. Я просил всех называть меня на ты.

– Мы Господа Бога на ты называем, а друг с другом будем чиниться.

– То есть вы, то есть... ты не чинодрал? Но как же, вы же...

– Не вы же, а ты же! – поправил я.

Аркаша распорядился. Со двора тащили доски, клали на табуретки, получались скамейки. Два ободранных стола застеливали, как скатертью, очень приличными листками белой бумаги.

– Откуда такая?

– Да мы тут упакованные, – отвечал лысый человек. – Но ты им скажи, какая же это была империя, если центр кормил окраины?

Я даже растерялся:

– При чём тут империя, мы же выпить собрались. Прощу!

Зашумели, рассаживаясь. Севший на пол кричал, что так лучше, падать некуда.
 – Мы тебе всё обустроим, – горячо обещали они. – Вешалку из карельской березы притащим. Дом же с вешалки начинается. Ты не думай, мы не пьяницы, но суди сам, как с нами поступили! И не работай, и уехать нельзя. И никакой связи! Тут запьёшь, не то что.

Аркаша отозвал меня в кухню, сунул стакан.

– Давай! За тя, за мя! А им налей по сто, по сто пятьдесят и выгоняй. Ну, ты – хояин, твоя касса, я предупредил.

От старых хозяев остались треснутые чашки, толстые мутные стаканы, еще оказалось, что у некоторых стаканы были с собой, так что хватило.

– Сами наливайте, – велел я, за что получил от Аркаши пинок под столом.

Запах сивухи заполнил застолье. Аркаша подставил мне посудину, как я понял, налитую из качественной бутылки. Этим он отличил нас с ним от основной массы.

– Обождите, хоть колбасу нарежу, – сказал я.

Но они дружно загудели:

– Да зачем ты, да что ты, да разве мы не едали, да и зачем ты на еду тратился, себе оставь, рукавом занюхаем.

– Поднимем стаканы, да хлопнем их разом, – возгласил человек в кителе. – С новосельем! Да скроется разум!

– Да скроется тьма! – поправили его.

– Во тьме скроется разум! – бодро поправился он.

О, тут народ собрался грамотный.

– Ты, солнце святое, гори! – И я вознёс свой гранёный кубок.

– Кустиком, кустиком! – кричал невысокий лысый бородач. – Сдвигайте!

Сдвинули стаканы. И, правда, получился стеклянный кустик, выросший над столом на секунду и сразу распушившийся. Пошло у всех, кроме одного. У него, как говорится, не прижилось, он выскочил.

– Раз травил я в окно, было душно не в мочь, – такая была реплика.

Бедняга вернулся побледневший, но ещё более желающий выпить. Ему налили, но велели беречь драгоценность, отпивать по чайной ложке и прислушиваться к организму. Все с таким состраданием смотрели на него, так солидарно морщились, что участие помогло. Он стал порываться рассказать анекдот, но не мог его вспомнить.

– Сегодня не твой день, – сказали ему. – Не ходи в казино.

Добрались и до закуски. Мазали масло прямо на колбасу. Особенно любовно отнесли к селедке.

– А-а! – вдруг крикнул бледный мужчина. – Вспомнил! Вот! Один мужик всегда брал в магазине одеколон «Тройной». А тут приходит, просит ещё одеколон «Сирень». – Зачем тебе? – «Будут дамы».

Не надо было ему этот анекдот рассказывать, ибо давно замечено, что слова могут воплощаться. В дверь постучали, и вошла дама. Лет то ли под сорок, то ли за. Она села рядом со мною, оттерев Аркашу.

– Жду, жду, напрягаюсь, думаю, пригласишь. Но я не гордая, сама пришла. Ждал Людмилу?

Застольем командовал Аркаша. Двоих отправил за дровами.

– Пока не напились: марш-марш! Гената свистните, он знает, где и что. Сухих, лучше берёзовых. Берёзовые жарче, – объяснил он, считая вероятно, что я и в этом не разбираюсь.

– Какие будут указания? – спрашивали у меня.

– А без указания вы не можете?

– Можем! – Мужчина с бородой обратился через стол. – Ладно, буду тоже на ты, я сразу, а то потом к тебе не пробьёшься, докладываю проблему дорог. Я занимался коммуникациями. Спасение России в бездорожье. Любишь Россию – ходи по ней пешком. И желательно босиком. Появляются дороги – начинается разложение: наркотики, преступность, остальное.

– Хватит о работе, – перебили его.

Вот уже и последняя бутылка задрала дно к потолку, а коллектив ещё только только начинал разогреваться. Аркаша выразительно смотрел на меня. И другие смотрели. И что? И кто бы на моём месте поступил иначе? Раскопав в груди одежды свою куртку, я двинул в торговую точку.

Продавщица отлично понимала, что происходит в доме нового жителя, и советовала взять чего попроще.

– Мне-то выгодно продать дорогое, но вас жалко. Вот этим тараканов травят. Скорее упадут. Но сами это не пейте. А их не напоить. Мы, говорят, и работали до смерти, и пить будем до полусмерти.

Заговори, чтоб я тебя увидел

Около дома стояли широкие санки, нагруженные берёзовыми поленьями. У крыльца уже поселилась деревянная лопата для разгребания снега. В доме услужливо показали, что на кухне появились вёдра с водой.

Женщина Людмила снова сидела рядом. Человек в полувоенной форме встал:

– Прошу всех встать! За того, кого нет с нами!

И все посерьёзтели вдруг, встали и, не чокаясь, выпили. Причём, я невольно заметил, как они переглядывались, изображали горестное состояние, взгляды на меня, значительно кивали головами, потом отклоняли их под напором стакана, потом горестно созерцали его опустошенное дно, садились и сокрушённо склоняли головы. Потом, после приличного моменту молчания, была возглашена здравица:

– Теперь за того, кто пришёл на смену!

Все потянулись чокаться именно со мной. В полном недоумении я выпил. Ко мне протиснулся человек с листочком в руках.

– У нас же всё отняли, и труды, и технику. Даже личные ноут-буки. Всё отключили, живём в изоляции. Мы ж не с чего-то пьём. Так-то я спец по сферам управлений. Но немного архитектурю. Вот, почеркушка. Тут двухскатность, здесь теремообразно. Тут, в плане, зала для собраний.

– Для каких собраний?

– Общественных! Но чтоб в будущем никакого асфальта! А то, вот случай, был дом на улице Берзарина в Москве, в доме смертность зашкаливала. Сняли паркет, подняли оргалит. И что? Под ним мина – асфальт. Это же сгусток канцерогенности, раковая предрасположенность. Мёртвое море раньше называлось Асфальтовое. И когда стали в России делать асфальт, то звали его жидовская мостовая. Гибнем от асфальта. А не за какой-то там металл. Люди гибнут за асфальт.

– Но это же надо изложить! – воскликнул я.

– Я подготовлю обоснование. – Человек поклонился и отошёл.

Тут Аркаша стал читать стихи. Оказалось, собственные:

– Ох, бабы, бабы, ума бы вам кабы побольше бы бабы.

Не квакали бы вы как жабы, а были бы Божьи рабы.

– Аркаша, – растроганно сказал я, – вот тоже всё думаю, если бы классицизм не был бы так консервативен, его бы не вытеснил романтизм. А романтизм нам ни к чему. Уводит от реальной жизни, воспекает вздернутые уздой воображения чувства.

– А ты как думал, – отвечал Аркаша. – Как иначе – во всём борьба.

Женщина поникла и задремала. Архитектора сменил человек с ещё большей и уже седой бородой.

– Хватит слов! Мир перестал уважать слова, от них осталась только оболочка. Но есть же скульптура! Тут они все штучные многостаночники, а я как есть скульптор, так и есть. Ты ж видишь, я тут всех старше. Меня привезли лепить новых вождей. Чтобы, как власть сменится, мои работы размножить и натывать по стране. Но мне ж не позировали! Нет доступа к телам. А объём? Только фото. Смотри! – Он вытащил пачку снимков, но в руки не дал, раскрыл веером. Всё мужчины с решительными взглядами в объектив. Ни одного с бородой. Он убрал снимки. – Я могу вслепую рельеф вести. Но! Кого слеплю, тому кирдык. Слепил Горбача и что? И его тут же под зад. Борю валя, и

он вскоре не зарулил. Лепить этих или подождать? Но вообще как-то сероваты, мелки. Неинтересные черепа, слабая лепка. Какая твоя инструкция?

– Творческий человек инструкций не слушает. Бога надо слушать. Ренессанс в пример не бери. Какое там Возрождение, чего врать? Дикое язычество античности реанимировали, труп оживляли. Ты согласен?

– Попробуй я не согласиться, – отвечал скульптор. – Ты же начальник, значит, мы обязаны руки по швам. Я вот всё пробую к Сталину подступиться. Любить его не за что, но он же – история.

*«Чуть седой, как серебряный тополь,
он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
сколько стоил ему Сталинград?»*

Остальных изваять – раз сморкнуться: земнородные. А он всё выше и выше. Отчего? От того, что млечные лилипуги стараются грязью забросать. Я ещё Никиту и кукурузу успел изваять. Он на трибуне, по трибуне стучит початком, в другой руке ботинок. Голова легко далась – бильярдный шар. Уши прилепил – похож. Но а что? Сковырнули. А эти? Ты ж видел? Скушны модели, трафаретны позы, жесты перед зеркалом разучены. Нет, не они спасатели России.

– Изображай крестьян. И рабочих.

– Зачем? Пребывают в спячке. Даже свои цепи потеряли. Оставили только каски для стука. Лучшее... – Скульптор всмотрелся в меня: – Дерево! Ты не для бронзы. Твоя голова топора просит. Пару сеансов и – свободен. Горлонару, назовем так гонорар, не надо.

– Ну, подыдем, – воззвал истосковавшийся по вниманию Аркаша. – За то, чтоб крысы в подвале не плодились.

Вставший в рост мужчина в кителе возгласил:

– Нет, не спойть врагам Россию, / вина не хватит на земле! – Он оказался громче всех. – Ти-ха! Вопрос: от кого зависит наша жизнь? Конкретно? Думайте. Вас, мозгачей, зачем сюда везли? Поглядите в окно. – Все мы невольно глянули на тёмные, уже полностью оттаявшие окна. – Есть на улице голубые каски ООН? Нет? А почему нет? – Он грозно обвел взглядом застолье: – Докладываю: а потому нет, что в стране есть оборона. А в этой обороне я был не лишним, но горько вспомнить кукол истории – Мишку-похвалбишку и Борьку – алкаша, когда всё потащили на продажу, и измены пошли сплошь и рядом. И одна наша сволочь, был такой, продал секреты обнаружения низколетящих целей. Это, о-о-о! Бери нас голыми руками, вот как это называется. Вот такой оказался Мазепа, Петлюра, Бандера и Азеф заодно. В общем, целый поп Гапон. Н-но! – Оборонщик поднял указательный палец, потом помахал им справа налево и обратно. – Н-но, русский ум неустрашим. Мы за отрезок времени замасштачили кое-чего. И лучше. Летите, голубчики. Не летят. Зна-ают. Так что спасибо продажным сволочам. Воруйте, нам это только на пользу. Это же русские мозги, это же надо понимать.

– Скоро магазин закроется, – напомнил скульптор. – В счет авансов, а?

– Я с ним! – вызвался и этот высокий, в кителе.

– Ноги в руки! – Аркаша не упускал командирство. Перехватил у меня деньги, немного убавил и отдал. – Пулей!

Они даже и пальто не стали надевать.

– А вот и я, она самая, – раздался женский голос. Это проснулась Людмила. Резким взмахом поправила причёску и сходу включилась:

– За время внезапного сна лицеизрела корриду. Быки мельче наших, нервные. Один оторвался, два киоска снёс и летит! А я поймала. Хоп за ухо, он пошёл как теле-нок. И тут я просыпаюсь.

– Наша жизнь! – выступил Аркаша:

*– Ты, Россия моя, золотые края.
И была Россия, Святая Русь, а теперь какая грусть.*

*Раньше были мы свободны и не были голодны.
Зазря не послушали мы царя.
Остались с лопатой, да с судьбой горбатой.
На столе ни шиша, в кармане ни гроша.
Потому что пришла перестройка, а это одна помойка*

Собутыльщики ждали моей оценки. Я спрятался за известную формулу:

– Не знаю, как насчет поэзии, но насчет демократии правильно.

Аркаша, разойдясь, объявил, что прочтёт ещё, уже без политики, и начал было чтение: «У меня выбор был большой, зачем женился я на ёй?», но раздался возглас:

– Ревную! – Возглас принадлежал сидящему на полу человеку в очках. – Долой самодетельность! Слушайте настоящее:

*«И возродить нам хватит силы,
почти у бездны на краю,
из разроссиенной России
Россию кровную свою!»*

Как?

– Отлично! – сказали все.

– Очкарик заработал стопарик? Не старик я и не карлик.

Вернулись из магазина посланники. Народ добавил. Время несло к полуночи.

Конечно, такое новоселье не радовало, но сам же пригласил. Но вообще-то нашёл, называется, обитель дальнюю.

Аркаша отгрёб ногами к порогу загремевшие пустые бутылки, и возгласил:

– От пьянки не будет Россия во мгле, не хватит поскольку вина на земле! – Выпил, крикнул и запел: «Маруся, раз, два, три, калина, чорнявая дивчина, в саду ягоды брала». И стал даже маршрутировать на месте.

Оборонщик брякал граненым стаканом по бутылке:

– Команда пить чай!

И все воспрянули. Интеллект, разбуженный вином, вновь стал себя озвучивать.

– Ты, Лёва, запомни: мондиализм, масонство, космополитизм, сами вызывают к жизни национализм, а потом обижаются.

Тут Людмила досадливо дернула плечом:

– Опять про умное. Да ну вас! Я ушла. – И ушла.

Застольные крики

– Хозяин нужен! – кричали за столом. – Хозяин! Задницу доллару не лизать! Нефтяные рубли – на возвращение русских в Россию!

– Ворьё – на копание траншей! За курение и пьянку пороть! Лукашенко, Фиделя Кастро и Уго Чавеса – в президенты России! Хай будэ триумвират!

– Что нужно, чтобы любое дело загубить? – спрашивал поправивший здоровье архитектор. – Что? Надо всё время долдонить: инновации, инновации. И каркать: мастер-класс, мастер-класс. И квакать: хай-тэк, хай-тэк! И заездить всех симпозиумами. И призывать смотреть на Запад. А смотреть на Запад, значит, глупеть. А когда говорят: продвинутый, значит, зомбированный.

Я соглашался и в свою очередь тоже выступал:

– Вот вы думаете, зачем я пришел в этот дом? – Я к земле вернулся. Земля спасёт!

– Отличный посыл! – воспарил ещё один человек. – Уж я-то знаю, какие травы с какими не растут. Одни сорняки сравнить с другими, и всё – полезное расцветает. Так же и люди, так ведь? Надо стравливать банду с бандой, а то всё нас стравливают. Налей лично сам... подбавь... стоп! Теперь кудри наклонять и плакать.

– До чего дошло! – обращал на себя внимание лысый мужчина в приличном пиджаке, – Дошло до создания науки биоэтики. Этично ли отправить бабушку на прекращение жизни, то бишь на эвтаназию, этично ли послать жену на аборт и этично ли самоубийство, то бишь суицид. Этично ли насиловать маму, то есть инцест. Слова какие: суицид, эвтаназия, инцест! Музыка ада. Не хочу в такой мир!

– Ильич, опомнись, – заметили ему. – Тебя туда уже и не выпустят.
 – Но мы успели сказать главное, что наука ведет к гордыне. Пример? Письмо про-
 ишедших от обезьяны нобелевских лауреатов. Не слушают нас? Вина не наша.
 Для окурков оборонщик нашёл подобающую пепельницу, приспособил ведро. Ве-
 дро тоже будто курило, постоянно дымилось.
 – Не нужен наш ум? – вопрошал очередной специалист. – Спасёмся мышцами!
 Перестанем пить, будем трудиться. А что пьём – это простительно. Бог пьяниц жале-
 ет. Это не пьянство, судьба такая. Отцы пили, мы опохмеляемся.
 – Пьяницы Царства Небесного не наследуют, – как-то робко сказал бледный боль-
 шеглазый юноша.
 – Не упрекай, Алёшка. Начальник приехал, надо отпраздновать. Пьяницы – нем-
 цы, а не мы. Они систематически пьют. Или пивные нации – чехи и венгры. А запоями
 лучше. Всё-таки и перерывы.
 – А как не пить, в стране хаОс, значит, в людях хаОс.
 – Транссиб проложили, Гитлера победили, можно и отдохнуть.
 – Ты что, да чтоб русским дали отдохнуть? Много хочешь. Да мы в любом веке
 живём с перегрузками. С пятикратными.
 – Куда денешься, у нас не менталитет, а трехжильность.
 – Нам нужны победы! – кричал я. – Теплохладные и нейтральные идут за силь-
 ными. Но мы не в Древнем Риме. Хлеба и зрелищ? От того и исчезли. Но здесь Россия,
 и мы Византию не повторим. Нет, парнишки, жить надо начинать серьёзно.
 – Мы этого и ждали, – кричали мне, – мы по настоящей работе соскучились. Спа-
 сибо тебе – приехал!
 – Для начала заклеим тех, кто дрищет на русскую историю! – заявил лысый
 Ильич. – Ломоносов писал об изысканиях Миллера, цитирую: «Из сего заключить
 должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая за-
 пущенная в них скотина».
 – Не наливайте ему больше! Это не о Миллере, о другой скотине, о Шлецере.
 – Вот, вот, – одобрил я, – вот уже научный и практический спор. Да, ребяташки,
 пора вам в переднюю траншею.
 – Это законно, на фиг, что в траншею, – одобрил меня как-то внезапно появи-
 вшийся молодой парень, показав большой палец. – А пока сиди и радуйся. Вообще, это
 мужская коронка – пить без передышки. Хоть и тяжело, а крылато.
 Парень по-хозяйски уплотнил ряды сидящих, сел в середину, хлопнул рюмку,
 стрельнул сигарету, сказав при этом: «Дай в зубы, чтоб дым пошёл», затянулся, огля-
 дел застолье орлиным взором и расправил грудь.
 – А гром, значит, еще не грянул? Ну-ну, – учительски заметил я.
 – Пока погромыхивает, жить можно, – отреагировал парень и сообщил: – Дров это
 я тебе организовал. – И сунул руку: – Генат.
 – Вообще, не пить, это так же хорошо, как пить, – высказался Ильич. – На счёт
 раз: пей до дна, на счёт два: будь готов бить врагов. Вот тут и выруливай.
 – *Всегда сражаемся со Змеем, – бормотал лежащий поэт, – то рюмкой, то и то-
 пором, но грянет вдруг над Русью гром – мы моментально протрезвеем.*

Сидели дружно

– Кто виноват в наших бедах? – вопрошал я. – Есть вина государства? Есть!
 Но прежде всего и наша! Вы – русские мужчины. Вам ли пить? И чтобы семья! И что-
 бы, с кем венчаться, с тем кончаться.
 Мужчина, видимо музыкант, усилил звуки своего голоса:
 – Аристотель изрёк: хотите крепкое государство – контролируйте музыку!
 Аркаша вновь задалбливал стихами:

*– Я тихонько с печки слез, взял я ножик и обрез.
 Мне навстречу Севастьян, он такой же, из крестьян.
 Много дел у нас чуть свет: жгём читальню и комбед.*

– Не жгём, грамотей, а жжем! – поправил лежащий поэт в очках.
 – Главное – набрать объём, – гудел мне на ухо скульптор. – А сколько моих бю-
 стов в Доме мочёных и в музее Развалюции, при желании можно атрибутировать.
 – А меня батюшка спрашивает, – вскидывалась внезапно вернувшаяся женщи-
 на, – почему ты не была на службе, Людмила? Я отвечаю: – Я вино вкушала, батюш-
 ка. – Слово «вкушала» ей очень нравилось.
 – Давайте общий разговор вкушать, – предложил я. – Вот чем вы объясните син-
 дром теперешнего безразличия к судьбе Отечества?
 Кто-то поднял голову:
 – Это не безразличие, это необъяснимое качество русского народа. России некуда
 спешить, она, единственная, живет по-человечески. Остальные бегут, бегут и бегут, и
 исчезают. Хоронят себя в своей жадности и суете.
 – Слышали? – восхищенно возопил я, – все слышали? Кто это сказал?
 – Да это Ахрипов, – сообщили мне.
 – Ахрипов! Снимаю шляпу! Русскую идею ищут. Да идея любого народа появ-
 ляется вместе с ним, иначе и народа нет. Приняли Православие – появилась Русь.
 За Русь!
 Такая здравица уничтожила остатки напитков, и я стал порываться в магазин,
 чтоб продолжать славить Русь, но мне доложили, что магазин погасил огни. Но, так
 как есть проблемы трудно решаемые, есть долгорешаемые, но нерешаемых нет, то
 и эту разрешим, ибо в заснеженной ночи неутомимо работает самогонная фабрика.
 Правда, её владельцы, вот собаки, взвизгивают, по случаю новоселья цены. Но это меня
 не устрасило. Помахивая ассигнацией, спросил:
 – Чьи ноги? Сам бы, как Ванька Жуков, побежал, дороги не знаю.
 Оказалось, что знает только Аркаша.
 – Вперёд, усталая пехота! – велели ему.
 Уже много бойцов полегло на мои половицы. Тела их раздвинули, сделав проход к
 дверям. Я вспомнил о печке и подтопке. Всё в них прогорело. Закрыв трубу.
 – Не могу понять успеха песни про атамана, с которым любо жить, – рассуждал
 музыкант. – Порубанные, постреленные люди. А жаль кого? Буланого коня? Музыка
 заказана. Или завывания Оболенского и Голицына по поводу того, что не они, а ко-
 миссары «девочек ихних ведут в кабинет». Девочек не поделили. Всего-то?
 Вернулся Аркаша с трехлитровой бутылкой мутной жидкости и со словами:
 – Там у них радио настроено на Москву. В Москве семь миллионов мигрантов. Это
 кто? Тараканы, что ли, какие?

Вот уже и ночь

Проёмы окон, не закрытые шторами, были темны, и казалось – пространство
 избы сдавливается чернотой. Застолье сбавляло обороты, выдыхалось. Наступила
 беззвёздная ночь.
 Аркаша примостился рядом и всё жаловался:
 – Негде же заработать.

*Вышел я на работку,
 и отбили сразу охотку.
 Зарплату дали так уньло,
 что не хватило даже на мыло.
 И за свет заплати,
 и на морозе ногу об ногу колоти.
 Вот так, друзья интеллигенты,
 надо народу платить алименты.
 Ведь мы живем без папы и без мамы,
 пустые наши карманы.
 Выйду на улицу, попрыгаю, поскАчу,
 вернусь домой и заплачу.*

– Как это – поскАчу? – спросил я. – ПокАчу. ПокАчу надо. Ты русский язык бе-реги, ты его хранитель, ты народ, понял? Если уж из интеллигентов сделали дураков, так народу-то надо сохраниться.

– Храню, храню, – торопился Аркаша. – Вот, например, храню:

*«Люблю грозу в конце июня,
когда идет физкультурпарад,
и молча мокнет на трибуне
правительственный аппарат».*

Нас услышал лежащий у ног и сильно до этого храпящий рифмующий мужчина. Он и спал в очках. Сел и прочёл сидя:

*– Всё, что надо, есть в жизни для счастья,
Только нету его самого.
Нету в мире к России участия,
И плевать нам, что нету его.*

И вновь откинулся. И я созрел для сна. Аркаша спихнул какого-то страдальца со старой ржавой кровати, назвав его Лёвой, велел ему карабкаться, как он выразился, в общественную палату, то есть на полати, навалил на панцирную сетку всякие верхние одежды, и показал услужливо: тебе. Сам по-собачьи улегся на полу.

– Да, пребываем во мраке, – кричал кто-то. – Но в этом мраке есть высверки истины, искры разума и молнии мысли. Скандинавская история Руси навязана! Аналогии с Византией – натяжка! Науськивания на Белоруссию – свинство!

Эти высверки молний озарили мне пространство моего сна. Ближний Восток предстал в нём в виде жаркой кухни, и кто-то горячо шептал на ухо: «Ставь русский котёл на плиту, ставь, пока есть место».

Алёша и Людмила на крыльце

Видимо, такой сюжет был от духоты, в которой я проснулся. Дышать было трудно. Это печи, натопившись досыта, дали такое тепло, что спящие сдирали с себя пиджаки и рубахи. На чёрных окнах ожили огромные, гудящие мухи. Снизу, из подполья поднимался запах тлена. Две худые страшные кошки ходили по столу. Я в ужасе упал обратно на скрипящее железное ложе. И вновь стал задыхаться. Нет, надо на воздух. Он же здесь первозданный.

Кое-как пробрался, шагая по телам, но все-таки не по трупам: люди храпели, хрипели, стонали, чесались. Запнулся о поэта. Он включился:

*– Ты собою владей,
не ступай на людей.
Да-а, жизнь, куда ни посмотри я –
везде одна психиатрия.*

На крыльце кто-то был живой. И этот кто-то рыдал. Слабая луна осветила и крыльцо и рыдальца. Этот был тот самый юноша, который сказал, что пьяницы Царства Божия не наследуют.

Я постоял рядом, тронул за плечо:

– Иди в избу, простынешь.

– Нет, – отпрянул он, – нет! – Высушил рукавом слёзы на щеках. – Я плачу и рыдаю не на показ. Я вижу мир, – он повёл рукой как диакон, – который виноват перед Богом.

– Поплакал, и хватит.

– Алёша, – представился он, суя мне дрожащую мокрую руку. – Я был монахом. Я спасался. Мог спастись, реально, но старец послал в мир. А тут!

И ещё одно явление было на крыльце. Опять Людмила.

– Не подумайте чего, покурить пришла. Так вот, была я у него референтом, но не будем ханжить – не только! Мне и подковёрные игры известны и надковёрные. Но он

был реальностью, куда денешься. Даже не знаю, отец ли он моих девочек. А вообще мужики – это всё брюко- и брюхоносители.

– Ах, всё не так! – воскликнул Алёша. – Вы же его любили!

– С чего бы я стала его любить? – спросила меня Людмила. – Да и кто он? И где он? Это тебя, малахольный, Юлька любит, а ты не ценишь. Смотри, упустишь!

– Людмила, – сердито сказал я, – мне некогда вникать в вашу жизнь, я в ней слушаен. Кого ты любила, кто отец, где дети, мне это знать не надо. Но откуда все эти артельщики? Это что – спецпоселение какое?

– Это мне тебя надо спросить, – отвечала Людмила, выскребая из пачки сигарету.

– Алёша, пошли досыпать, – пригласил я.

Но оглянувшись, Алёши уже не было. Ладно, что мне до всех до них. По дороге к лежбищу снова споткнулся о поэта. И будто нажал на пружинку, он резко сел и продекламиривал:

*– Надев коварства гримы, сполняя папин труд,
Из Рима пилигримы на Русь Святую прут.
Цветет в долине вереск, весна, пирует власть,
Жидовствующиx ересь у нас не прижилась.*

– Каково? – гордо спросил он. – Из себя цитирую. Конечно, не великий сменщик Пушкина Тютчев, но! Учусь у него. «В русских жилах небо протекло». Это написано по-русски. Доходит?

– Доходит. Спи.

– Есть! – отвечал он, и в самом деле принял горизонтальное положение. Но, засыпая, пробормотал: – Тогда не прижилась, но сейчас перешла в новые формы. И это нарушает всякие нормы. Кармы – в корму для кОрма Карме! – И храпанул.

«Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье!»

А утром... что утром? Аркаша ходил по избе как дневальный и пинками будил население. Конечно, хорошо бы сейчас тут одному остаться, но нельзя же было их выгнать. Они видели спасение только во мне. Просыпались, сползали с общественных полатей, смотрели ожидающе.

– Нам же не для пьянки, – гудел оборонщик, – Мы проснулись, нет же войск ООН под окнами. Не вошли же ещё в Россию войска лишённые эмоций. Так что, по этому случаю, а? Начальник, а? Нас вывезли, мы горбатились, и стали не нужны? Мозги-то мы не пропили! Должны же нам заплатить! Вася, как ты себя чувствуешь?

– Было бы лучше, не отказался б, – отвечал взъерошенный Вася. – Но, может, дать организму встряску, денёк не пить? Эх, пиджак-то измял. Аркаш, тел уснувших не буди, в них похмелье шевелится.

На Аркашины пинки не обижались. Поэт и глаз не открыл, только произнёс:

*– Гармоничная личность –
для дураков утопичность. –*

Но после второго пинка встряхнулся и сообщил:

*– С утра живу под мухой,
похмельем благоУхаю.*

Нет, не так.

*Я жизнь свою с утра не хаю,
я чую, как благоухАю.
Не прерывайте творческий процесс,
уж прекращен диктат КПСС?
Но мне ответьте на вопрос:
кем оскорблён великоросс?*

Разбудишь, когда принесёшь.

*Ведь жизнь во мне не умерла,
умею пить я из горла. –*

И поэт отвернулся к стене.

– Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье, – сказал Аркаша лысому.

*– Серпом по молоту стуча,
мы прославляем Ильича, –*

добавил скульптор. – Слышь, Ильич, хочешь политическое удовольствие получить?

– А почему бы и нет, – зевнул Ильич.

– Незалежни, незаможни, самостийни хохлы, когда дуже добре не могут вталдычить собеседнику простую истину, то кричат: «Я тобі руським язиком кажю!». Ось то заковыка.

Ильич снова, ещё крепче зевнул и шумно поскреб лысину. Обратился ко мне:

– Ну, как там мавзолей? Всё пока ещё, или, несмотря ни на что, уже? Мавзолей – это же пергамский престол сатаны. Если всё ещё не снесли, зачем было будить? Аль нальете? Это бы вот было архиактуально, архисовременно и архисвоевременно. – В Монголии, – он зевнул уже слабее, – водка называется архи. Там у трапа самолёта прилетевших встречают этой архи и очень хвалят Ленина, сказавшего: «Архи нужно, архи полезно, архи необходимо». После этого остальное не помнишь. Не надо нам было туда трактора двигать, не земледельцы они, скотоводы. А арабы плотину Асуана помнят, мы им пойму Нила залили.

– Начальник, ну вот скажи, – возгласил Вася, – это нормально? Вернулись с кладбища – все работы, компьютеры, телефоны, всё исчезло! Мистика! Тут запьёшь.

В избе колыхались сложные запахи похмелья. Хотелось на воздух. Тем более, всё равно придётся пойти за жидкостью для их реанимации. Другого счастья наутро после крепкого застолья не бывает.

– Ты иди, – виновато говорили они, – мы тут приберёмся.

Дорожка моя была протоптана. Странно, но чувствовал себя очень даже нормально. Раннее солнце нежилось на облаках над горизонтом, но чувствовалось, что до конца оно из постели не поднимется. Так, потянется пару раз, да и опять на покой. Зима, можно и отдохнуть.

– Ну, и как живете? – вроде даже сочувственно спросила продавщица.

– Да по-разному.

– Ладно, что хоть не по-всякому. Но всё равно для всех вы хорошим не будете. Они вас уже и так ославили. Знаете, как о вас заговорят: вот, приехал пьяница командовать пьяницами.

– Спасибо за пророчество, – благодарил я. – А пока надо мне их опохмелить.

– Это благородно, – одобрила она. – Хотя из-за них нам никуда и не выехать, но тоже люди.

– Как никуда не выехать?

– А куда нам выезжать? – ответила она вопросом на вопрос.

В ставшем родным доме меня приветствовали, как вернувшегося с поля боя. Было приблизительно убрано. Аркаша дурашливо приложил руку к пустой голове:

*– В глухом краю
вглухую пью.
Открываем перцовку,
начинаем массовку. –*

Он свинтил пробку, стал плескать во вчерашние стаканы. Народ воспрянул. Аркаша комментировал:

– Запах услышав родной и знакомый, зашевелился моряк. Пей, профессура!

Первая серия опохмелки прошла мгновенно. Часть народа выпила и упала досыпать. Звяканье посуды пробудило поэта, он протянул руку за стаканом:

*– Не будем, братцы, гнаться за процентом,
Не для кончины жизнь была дана,
Но вскоре здесь член-корргов и доцентов
Процальные напишут имена.*

Выпил, снял очки, протер их шарфом и опять захрапел.

На кухне, к моему изумлению, распоряжалась юная особа. В вышитом передничке.

– Кастрюльку принесла, – сообщила она и назвалась Юлей. – Капустки, свеколку, морковку, борщ надо сварить. Нельзя же без горячего. Так ведь? А то тут такой президент-оттель, что с голоду загнёшься.

– Я женат, – сообщил я.

– Даже так? Но это ж где-то. – Она щebetала, а сама ловко распоряжалась посудой и овощами. – Лук я сама почищу, вам плакать пока не с чего. Так ведь, да? Мы были как плюс и минус, как половинки, разве не так? Всё будет хорошо, да? У нас будут красивые дети, не так ли? Аля-улю, лови момент! Дозреет вскоре мой клиент. В вашем возрасте надо думать об оставив след на земле, а? Ещё не вечер, а?

Не успел я спросить, что за момент мне предлагается ловить, как меня вновь дёрнули за рукав и говорили:

– Выдай ещё валют. В счёт будущей зряплаты. Надо же продолжить. На халяву и извёстка – творог, так что хоть бы бормотухи. Надо правильный опохмел соблюсти. Хоть посидим. Ты не думай, мы тебя под монастырь не подведём.

– Это как раз было бы хорошо, – отвечал я. – Был бы игуменом, вы б уже на поклончиках стояли.

– Ну, ты садист, – отвечали мне. – Мы не только стоять, мы сидим еле, а ты поклончики.

– А ежели гром грянет, а? – спросил я грозно.

– Ты и вчера громом угрожал, – отвечали мне, обнаруживая свою, лучшую, чем у меня память. – Мы отвечали, что перекрестимся и встанем. Но сейчас-то не томи.

Новый день. Разговоры о разном

День начатый правильной опохмелкой, продолжился учёными разговорами. Вася разговорился:

– Во всем вижу влияние цифр. Вот размах: от бесконечно малых величин до бесконечно больших. Такая амплитуда, такой маятник. С ума сойти: как это – бесконечно большие? От этого ужаса введено понятие икса. Икс в энной степени! это что? Или: «мнимая величина». Мнимая! И живём?

– Тут не только цифры, – заговорил худой Лёва, – есть и тела. Прикинь – звезда размером с галактику, да? Или в эту сторону: нейтрон недоступен визуальному зрению, а для какой-то частицы он – великан, да? И у блохи есть свои блохи.

– Лёва, стоп! – воскликнул Ильич. – Визуальное зрение? Ты т а к сказал? На колени перед русским языком! Английский легко заменить долларом, а на русском с Богом говорят! Ты ещё не на коленях?

– А ты что, русский язык?

– Говори просто: есть звёзды карлики, есть гиганты. И сотни движений звёзд и планет. Пора, кстати, подумать, когда возобновим работу, как при грядущих катаклизмах вписать нашу планету в безопасную систему плаванья во вселенной.

– Для начала надо покончить с зависимостью от нефти. Энергий в России не счесть: солнце, ветер, вода. За энергию без нефти! – это выступил Вася.

Лысый Ильич как-то очень нервно вновь потребовал внимания:

– Позвольте продолжить вклад в утреннюю беседу: западные имена годятся в собачьи клички. Гор, Буш – чем не имена? Никсон – это такой породистый кобель. Тутчер – сука. Маргарет – это сука медальная, победитель собачьих сессий. Блэр, Тони – все годится. Но это только звуки неясных слов. А русский язык – это тайна...

– И он впадает в Каспийское море.

– Не язви. Вопрос: во сколько раз больше дано эфирного времени, газет, журналов врагам России? Раз в сто. Самое малое. Так почему же они ничего не

могут добиться? Они ж непрерывно льют злобу и ненависть на Россию. Но слово Родина – это слово молитвы, оно неуничтожимо, оно выстрадано. Это как золотой запас для бумажных денег. Нет его, и печатай зелень, сколько влезет. Их слова не обеспечены золотом любви к России. Не будет им веры никогда. Брехать мастаки-и, но народ слушает и чувствует – фальшак! Русскими правят россияне! Сажусь.

– Садись. Года на два наговорил.

На кухне закипал борщ, и запах его перебивал остальные.

– Съешь две тарелки, ещё попросишь, – говорила мне при всех Юля. – Ещё и в щёчку поцелуешь.

– Позвольте договорить! – опять вскочил Ильич. – Мысли с похмелья скачут как бы как зайцы по старому насту, не оставляя следов. Говоря о преимуществе русского языка, забыл подчеркнуть, что знание языков – самое низкое знание.

– А в сноске заметь, – ехидно уколол Лёва, – что сие откровение ты свистнул из Посланий апостолов.

Я встряхнулся:

– Задаю вопрос. Всем. Как вы думаете спастись от антихриста?

– А он, что уже пришёл?

– Пить не перестанете, быстро придёт. И что? И примете печать антихриста?

– Ни за что! – резко воскликнул вроде бы безчувственный оборонщик. – Он крякнул и подсел к столу. – Ни за что!

– А чем будешь питаться?

– Подножным кормом! – заявил недремлющий Аркаша. – Я когда на базе потребсоюза мешки таскал, всяких семян наворовал. Как чувствовал. Собирал на жизнь богатство несправедное.

– Аркадий, вы неправильно употребили евангельский текст.

Это Аркашу поправил Алёша. Он оказывается, сидел тихо и незаметно, но всех видел и всё слышал. Ел ли он что, пил ли, не знаю.

Музыкант Георгий, ударяя пальцами по краю стола, как по клавишам рояля, возсоздал какую-то мелодию:

– Я от «Пятой» Чайковского рыдаю. А «Итальянское каприччо», первая часть? Рыдаю! Пятая Бетховена! Мусоргский! Шуберт! Похороните меня под музыку. Музыка делает сердце готовым к восприятию Бога! От того-то сатана и кормит рокеров, они превращают отроков и отроковиц в тинейджеров и фанатов. – Он запел: – А-а-а-аа. Такие верха брал, в ультразвук уходил. А какая главная музыка? Ти-ши-на. Язык будущего века – молчание. Помолчим?

Но оборонщик тут же вмешался в паузу:

– Молчать? Домолчимся! Нет, иди и говори! Все же скалятся! Германия что, забыла флаг над рейхстагом? Даже и Грузия тоже уже. Ну, это-то. А украинский Змеющенко в НАТО скрёбся. А Япония-мать? Даже и Монголия. Им Чингиз-хан отдал земли, куда ступит копыто монгольского коня. А оно ступило до Венгрии. И мы держали их сожжением Рязани, подвигом Евпатия Коловрата, гибелью Киева и Владимира. И где благодарность Европы? Изображает из себя, что передовая. Передовая – педерастов венчают.

Вдруг, опять же вроде спавший, поэт сел, поправил очки и прочёл:

*– Эстония – такая крошка,
любого-каждого спроси,
она теперь как злая блошка
на теле матушки Руси. –*

И опять откинулся. – И опять сел:

*– А вот, хоть верьте, хоть не верьте,
но все мы едем прямо к смерти. –*

И заснул сидя, и повалился, сразу начиная храпеть.

– Ну-к что ж, в тему, – одобрил оборонщик. – Что, Лёва, не согласен?

– Ты еще менталитет вспомни, да евреев ругать начни, – ехидно ответил Лёва, единственный из всех в галстук поверх свитера.

– А что, Лёва, снова нельзя? – Это вступил Вася, – А я уже такую фразу сочинил, самому нравится: представить русскую культуру без еврея все равно, что женщину без сумочки.

– Почему русскую? Российскую! – поправил оборонщик. – Если русская с евреем, какая же она русская? Тогда уж: представить голубой экран без еврея всё равно что каторжника без ядра на ноге. А, Лёва?

– Тяжеловато. Думаешь: кто ядро, кто каторжник? Нет, про сумочку лучше. Изящно и не обидно. Вообще, лично я целиком за евреев. Только не понимаю, почему обижаются, когда я говорил, например, что Шагал, Марк, естественно, еврейский художник. Ты что – крику! Он величайший и французский, и всякий! Если бы я был евреем, я бы Шагала не отдал никому.

– К этой мысли ты сам пришагал? – спросил с пола, хотя и храпящий, но недремлющий поэт.

– Может, ты, Лёва, и есть еврей? – спросил оборонщик.

– А это принципиально?

– Да. Евреи жить умеют, у них самозащита поставлена только так! Русскому ногу оторвёт – лежит и молчит, а еврею на ногу наступят, такой визг подымет.

– А я-таки не хочу, чтоб мне ногу отрывало, и таки-да, да, не хочу, чтоб мне на ноги наступали. – Лёва обиженно стал вертеть в руках вилку.

И вновь на краткое время проснулся поэт в очках. Что-то, видимо, внутри него, может быть, даже помимо его сознания, соображало и сочиняло, и периодически выдало на гора.

*– ПропИли, прокурили, прожрали всё и вся,
Но чтоб отдать Курилы? Вот накось-выкуся, –*

И привычно храпанул.

– Кем угодно можно быть. – Это уже я решил отметить в разговоре. – Но только христианином. Христианином. Еврей, который крестится в христианство, исполняет израильский закон. Перечти пророка Исаяю, евангелиста Ветхого Завета.

Я достал из внутреннего кармана пиджака и листал Новый завет.

– Хоть вы и умные, напомню. Считаете меня учителем?

– Да! – грянули голоса из хора. – Ещё бы! Любо! Быть по сему!

– А мой учитель вот кто. Читаю: «Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей из евреев, по учению фарисей». Послание к Филиппийцам, глава третья, стих пятый. Это апостол Павел, мой учитель. Но чтобы, Лёва, забыть, как уже в моё время они издевались над Россией..

– Как?

– На свинье написали слово «Россия» и свинью на телеэкран выпустили. Мало? В задницу корове предлагали глядеть и называли это «Заглянем вглубь матушке России», это тоже демонстрировалось. И этого мало? А галерея Гельмана, центр Сахарова? Такое не заживает. Оскорбление России – это оскорбление Христа! Вот тоже, фильм «Покаяние». Покойника выкапывают, торты сделаны в виде православной церкви. Пожирают.

Аркаша назойливо зудел на ухо, что Юля по-прежнему молода и красива, что надо идти к ней на кухню, кушать борщ.

– Пусть на всех тащит.

– Именно тебя хочет угостить.

Выскочила и Юля, успевшая стать брюнеткой, одетая в цыганистое красночёрное, с поварёшкой в руках. Загудели комплименты, но Юля молвила:

– Отстаньте все! Я преодолею порывы инстинктов доводами рассудка. Справлюсь с ними голосом разума.

И, взмахнув поварёшкой и взметнув в повороте просторной юбкой, исчезла.

Те же и Генат

Тут случилось появление нового героя, то есть не нового, вчерашнего молодого парня, но с лицом, обновлённым царапинами и синяками.

– Генату осталось? – спросил он. – Видали? Все видали? – Он весело тыкал пальцем в своё лицо. – Я парень резкий, поняли все? И снится мне, на фиг, не рокот космодрома. Вчера иду от вас, встретил Тайсона и Мохаммеда Али. Заговорили. Меня не поняли. Говорю, что ж я за свое село не могу выйти, я что, в зоне? Отвечали по-своему. Трясли как грушу. Но я ж не плодовое дерево. Уже за своё село и не выйди. Отметелили. Вопрос: раньше били лежачих? – Генат осушил чей-то стакан.

– Лежачих не били, – ответил я, – но и чужие порции не заглатывали.

– Это я стресс сбросил, – оправдался Генат и толкнул спящего соседа: – Слушай, Ахрипов. Я тебя из-за фамилии запомнил. Давно пьешь. Чтобы так, по-серьезному?

– Начал только здесь, – отвечал тот. – Не вынес издевательства.

– Ну-у, – протянул Генат. – Я со школы полощу. Я так заметил: кто впился, тот и живёт. А кто, то бросит, то начнет, у того башка перестает соображать: он как следует и не балдеет, и толком не протрезвляется.

– Пьянство, – отвечал Ахрипов, – это не потеря времени, а его преодоление. Прощу выключить записывающую аппаратуру. Буду говорить, стоя на одной ноге, то есть коротко. Наполеон проводил советы в стоячем виде.

– Тогда сам вставай. Наполеон.

– Но неужели нельзя понять, – возмутился Ахрипов, – встать не могу.

*Я лежу на берегу,
не могу поднять ногу.
– Не ногу, а ногу!
– Все равно не могу.*

Но спину выпрямлю. – Он откинулся на заскрипевшую спинку стула. – Говорить можно при любом положении тела в пространстве. Два афоризма: косноязычие не мешает мысли. И второй: вечность и Россия – близнецы. Время – составная часть вечности. Россия властна над временем, тогда как остальной мир растворяется во времени до нуля. А Россия вписана в вечность как радиус в окружность. Это для России данное. – И социолог Ахрипов снова уснул.

– А я думал – любовь – это приколы всякие, то-сё, хохмочки, а когда сам въехал – тут вообще! Море эмоций! – Это снова выступил Генат. – Говорю ей: меня же клинит, вообще, глюки всякие начались, как это? Не спал, цветы воровал, роман!

– Гена! – оборонщик стал допрашивать Гената. – Ты работал хоть один день в жизни? Ты заработал хоть на кусок хлеба? На ржаную корку?

– Спасибо за хороший вопрос, – насмешливо отвечал Генат. – Да, работал. Лягушачьи консервы для Франции.

– Вот именно, что Франции. Эгалите, либерте, фрaternите! – воскликнул лысый Ильич. – Дали миру лозунги – жрите лягушек. Эти либерте были началом конца.

Генат возмутился:

– Будете слушать? Делал консервы полдня, весь переблевался и больше работы не искал. Меня держат: у тебя перспективы карьерного роста, с год лягушек попрессуешь, потом перейдешь на жаб. Они же ж, французы, и жаб обсасывают. Нет, бомжатская шамовка и то лучше.

– А на что тогда пьянствовал? – сурово спросил оборонщик.

Генат возмутился ещё сильнее:

– Зачем же я тогда женился, а? Я не как вы, умники, фигнёй не занимался. Я не на ком-то женился, а на чём-то. Разница? Подстерёг на жизненном вираже и – хоп! Она: «Тихо, кудри сломаешь». Я ненавижу рестораны, сказал ей, вывернув карманы. Тёща – змея исключительная. Стиральная машина у ней была первых моделей, раньше на цветметалле не сэкономили. Культурно отвинтил чего потяжелее и – в приёмный пункт. Беру пару, на фиг, бутылей. Ей же, кстати, и налил. Выпила – орать. А я её звал и прозвище прижилось, звал: тёща – би-би-си. Идёт по улице, всем говорит, где

что, где кто что. Кто сошёлся, кто развёлся, кто от кого ушёл, кто к кому пришёл. Так и звали: тёща би-би-си или брехаловка, а это, вам ли не знать, одно и то же. Дедуля, – ласково обратился он ко мне, – позволь приложиться к графинчику. Не к стаканчику.

– Гена, не вульгаризируй общение, – заметил лысый Ильич.

– А ты по-русски можешь?

– Уже не может, – заметил Лёва, – год русского языка закончился.

– Обидно вам, – ехидно сказал Генат. – Учёные! И учёных из рая выперли. А то и не пили, и пить со мной не хотели, вот жизнь вас и проучила. На пузырьрёк подсели. – Генат вдруг задвигал ноздрями, услышал запахи доносящиеся с кухни.

– Пойду на зов желудка, – сказал он.

*– Искал её в краю далеком,
а где она? Она под боком.*

Путь к сердцу мужчины лежит через тарелку борща.

И скрылся за занавеской.

Поэт вдруг запел на мотив «Страданий»:

*– Янки по миру ступа-ают,
ну а гордость их тупа-а-я.*

Монолог Ильича

В центр внимания вышел Ильич, выбросил вперёд, по-ленински, руку:

– Может быть, коллеги, кто-то верит избитой пошлости про путь к сердцу мужчины, – жест в сторону кухни, – но путь к России, – жест к своему сердцу, – лежит через душу. Вот эту мысль надо иллюминировать. Зачем я здесь? Затем, что писал речи для первых лиц. Перед вами спичрайтер, который всех переспичит. Но оказались первые лица несмысленными галатами. Не вняли. Теперь мы понимаем, им наши труды, над чем мы горбались, в папочку «К докладу» не клали. У несмысленных галатов о-ч-чень осмысленные шептуны при каждом ухе. Я сказал и не был услышан: Нельзя талмудычить только о благосостоянии. Возрождение России свершается за год без единого затратного рубля. Первое лицо государства должно посыпать голову пеплом и сказать в послании: «Год молиться – воспрянет страна, только надо молиться без роздыха». Предложение забодали. Там же все с рогами. Друзья мои, – Ильич перешел на задушевные ноты, – друзья мои, если бы с экранов телевизора, кино, из газет и журналов, приказом правительства, исчезли похабщина, разврат, сцены постели и мордобоя, если бы всё это свалить в болото перестройки и закатать в асфальт, тогда бы мы жили и дольше и счастливее. Пока же демократы целенаправленно вгоняют нас в гроб пропагандой адской жизни и картинами гибели России.

– Штампамы говоришь, – сердито заметил оборонщик. – Всё проще – в гроб вгоняют, чтоб на пенсиях экономить. Раньше у тебя выступления были лучше.

– Да и раньше меня не слушали. Хоть сейчас дай договорить. Самое мерзкое из того, что пришло в Россию – то, что молодежь ищет не призвания, а выгоды. Девушка ждёт не любви, а богатого мужа. Что вы всё меня окорачиваете?

– Да ты что, да разве мы можем, и кого? Тебя? Обидеть? – задуел оборонщик. – Ильичушка, родной! Я же вот как помню твои доклады: «Когда появляется Конституция, государство гибнет» и второй: «Когда появляется парламент, народ становится безправным». Они у тебя сохранились?

– Да если не сохранились, я заново напишу. У меня ещё в работе синтез Феофана Затворника, Данилевского, Ильина и Леонтьева. А также глупость цели – стать конкурентноспособными.

– Позвольте поднять личный экономический вопрос, – вступил Лёва. – Обещали золотые горы, и – ни копейки. Вы разберитесь.

– То есть вас купили и вывезли? – Я что-то начинал соображать.

– Я не за деньгами ехал, за идею! – заявил оборонщик.

Наконец-то, впервые за дни и часы рифмования и лежания на полу, поэт встал и

пошёл просвежиться. По дороге к порогу впервые заговорил прозой, и впервые прочёл не свои строчки:

– Народ обманывать можно, обмануть нельзя. Как ни пыжаты либералы с оттепелью, как был Никитка палач и дурень, так и останется. И стихов:

*«Товарищ Брежнев, дорогой,
позволь обнять тебя рукой»,*

ему не дожидаться. Так вот! – И вышел, и захлопнул за собой дверь.

Людмила и остальные

Но недолго дверь была без работы, она медленно открылась, и так же медленно в дверном проёме появился кирзовый сапог большого размера. Но когда он вдвинулся в избу полностью, оказалось, что сапог надет на женскую ногу. Вскоре хозяйка ноги вдвинулась полностью.

– Не ждали, но надеялись, так?

Это снова была Людмила, которая вчера вино вкушала, Курила на крыльце, а потом исчезла. Как и вчера, села рядом.

– Не захотел со мной Буратино делать? Умный. Я б тебя всё равно бросила.

– То есть не любить тебя невозможно?

– А как же. Ты вот спроси, а лучше не спрашивай, с чего я пошла в жизнь безотрадную? С чего запела: *«Не говорите мне о нем, еще былое не забыто»?*

– С чего?

– А, спросил. С чего же бабе погибать, как не с любви проклятой. Мужики отчего пьют? За кампанию или с горя. А бабы? От отсутствия любви. Он бросил меня, брошенка я. И ты, туда же, спрашиваешь, зачем пью. Чего не наливаешь? – Я налил в чашку, она её опрокинула, посидела секунду, потом встряхнулась. – Ах, как хочу мстить! Вот паразит уже у ног ползает, вот! И тут его о-тто-пнуть!

Людмила показала, как отопнёт – мотнула ногой так, что сапог слетел с неё, два раза по-цирковому перевернулся в воздухе, и по-гвардейски, встал на полную подошву. Людмила полюбовалась своей обнаженной красивой ногой, покивала ступней, и вновь заключила ногу в кем-то поданный, обретавший временную свободу, сапог.

Обувшись, помолчала:

– К чему это я воспарила? Был же и рояль раскрыт, и струны в нём. И стояли тёмных берёз аллеи. «Отвори потихоньку калитку». А утром: «Отвали потихоньку в калитку!» Юморно, а? «Онегин, я с кровать не встану». Я тогда моложе, я лучше качеством была. А потом, что потом? Стала объектом и субъектом опытов как организм женщины. Усыпают, так? Просыпаешься, да? – оказывается, ждешь ребёнков. Интересно? – Тут она взяла паузу. – Вот такусенькая жизнь подопытной Евы! – Людмила, будто заверяя сказанное, хлопнула ладошкой по столу.

Этот звук вновь воскресил к жизни социолога Ахрипова. Он тоже врезал по столешнице, но не ладошкой, а кулаком и крикнул:

– Что есть альфа и омега? А? Совесть! Её нет в бюджете, но ею все держится. Есть в государстве совесть – оно спасено. Нет? Тогда не о чем разговаривать. Есть совесть и – нет воровства. Есть совесть и – нет сиротства. Есть совесть и – нет нищеты. Есть совесть и – нет сволочей в правительстве. Есть совесть и – нет вранья во всех СМИ. Но пока по присутствию совести у демократов везде по нулям.

– Нищета, – возразил кто-то, – полезна. Почему богатые боятся бедных? Бедность избавляет от страха.

Тут вернулся с улицы поэт, постоял в середине горницы, покачался, будто заканчивая умственную работу и выдал:

*– Ну, что же, страны Балтии, ну что же вам сказать?
Сидели вы под немцами и хотите опять?*

Шум вдруг раздался с кухни и возмущённый вскрик Юли. Она выскочила взъерошенная. Поправляя туалет, ни с того, ни с сего закричала на меня:

– Скажи ему: Юлия сумеет распорядиться своей внешностью без его участия.

С кухни боком-боком просквозил к двери на улицу и скрылся за ней Генат.

– Он её давно окучивает, – объяснил Аркаша. – Только разве она тебе изменит.

– О присутствующих, – заметил я назидательно, – в третьем лице не говорят.

– Учись! – заметила Юля и щелкнула Аркашу по лбу. И, вновь обратясь ко мне, сообщила: – Карамзин сказал: – «И крестьянки любить умеют».

– А тебе кто сказал?

– Сестра! Умная, до ужаса, прямо как дура. Мужики, говорит, это цитаты. И надо бить их их же оружием. И в меня прессовала тексты. Я, конечно, мелкая, но не в укате пока. Дай, думаю, заучу в запас. Стремимся к прогрессу, приходим к стрессу. А этот (жест в сторону двери), наскрёб хохмочек с тринадцати стульев, и считает, на фиг, что умный. Это уж глупость, да? А другая сестра...

– У тебя не одна сестра?

– Начальник! – подшагал строевым шагом оборонщик, – меня делегировали! – Паки и паки спаси, погибаем!

*Ветер нынче дует в спину,
не пора ли к магазину?
Не раскинуть ли умом,
не послать ли за вином?*

– А?

*Отрядить бы нам гонца
да за ящичком винца!*

Продолжение следует

То есть, горячка вновь кончилась. Надежда была только на меня. Отказавшись от конвоиров, пошел один. На улице легко дышалось. Но не легко думалось. Получается, попал я в какой-то выездной дом учёных. Симпозиум, что ли у них какой был? Обокрали, говорят. Но что мне до них? Уедут, я останусь. А то уж очень странная у меня началась жизнь. Но кого они так серьезно поминали?

Продавщица смотрела на меня двояко. Доход я ей приносил, но мои застольные гвардейцы отличились. Она уже знала, что в моём доме появились не мои дрова, лопата, ведра.

– Это, конечно, не сами они, Генат.

– Всё верну, – отвечал я, и взмолился: – Кто они, откуда?

– Говорят: мозговая коммуна нового типа. Вредное производство, выдайте за вредность молочка от бешеного бычка. Приходят и хором, как на митинге: «Мы пьём и сидя, пьём и стоя, а потому пьём без простоя». Были же нормальные. Что-то у них сбилось. А вы сами с ними участвуете, чем кончится? Еще быстрее загонят.

– В гроб?

– А вы думаете, куда?

Когда расплачивался, заметил, что крупных бумажек среди других поубавилось. Естественно – вчера же было: чеши-маши на все гроши, размахал. Домой сразу не пошёл, ходил по пустынной улице. Пару раз сильно растёр снегом лицо, охладил и голову и затылок. Может, уехать? А то какой-то сюрреализм.

Коммунары курили и хлестали откуда-то взявшуюся самогонку.

– Пьем в ритме нон-стоп.

– Я чувствую не перестал, – цитировал из себя поэт, – воспринять желаю я снова. Когда откриссталлит «Кристалл», является жидкость Смирнова.

– А самогону махнёшь? – спрашивали меня.

– Воздержусь.

– Смотрите, – обратил внимание Ильич, – держусь и воздержусь – это разное. Не пить – одно, а не хотеть пить – это вершина силы воли. Смотри: благодЕтель и благодАтель. Это не одно. А прЕзирать или прИзирать? «Призри на нас и не презри». Да,

по грехам нашим побеждаемы ничим же, кроме как опивством без меры и объядением без сытости, дымоглотством окаянным, терпим посему зело недостатчу смысла.

– Закрой хлеборезку, – велел ему Аркаша.

Я жёстко посмотрел на Аркашу. Он понял, приложил руку к непокрытой голове, мол, извиняюсь.

– Про хлеборезку – это жаргон, – объяснил Ильич. – Устами Аркадия глаголет жаргонная современность. Жаргоны ворвались в язык как морские пираты. Но это для языка не страшно. Ибо вернётся понимание, что не материя, а Дух и Слово первичны. Но – Слово, а не брехучесть разного эха. Трещит демагог, но ему веры нет. Русский язык – язык Богослужебный...

– Ну, замолол, ну, замолол, – и тут не стерпел проворчать Аркаша.

– У детей новых русских нет будущего, – заговорил вновь социолог Ахрипов. – Они искалечены избытием игр, напуганы охраной. Пока малы, закомплексованы, Вырастают, становятся агрессивны. Он проиграют, промотают наворованное отцами. Так сказать, Мари полюбит Хуана. Мари – Хуана, а?

Поэт, к этому времени опять лежащий на полу, опять сел. Интересно, что о нём как-то все забывали, пока он не выступал.

– Гитару дайте, – спросил он, – нет? Ладно, а капелла:

*– Ты пой, запевай не с нахрапа,
И вытри с мордушки грим.
Болтают, что в Риме есть папа,
и папина длинная лапа,
Так нам сообщил пилигрим.
Он тянет ту лапу к нам сдуру,
Наживой и властью томим.
Не знаешь ты нашу натуру:
в Россию не вдвинешь тонзуру,
Так нам подтвердил пилигрим...*

– Ещё полежу. – Поэт поправил очки и откинулся на своё жесткое ложе у стены.

– Интересное соединение жаргона и высокого стиля, – откомментировал Ильич.

Коммунары объявили, что ждут моих указаний. Что это посоветовал им их лежащий мыслитель.

– Что это за лежащий мыслитель?

– Я познакомлю, – заявил Аркаша. – Сидеть тихо тут.

Мы вышли на улицу. Аркаша стал объяснять про мыслителя.

– Он вообще никуда не ходит, всё лежит. И не больной. Но я его не понимаю, как это – сократить время и притянуть будущее? Как? Спроси его, может, ты поймешь. У него, знаешь, Алешка иногда и ночует.

Дорогу к мыслителю Аркаша озвучивал чтением своих стихов:

*– Товарищ, не в силах я поле пахать, -
Сказал тракторист бригадиру, -
Привык я с девчонкой подолгу стоять,
И в ход не пустить мне машину.
Все шестерни рвутся, подшипник гремит,
И будто сцепление сорвало.
Ни первой, ни третьей сейчас не включить,
И в баке горючего мало.
Вскочил тракторист, на сцепление нажал,
Машина на третьей рванула.
На землю сырую он резко упал,
Упал, сердце больше не билось.*

Лежачий мыслитель

Вошли в старый дом, в котором было довольно прохладно, но хотя бы не накурено. В красном углу, перед иконой, горела толстая свеча. На диване, обтянутом засаленным, когда-то серым, сукном возлежал здоровенный мужичина. Полтора, двух и даже трехлитровые бутылки из-под пива говорили о причине его размеров. Он даже не приподнялся, показал рукой на стулья.

– Зетцен зи плюх. Или ситдаун плюх. Ты какой язычный?

– Я не язычник. – Я притворился, что не расслышал. Меня слегка обидел такой приём. Но за двое суток я привык к здешним странностям, и решил тоже не церемониться.

– Мне Аркадий сказал, что ты Иван Иванович. – Он даже не моргнул, допивал здоровенную бутылку. Ладно. – И до чего же, Иван Иванович ты решил долежаться?

– До коммунизма! – хихикнул Аркаша.

– Чья бы корова, Аркаша, мычала, твоя бы молчала. – Так мыслитель вразумил Аркашу за давешнюю хлеборезку. Поворочавшись, мыслитель сообщил: – До коммунизма это я раньше лежал. Ещё до открытия закона.

– Какого?

– О времени. Заметь – ты летишь в самолете – одно время, едешь в поезде – другое, бежишь – третье. Когда переходишь на шаг – четвертое, так? Остановился – опять иное время. Можно и постоять. Присел – совсем красота. Ну, а уж если лёг, да вытянулся, да ещё и уснул, тут вообще вечность над тобой просвистывает. Вопрос – загадка: когда время идет быстрее? В двух случаях – в скорости и в неподвижности. Скорость – это суета. Но есть же покой, я и задумал уйти в обитель дальнюю.

– В монастырь?

– Сюда! Не сам приполз, а привезли. Но залёг сам. Лежу – время ощущаю как шум колёс. Все люди – колёса. Катятся по жизни. Но колёса, в основном, малого размера. Надо быть большим колесом, значительным. Пока оно один раз повернётся, маленьким надо крутиться раз двадцать. А дорога пройдена одна и та же. А я вообще не кручусь, только повёртываюсь.

Иван Иванович и в самом деле повернулся на бок, достал с пола очередную бутылку и к ней прильнул. На половине отдохнул, поотрыгался, и опять возлёг.

– Теперь о деле. Арканзас, унеси свои уши в коридор. А лучше озаботься моим организмом. У меня ночь впереди.

Аркаша поглядел на меня. Я понял и выдал некую сумму. Аркаша хлопнул в ладоши и ушёл. Иван Иванович сделал богатырский заглот жёлтой жидкости. Отдышался.

Он меня воспитывает

Ты с ними для начала дал промашку. Хочешь выпить, пей без них. Нужна дисканция. Но специалисты они отменные. Я после них обобщал и ему. Потом тебе от него записку передам.

– То есть от того, который умер?

– Ну да. Тебя ж ему на замену привезли?

– Иван ты меня за дурака принимаешь? А ещё за кого?

– Мою приставку к имени не присваивай. Иван не ты, я. Иоанн, который слезает с печки, и после сражения со Змей-Горынычем становится царём. Или вариант: возвращается к своей сохе, в моём варианте к дивану. Так что Иван-дурак – это я. Ты же – руководитель разработок рекомендаций. Или что новое поручили? Ну, не делись, понимаю. – Иван Иванович пошевелился. – Этих штукарей, которые у тебя, пора встряхнуть. Их дело было – возславить пути, на которые свернули Россию, и убедить простонародье, что демократия – это верный, товарищи-дамы-господа, путь. Они исследовали, но не угодили. Вообще подвергли сомнениям систему демократии. И боюсь, что приговорены. Их надо попробовать спасти. Реанимировать, проветрить и сажать за разработку путей движения, по которым (он нажал) н а д о ходить. Может,

и заказчики начнут что-то соображать. Ты же понимаешь, что все эти саммитские уверения в многополярности и многовекторности мира, – это сказки для идиотов. Займёмся конкретикой. Я – твоя правая рука. Я не Толстой, по двенадцать раз не переписываю, с полпинка понимаю.

– Иван Иванович, у меня ощущение, что я в театре абсурда, – сказал я.

Он ещё раз пошевелился.

– Так ведь и в театре можно всерьёз умереть.

Я решил: все они тут сдвинутые, лучше мне быть подальше от них. А этот лежачий мыслитель ещё, вроде в шутку, угрожает. Я объявил, что пойду, займусь конкретикой, соберусь в обратный путь.

– Не торопись, – остановил он меня. – Присядь. У нас не только ночь, но и вечность в запасе. Обломов одного Штольца перележал, а я не меньше, чем пятерых.

– Но ведь Штолец пережил Обломова.

– Так это ж в книжке. А в жизни? Меня они не переселят.

– И как ты свой закон о времени открыл? – я в самом деле уселся на табуретку.

– В непогоду, в аэропорту, я докатился до разгадывания кроссвордов и понял: ниже падать некуда. Согласен? Тратить ум разгадкой вопроса: какое женское имя имеет река, текущая по Сибири, значит, делаться идиотом. Аэропорт. За стёклами садятся и взлетают самолёты. Глянешь в другую сторону – платформа, подходят поезда, в третью – на площади автобусы и такси. Плюс общее движение людей и чemo-данов. А пока гляжу на все эти движения, движется и время. Так? Я встал, походил, посидел и открыл.

– Послушай, – спросил я. – Вопрос попроще. Где они берут деньги на пьянку? Ну ладно, я приехал, попоил два дня, а как без меня?

– Ну-у, – протянул Иван Иванович. – мало ли. Вначале-то их поили. Аркашка самогон таскал. А как впились, то и сами стали соображать. А на что новые русские и банкиры жиреют, бизнесмены пузырятся? Это всё происходит за счет расходования остатков социализма. Их до коммунизма не пропить. Одного железа на колонну танков, только не ленись таскать. Проводов, меди всякой, алюминия. Да тут пить и пить. Твоя задача – иностранцев не подпустить, от концессий отбиться, инвестиции отвергнуть, ВТО и МВФ кукиш показать. И избавиться от страха, что транснациональные кампании всесильны. Это о них говорил ихний Маркс: ради прибыли мать родную голой по миру пустят. А нам прибыли не надо, нам радость нужна. Большое счастье жить в стране России, но выше счастье – созидать её.

Говоря все это, Иван Иванович нагнулся, поставил на пол широкую кружку, потом тонкой струйкой сверху, не промахиваясь, с заметным удовольствием стал лить в нее пиво, вспенивая над кружкой белый сугроб, потом, опять же не спеша, вознес кружку на стол, и опять подождав, стал из нее отглатывать. После каждого глотка прислушивался к себе. Каждый раз оставался доволен:

– Река времени течет по миру. И плывут в ней народы и государства. А мы на берегу. Куда спешить?

– Ты давно здесь лежишь?

– Обычного времени, то года три, а Божеского, может, и секунды не пролежал. Ты мне вот что разверни в виде тезисов. Что такое демократия для России?

– Это свиное рыло, которое залезло в русский огород, жуёт в нём и гадит на него. Ещё развернуть?

– Сделай одолжение.

– Это троянский конь, введённый в Россию.

– А что в нём?

– Ненависть к русским.

– Ладно-ть, – одобрительно выразился Иван Иванович. – Проверку ты считаешь, что прошёл. Тобе пакет. Он достал из-под изголовья листок бумаги. – Прочти сейчас при мне, а я огонёк излажу. Где тут у меня свечки?

В записке, написанной от руки, значилось:

«Итог один – хозяйка от нас ждала не тех выводов, которые я представил. Они недовольны (не тех набрал), уверен – дни мои сочтены, меня отсюда не выпустят.

Все наши выводы по всем направлениям едины в главном: без Бога всё обречено, без Него – гибель. Желудок и голова не заменят сердце, наука не спасёт душу. А что они хотели? Без Бога пробовали жить обезьяны, большевики, коммунисты, пробуют демократы, всё будет без толку...».

– Запись не кончена и не очень понятна, – сказал я.

– Дай сюда, – Иван Иванович взял записку и сжёг её на пламени свечи. – Чего тебе в ней непонятного? Мы, русские, с одной стороны, плывем со всеми по течению и одновременно против течения.

Он качнулся туловищем ко мне, как бы готовясь говорить, но вернулся Аркаша. При нём Иван Иванович сменил темы общения. Мы поговорили о погоде (что-то стала часто меняться, да и что от неё ждать, если люди все извертелись – в погоде, что в народе, что теперешнее глобальное потепление не только от выбросов заводов и фабрик, но и от всякой похабщины в телеящике), о ценах на мировую нефть, о Шалапине (обидно, что частушки не любил, они были народной гласностью, не понял этого Феодор Иоаннович, вятский уроженец), ещё о том полялякали, что выражение «прошел огонь и воду и медные трубы» не имеет отношения к людям, а только к изготовлению самогона, тут сильно оживился Аркаша, ещё о чём-то, и встреча закончилась.

Уходим

На улице я начал вести дознание:

– Итак, ты местный. Местный, значит, был тут раньше этого высокого собрания.

– Именно так! – восторженно крикнул Аркаша. – Высокого. Когда они появились, я подходить боялся.

– А кого они поминали?

Аркаша остановился.

– Вот которого похоронили, он их возглавлял. Они вырабатывали какую-то программу по всем статьям. Они мозгачи, башки огромные. Что этого вояку взять, или этого Ильича лысого. Тот же Ахрипов. Они единицы с ба-альшими нулями.

– Ты сообразил их спойть.

– Не спаивал, а утешал. Они не сопротивлялись. А тоже, ты и сам представь – работа не идёт, с довольствия сняли. Тут начнёшь керосинить. Первый раз они засадили на кладбище, когда твоего предшественника закапывали. Страдали, что без отпевания. Хотя Алёшка чего-то по своим книжкам читал. Я шёл мимо с пятилитровкой.

– То есть подскочил, как Тимур и его команда, и втравил в пьянку. Аркаш, ты самый настоящий бес.

– Так получается, – согласился он.

– И ещё хочешь у меня жить.

– Не в тебе же. – И пообещал: – Я пить буду, а курить не брошу. Курить вредно, а умирать здоровым обидно. Смешно?

– Изыди! – вспомнил я заклинание.

– Как пионер, всегда готов. Но куда?

Белые снега около дома походили на полотно художника, которое раскрашивали во время санитарных выскакиваний цветными пятнами, от жёлтого до красно-коричневого.

– Не хочется мне в дом, – вздохнул я. – А ночевать надо. Утром уеду.

– Ты что, не вздумай. Мы только с тобой воспрянули. Они пить перестанут. Отучим. А с тобой потихоньку будем для ради здоровья. Я им! Как приучил, так и отучу. Хоть они и профессора всякие, а я верх держу.

– У тебя баня есть?

– Всё будет! Я тут решил, что у тебя жить буду. Пусть и Юля. Хозяйка же нужна. А им вели отчитаться за прошлое. Они мно-ого намолотили. Каждый по своей программе. Когда после его смерти они загудели, я часа два бумаги на чердак таскал, чуть не надорвался.

Опять в доме

В дом я всё-таки вошёл. И жизнерадостно сказал этим программистам:

- Волоките ваши свершения, начну проверять.
- Так сразу? – испуганно закричали они.

Из кухни возникла румяная кудрявая Юля, сказала, что, как ни сопротивлялась, эти сожрали весь борщ, и теперь их, сытых, не напоить. От Юли явно пахло сигаретным дымом.

– Хороша Юленька? Всё сама стараюсь, беззатратная. Я для тебя выгодная. Экономический класс. Из репертуара сестрички: «Аля, ку-ку, лови момент, пока доступен абонент. Ты хочешь допинг? Скорей на шоппинг». – И опять исчезла.

Подскочил Вася и подобострастно сообщил:

- Погода на месяц вперед определяется на четвертый-пятый день новолуния. Но это-то все знают. Как вы думаете?
- Нет, я не знал.
- Не может быть! – Он расцвел от счастья, взревел: – Гаудеамус и-ги-тур...
- Не эту! – перебил композитор и завёл свою:

*«За честь Отчизны я жизнь отдам,
не дам в России гулять врагам!
За честь Отчизны я постою.
В ученьи трудно, легко в бою!».* –

Маршируйте! – Помолчал и сообщил: – Мы спИлись, но не спилИсь, и ещё не спЕлись.

- Эх! – крикнул оборонщик. – Святым бы кулаком, да по харе бы по поганой!
- Рано, рано! – закричали ему.
- Ох, пора бы! – прорезался социолог Ахрипов. – Разве не факт, что министр культуры, не разрушающий культуру, демократам негоден. И как их назвать? Людмила поднялась из-за стола, приняла ораторскую позу:

*– Русский язык не отдам никому, русский язык прекрасен!
Я русский выучу только за то, что на нем разговаривал глухонемой Герасим!*

А вот моё, подпевайте: «Мы лежим с тобой в маленьком гробике».

Но подпеть не получилось, слов не знали. Поэт, неизвестно встававший ли, евший ли, пивший ли, сообщил:

*– Жена грозит разводом, опять напился зять,
Ну, как с таким народом Россию подымать?*

И вновь улёгся.

Я посмотрел на публику, на разорённый стол, махнул рукой и вышел. И на крыльце опять попал на Алёшу, снова навзрыд плачущего.

- Ты что?
- Я не могу им показывать слёзы. Я плачу, я паки и паки вижу мир, – он повёл мокрой рукой перед собою. – Я вижу мир, виноватый пред Богом. Мир данную ему свободу использует для угождения плоти. Не осуждаю, но всех жалею. Только обидно же, стыдно же: старец надеялся, что я пойду в мир и его спасу. Откуда, как? Спасётся малое стадо. В него бы войти.
- Ну, ты-то войдёшь.
- Разве вы Бог, что так решаете? Нет, надо с ними погибать! Они все были очень хорошими, все говорили о спасении России только с помощью Православия. И верили. А от них другого ждали, и их не поддержали. Но не отпустили. Тогда они с горя и сами веру потеряли. Её же надо возгревать.
- Но кто же им не поверил?
- Приёмщики работы.
- Какие приёмщики?
- Не знаю. Но так ощущаю, что злые очень.

- А ты, Алёша, у Иван Иваныча жил?
- Я же не только у него. Но он хотя бы крестится. А то ещё был старец, того вспоминать горько. Всех клянёт и даже не крестится, объясняет, что нехристи крест при-своили, ужас, прости ему, Господи. Я всё надеялся, а зря. То есть, я виноват, плохой был за него молитвенник. Да и вообще плохой. Опять грешу, опять! – воскликнул Алёша. – Опять осуждаю. Лучше пойду, пойду! – Он убежал, клонясь как-то на бок.

Накопление экспонатов в музей мысли

Вскоре день, как писали ранее, склонился к ночи, надоело ему глядеть на нашу пьянку. Убавилось ли ночлежников, не считал. Обречённо улегся я на панцирную сетку и просил только не курить. Засыпал под звон сдвигаемых стаканов и возгласы:

- Ну! По единой до бесконечности!
- За плодоношение мозговых извилин!
- Ильич добивался признания и его мысли:
- Но есть же, есть же душа каждой строки! Неслучайно раньше восклицательный знак назывался удивительным. Запомнили?
- Народ! – кричал Ахрипов, – я забыл, вот это стихи или песня: «Кругом жиды, одни жиды, но мы посередине»? Только я забыл, это строевая или застольная?
- Какая разница? Запевай! – велел Георгий. – Петь могут все! У всех же есть диа-фрагмы. Внимание сюда! Подымаю руку, замираем, вдыхаем, наполняем грудью большой порцией воздуха. Ах, накурено! И так! Взмах руки – начало звука. Звук, а не ультразвук! Поём Пятую Чайковского. И-и!
- Обожди, дай произнести тост.
- Говори по-русски! Не тост – здравицу. Учить вас!
- Здравница за мысль. Кто бы нас тут держал, если б у нас мыслей не было.
- Уже не держат. Но за мысль пью! Вы хотите мыслей, их есть у меня! Мы же музей мысли создавали, забыл?
- Да, туда вот эту закинуть, что не Герасим утопил Муму, а Тургенев, а дети думают: Герасим. Тургенев утопил. А вообще – дикий западник.
- Хорошо, западник. Но у него хоть есть что читануть. «Живые мощи». А Достоевский твой что? Прочтёшь – и как пришибленный. «С горстку крови всего». Шинель ещё эта. Её потом на Матрёнинном дворе либералы нашли. То-то к топору Раскольникову русофобы липнут. Нет, коллеги, Гончаров их на голову выше. Но не пойму, как не стыдно было в это же время выйти на сцену жизни Толстому с его безбожием? И явился, аллегорически говоря, козлом, который повёл стада баранов к гибели. А уж потом вопли Горького, сопли Чехова, оккультность Блока. Удивительно ли, что до щепки океанных дней солнца мертвых стало совсем близко.
- Тихо, поэт проснулся!
- И в самом деле поэт монотонно прочёл:

*– И откуда взялась Астана?
И откуда вся эта страна?
Владеют казахи задаром
Уралом-рекой, Павлодаром.
Знать, надо к порядку призвать
сию незербайскую рать.*

Ещё:

*И не хохлам с караимом
володеть нашим Крымом.
Мы в Россию его возвратим,
и да здравствует русский наш Крым!*

Ещё:

*И тут уж пиши не пиши –
стреляли в царя латыши.*

*И ты позабыть не смей:
командовал ими еврей...*

- Спасибо, спи. И предлагаю ещё в экспозицию мысль о мысли.
- Мысль о мысли? Теряешь форму.
- Пиши: Страсть состоит из страсти. Так?
- А масло состоит из масла.
- Не сбивай. Но страсть начинается с мысли. То есть? То есть проведи опыт, отдели страсть от мысли.
- Люди! Я удивляюсь, что не могу прорваться со своими мыслями о банкирах. Банкиры – все жулики, иначе они не банкиры, так? И они лезут в чужие карманы. И их ловят за руку. Русский банкир честно признаётся: грешен. Еврей: ни за что, это не моя рука, а сам в это время лезет другой рукой в другие карманы.
- Это и записывать не стоит, тут нет новизны. Если у еврея руки под такое заточены. Лучше записать общее понятие теперешнего устройства России: Русские пишут законы, евреи их истолковывают. Это легко на примере музыки. Интерпретируют, как хотят.
- Что вы всё на евреев? – голос Лёвы. – Пожалейте их, они и так несчастны. Походите-ка сорок лет по пустыне. Хорошо нам, русским, в лесах отсиделись.
- Тихо вы – начальника разбудите.
- Да он спит.
- Сейчас проверим. Ты спишь? Э! Начальник!
- Сплю, – отвечал я сердито.
- Видишь – спит. Он же не может врать.
- А если не может врать, значит, он во сне говорит? Ну, ребята, чувствую – придётся на него пахать. Если и во сне не спит, вот уж запряжёт так запряжёт.

*– Под утро меня посещает идея:
пора уже нам припахать иудея.*

Под такие и им подобные словоизвержения я засыпал. Засыпал не с чужой, а со своей мыслью: уезжать! Другой мысли не было. Ничего себе, завёл домик среди снегов. Я боялся не заснуть, но и эта ночь, как и предыдущая, с трудом, но всё-таки прошла. Удымилась в пропасть вечности, а вот и новый день, летящий из будущего, выбелил окна, осветил пространство душевной избы и позвал на волю.

Для памяти или для жизни?

Очень приглядно было на улице. Легко и целебно дышалось. Так розоватились румянцем восхода убелённые снегами просторы, так манила к себе туманная стена седого хвойного леса, что подумалось: ладно, успею ещё уехать. Ещё же и красный угол не оборудовал, живу без икон, прямо как таманские контрабандисты. «На стене ни одного образа – дурной знак», – как написал о них Лермонтов. Эти же у меня, я так их ощущаю, люди приличные. Хотя становится и с ними тяжело.

Решил обследовать двор дома. Бывшие хлева нашел заполненными навозом. Мелькнуло внутри – весной пригодится. Значит, душу мою уже что-то здесь держало. То есть захотелось и весной тут быть. А где весна, там и посадки, а где лето, там и уход за грядками, а там уж и подполье заполнено, и зимовать можно.

За хлевами был обширный сарай. Замок на дверях легко разомкнулся. Внутри огляделся, снял с окон фанерные щиты, стало светло.

Было в сарае полно всякой всячины, тутти-кванти, в переводе с итальянского. Но никакие итальянцы не смогли бы объяснить назначение и применение хотя бы десятой части здешних вещей. Мне же, потомку крестьян, находки говорили о многом. Были тут и рубанки, и пилы, и топоры с ухватистыми топорницами. Металл топора звенел, когда я ногтем щёлкал по нему. Ах, захотелось срубить хотя бы баньку. Рукоятки инструментов, отглаженные прикосновениями, ухватками хозяев, просились из темницы сарая, звали к работе. Что-то упало сверху. Это напомнило о себе фигурка лошадки. Ею, видно, не успели наиграться.

В углу стояли самодельные лыжи. Взял их, провел ладонью по гладкой скользящей поверхности днища. По бокам днища были проделаны ровные углубления, сделанные рубанком – дорожником. Опять же и слово пришло в память – дорОжить. Дорожить тес для крыши, то есть делать на досках желобки для стока воды. Широкие, прочные лыжи, залюбуешься. С толстыми кожаными петлями. Для валенок. И валенки тут же стояли.

Вынес лыжи во двор, выбил валенки о косяк и вернулся в сарай. Да, тут было всё, чтобы изба и её хозяева были независимы от любой действительности. Конская упряжь, хомуты, дуги, чересседельники, седелки, плуги, а к ним предплужники, бороны, всё было. Слова из крестьянского обихода всплыли со дна и радостно её заполнили. Скородить, лущить, настаивать стог, волокуша, метать вилами – тройчатками, лён трепать, кросна. Тут и ручная льномялка стояла, а у боковой стены ткацкий стан, видно, в исправности, на валу была намотана нитяная основа для тканья половиков. Садись и тки, пристукивай бердом. На стене, на деревянном кольшке ждала пряжу раскрашенная прялка. Снимай, ставь на широкую лавку у окна и пряди. В щели стены были воткнуты раскрашенные полосатые веретёна. Сколько они отжужжали как пчёлы. Зажужжат ли ещё?

В сарае вдруг посветлело. Это сквозь грязное, тусклое оконце проник солнечный луч, сделавший оконце золотым. Луч в пространстве сарая серебрился от пыли.

Огляделся. Да, праздных вещей и предметов тут не было. Детская лошадка говорила о труде на пашне и о радости дороги, кукла, завернутая в одежду из лоскутков – о будущем материнстве. Сравнить ли её с нынешней куклой Барби, этой мини-проституточкой, которая требовала покупки все новых нарядов для развлечений: для бала, верховой езды, гольфа, курорта, путешествий с бой-френдом.

В сарае было всё не музейное, всё то, что кормило и пило и одевало предков нынешних глотателей химической пищи в американских обжорках. Но до чего же легко оказалось обмануть этих потребителей. Почему же нынешние не зададут себе простой вопрос: если жизнь была у старших такая, какой её показывают демократы, то есть страшной, полной лишений, стукачества, голода и холода, страха, мордобоя, измен, издевательства, то, что же тогда дедушки и бабушки вспоминают эту жизнь с радостью, со слезами благодарности? И теперешняя чернуха и мерзость радио, экрана, печати, не вызывает ли еще один вопрос: что ж вы, демократы, все врёте про наше Отечество?

– Бедно жили, а жизни радовались, друг дружку тянули, пропАсть никому не давали. На работу с песней, с работы с песней. А праздник придёт – босиком плясали. – Вот ответ моей матери рабы Божией Варвары на теперешнее очернительство недавнего прошлого России.

И, конечно, воспоминания о матери открыли для взгляда старинный, резной оклад для иконы, помещенный над дверью. Но вот беда – самой иконы не было. Пообещав себе на будущее перенести оклад в красный угол и найти, или купить икону для него, я решительно вышел в холодное пространство зимнего дня.

Хватит нам сюжетов о том, как кого-то принимали не за того-то. Объяснюсь с ними, что к их ареопагу я никаким боком, умничайте без меня. Приходите на чай, буду рад, куплю баранок. Выпили со встречи и для знакомства, спасибо и до свиданья.

Белая дорога

Прекрасен был наступивший день, пришедший всего на один день. Потерять его было бы грустно и невозвратно. Я решил запечатлеть его лыжной вылазкой. И, по возможности, немаленькой. Ещё и для того, что не будут же эти программисты сидеть у меня и без меня, и без подпитки. А мне пора жить.

Всё мне подошло: и валенки, и лыжи. Палок я не нашёл, а пока искал, понял, что их могло и не быть. Какие палки, когда руки заняты топором, ружьём, рыбацкими снастями, полезными ношами с реки, лугов, из поля и леса.

Скольжение по снегу было такое, будто лыжи только что смазали. Накат получался

размашистый. Вспоминались способы ходов по лыжне: двухшажный, одношажный, попеременный. Свернул с дороги к близкому лесу. Наст держал. И даже как-то весело вскрикивал, будто дожидался именно меня.

На свежем воздухе вспомнил, что в эти два дня, с этой профессурой, и не молился, и спать ложился без молитвы. Стыдно. Но чего я хотел? Из такой избы, пропитой, прокуренной все ангелы – хранители уйдут. Это же в сарае окладом без иконы мне знак был – отходит от меня благодать. «Смотри!» – сказал я себе и перекрестился, и оглянулся перекрестить село.

Оглянулся через левое плечо – Аркаша. Да не на самоделках, как я, не в валенках, а на спортивных лыжах с ботинками.

– Не гони! – сразу закричал он. – Подожди Сусанина. «Сверкнули мечи над его головой. – «Да что вы, ребята, я сам здесь впервой».

Да, нашел я нагрузочку. Аркаша тараторил, что сегодня квартиранты дом покинут, Юля все приберёт, к ночи останемся втроем.

– К ночи я останусь один.

– Как скажешь, как повелишь, – торопливо соглашался Аркаша. – Я тогда на крыльце перележу, я привычный.

Вдруг он отпрянул назад, будто кто толкнул его в грудь, как на что напоролся. Я проехал по инерции метра три и остановился. Аркаша будто муха в паутине бился с чем-то неведомым. Лицо его было растерянным. Он сунулся вправо от лыжни, ткнулся вперед, не получилось. Перебирая лыжами, побежал вдоль чего-то невидимого влево и опять споткнулся. Жалобно заскулил:

– Руку дай! Дай руку. Меня здесь уже отбрасывало. Даже летом. Шёл за вениками. Потом отбросило, когда за ягодами. И осенью, когда за грибами.

Я протянул ему палку, как утопающему. Потянул за неё. Нет, бесполезно.

– Это, наверное, партия зеленых вычислила твою частоту и дала приборам указание – не пускать. Видно, грабишь природу. Грибы не срезаешь, рвешь с грибницей. А? Сознайся. Вообще, лучше иди к ей.

– К кому, к ей? – испуганно спросил он.

– Ты же сам писал: выбор был большой, но женился ты на ей. Ё с точками. Такое слово есть. Как сказала одна из женщин: «Врач назначил мне приём, я разделася при ём».

– Но ты-то прошёл! – воскликнул он.

– Это тебе доказательство, Аркаша, – назидательно сказал я, – дух первичен, материя вторична. Материя, это ты, рвёшься не проходишь.

Бедняга даже не улыбнулся.

– Ты вот издеваешься, а до меня только сейчас дошло: ведь их же тоже отсюда не выпустят. Никого.

Он побрёл назад, оглядываясь. Я же поскользился дальше, совершенно уверенный в том, что всю эту пантомиму с якобы непусканием его кем-то через что-то невидимое, Аркаша выдумал. Было бы слишком поверить в сверхсовременную степень невидимой оград. Сам не захотел пойти со мной. Конечно, что ему делать в зимнем лесу? Ни тебе аванса, ни пивной.

На опушке леса увидел вдруг, что в лес уводит аккуратная накатанная лыжня. Странно это было. Будто кто-то изнутри чащи прибежал сюда. Но какой-то тревоги я не ощутил. Видимо, за лесом другое село или деревня. Вскоре смешанные деревья опушки: берёзы, ивняк, клены, пригнетённые лохмотьями снега, сменились елями и соснами. Снег на хвое лежал пластами. Свет с небес плохо достигал сюда, и я остановился, думая возвращаться. Вдруг впереди показались двое мужчин в куртках со сплошными карманами.

– Ты говоришь: купаться, а вода-то холодная. – Это я даже вслух произнёс.

Они подошли, поздоровались, назвали по имени-отчеству. Я нашёл в себе силы не показать волнения и сказал:

– Вы сами – то представьтесь.

– Мы – люди служебные. Нам себя звать не положено. А вас приказано проводить.

Поворот сюжета

Меня ввели в ворота, засыпанные снегом, или побеленные, так как их даже с пяти шагов не было видно, предложили снять лыжи, вслед за этим я оказался в помещении с камином, креслами и столиком. У камина стояла...

– Юля? – растерянно сказал я.

– Вика, – укорила девушка. Хотя похожесть её на Юлю была стопроцентна. Может быть, в том было отличие, что Юля была попроще, а эта такая шоколаденькая, так миленько предлагала: – Кофе по-турецки, арабски, итальянский капучино? Делаю по-любому, не вопрос.

– Сейчас негр придёт, – спросил я, – и разожжет камин? А на камин вспрыгнет белка и запоёт: «Во саду ли, в огороде!».

– Ну, вы нормально, вообще супер, – отвечала Вика, – ещё же не факт, если кто-то приходит. Мне лично интереснее именно ваш возраст. Те же, что? Только же лапать. Я на это не буду реагировывать. Мне надо общаться, горизонты же надо же раздвигать, вот именно. Будете руки мыть?

– Да зачем надрываться? – отвечал я. Сколь ни мойся, чище воды не будешь. После смерти нам их и так помогут.

– Ну, вы снова нормально, – восхитилась Вика. – Я вам стихи прочитаю, бешено хорошие.

*«Эх, цапалась, цараталась, кусакалась, дралась.
Как будто псина драния с верёвки сорвалась».*

Велели вас развлекать. Репертуару у меня выше крыши.

*«Старичок старушечку сменил на молодушечку.
Это не трюкачество, а борьба за качество».*

И припевки, вот! Дроби отбить? Эх! – Вика подергала плечиками: – «Она не лопнула, она не треснула, только шире раздалась, была же тесная». Ох, это все так нравилось Плохиду Гусеничу, сюда на совещания приезжает. Только появится, сразу: «Вика здесь? Нет? Уезжаю!». Да они же, – Вика понизила голос, – они же все у него с руки клюют. Вы не подумайте, у меня с ним ничего не было, ему ерунды этой хватало и без меня. Он занятый человек, любил только в дороге, женился к концу рейса.

– Так он Плохид или, может быть, Вахид, может быть, Гусейнович?

– Ой, я не знаю, все тут засекреченные жутко. Мне-то это без надо. Говорит: ну, Викуля, только ради тебя этих короедов спонсирую. Обожают! Как запузырю: «Отомщу заразе: это было не в сарае, а вообще в экстазе». Он катается. Я добавляю по теме: «Нам не тесно в могиле одной». То есть в том смысле, что в постель же противно идти, прямо как в могилу, так ведь? Или у вас не так? А он заявляет: «Ну, ты втёрла в масть!». А я: да ладно, Гусенич, не смехи, и так смешно. Агитирует в законную жизнь без обману, а я в ответ: «Да ты ж, Гусенич, меня пополам старше». То есть в два раза. То есть, если мне... ну, неважно! Он меня прикидами заваливал с головой: барахло, всякие там серьги. Я ему: что ли я афроазиатка, чтоб в ушах болталось? А перстни зачем? Всё равно снимать, когда посуду мыть. Он в полном ажиотаже: «Ты, Вик, прошла все испытания. Подарю тебе виллу и счёт в банке страны, которой мы разрешим выжить». Я ему: не надрывайся, мне и тут климатит. Он: «Ой, нет, тут такое начнётся, надо готовить запасные точки». Но я на это: а куда я без родины? Он тут как заплачет, прямо как в сериале: «Викуся, а моя-то родина где?». Говорю: посмотри в паспорт. Он ржать.

Вика отошла к бару, на ходу продолжая рассказывать:

– Тут он меня как-то заревновал, Отелло придурочный. Увидел, какой у меня постоянный взлёт успеха. Говорит: «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный шлейф». Я возмущилась, чего-чего, а умею ставить в рамки приличия: «Если они кобели, так что ли я сучка? А к тому же, один ты, что ли, говорю, ценитель прекрасного, что ли?». Правильно отрапортовала?

– А шлейф из кого состоит?

– Охранники там разные, шоферня, водилы. Но они же понимают, если что, им тут не жировать. И вообще даже не жить. Дальше комплиментов не идут. Повар только в коридоре прижал, прямо туши свет. «Ошщушшаешь?» В смысле, чувствую ли я искомое волнение? Но тут же и отскочил. Боятся же все жутко. А я не боюсь! Я с кем угодно могу закрутить, но не с кем же, его же все трепещут. И есть от чего. Он не только с деньгами, это и дураки могут, но и умный. Я раз подслушала их заседание. Он так резко кого-то перебил: «Сядьте! Вы думаете, что сказать, а я говорю, что думаю».

Вика переставила вазу с цветами со стола на подоконник.

– Раз я его чуть не уморила до смерти. Чадушкой.

«Милый Вася, я снеслася у соседа под крыльцом, милый Вася, подай руку, я не вылезу с яйцом».

Что было! Он хохотал до покраснения морды. Я испугалась, даже пивнула из его рюмки для спокойствия. Думала в первый отдел звонить. Я же положительная женщина, зачем мне убийные ржачки? До кипятка хохотал. Ожил. Икал только долго. Вот такая моя планида, – сказала Вика, вдруг пригорюнясь. – Я – копия женского пола, нам много не доверяют... – И тут же встряхнулась: – А рассудить, так больше-то нам, бабам, зачем? – Вика вновь загрустила. – Дни мои идут, я тут заперта. Иван же царевич не придёт же. Ох, вот бы пришёл, я бы посмотрела на него взором, он бы ответно посмотрел, это же было бы вполне не хуже, так ведь именно?

– Он придёт, – пообещал я.

Николай Иванович

Явился белый человек, лет пятидесяти. Крепкий, доброжелательный. Такими бывают важные референты у больших начальников, без которых начальники ни шагу. Коротко пожал руку, представился Николаем Ивановичем, предложил сесть. Мы сели в дорогие кожаные кресла напротив друг друга. Он немного помолчал, видимо ждал какого-то вопроса с моей стороны, и заговорил сам:

– Существует выражение: «Человек – самое высокоорганизованное животное». Вот до какой дикости додумались высокоорганизованные животные. Кого цитирую? – Я молчал, он продолжил: – Или: «Несчастья человека никогда не прекратятся, пока он будет думать о земном, а не о небесном». Или: «У Бога нет смерти, у Него все живы. Душа бессмертна, поэтому надо готовить себя к вечной жизни». И ещё: «Россия всех ближе к Небесному престолу». Ещё: «Демократия в России – не власть народа, а власть над народом». Ещё? «Где Конституция – там видимость справедливости, при ней человек безправен». Или: «Воруют не в России, а у России». Далее: «Любые реформы демократов увеличивают число дармоедов и ухудшают условия жизни». Блестяще! А эта? «Вся система российского образования теперь – это конвейер производства англоязычных егэнедоумков». Или на десерт: «Чем необразованнее бизнесмен, тем он успешнее». А? Песня! Так бы повторял и повторял. Да листовки бы с такими текстами разбрасывал.

Мы оба молчали какое-то время. Молчать было невежливо, я сознался:

– Да, это цитаты из моих работ. Но приписать их себе не могу. Это написано на основе прочтения Священного писания, Святых отцов. То есть тут я просто передатчик их мыслей. Пчела собирает нектар с цветов, но не для себя, несёт в общий улей.

– Нектар, пыльца – ещё не мед, их ещё надо переработать.

– Это нетрудно, – решительно заявил я. – В пединституте нас учили рассказывать другим то, что узнал. А разбрасывать листовки? С вертолёта? Сразу собьют. Да и толку? Все же всё знают. – Я помолчал. – И хорошо было б, если мне было позволено вернуться.

– И вам неинтересно, откуда мы тут взялись, такие умные?

– Догадываюсь. Я тут третьи сутки.

– Тут вы первые минуты, – резонно заметил Николай Иванович.

– А общество умников в селе?

– Это привезённые сюда прославленные научные мозги. Но не оправдали надежд. Правда, и мы, в девяностых, были не на уровне. Прямо сказать, растерялись: уж очень

легко как-то всё само ехало. Демократия вкатилась в Россию, как в сказке, но без подкладки теории. Её-то и предлагалось им создать. А не опровергать. Да ведь вот и вы – противник демократии, но живёт же как-то Америка.

– Именно как-то. Демократию держит дубинкой и долларом. Но сколько ещё протянут? Дебилизируют народ, заставляют, например, верить, что дерьмо художника – это искусство.

Я пожал плечами и замолчал. Чего говорить известное?

– А вам неинтересно знать, чем мы здесь занимаемся?

– Естественно, строите планы спасения России. Или её умершвления?

– Что вы, коллега, мы на такой фашизм неспособны. Мы были тогда в плену обычных представлений о государственной машине: экономика, политика, оборона, культура, демография. То есть вроде всё учли. А не стартануло, не взлетело. Почему такая обезкрыленность?

– То есть, умники не ответили на ваши вопросы?

– Да, мы платили, заказывали музыку, но где отклик? Мы поступали с ними как коммунисты, они тоже вывозили мыслителей в закрытые территории, давали все условия для трудов. – Мужчина развел руками: – Но воз и ныне там. Посему, когда мы прочли какие-то ваши работы, остановились на вашей кандидатуре. Так что помогите сию теодицею розжувати.

Темнело, поэтому я решил не церемониться. Мне же ещё предстоит марш-бросок по тёмному лесу и лунному полю.

Надо уходить

Николай Иванович, всё, что вы процитировали, так сказать, из меня, всё это легко прочесть в Священном Писании. Оно сейчас настолько доступно, что неприлично не знать его. Даже и последние безбожники, атеисты, циники, кто угодно, увидели, что Советский Союз развалился от того, что уронили экономику, ослабили армию, и вконец выстояла, вот и всё. И других секретов живучести России не будет. Чего тут разжевывать? На месте иудейской пустыни была земля, «текущая млеком и мёдом», но Господь «преложил ее в сланость от злобы живущих на ней».

Встал с кресла. Нелепо выглядел я в своей телогрейке и в валенках медвежьего размера на фоне ковров, паркета, камина.

– А ужин? – любезно спросил Николай Иванович.

– И ваш вопрос, какое вино я предпочитаю в это время дня?

– Нет, нет, тут не литература. Конечно, вернётесь в село. Пожалуйста. Но проведите ночь по-человечески. Да, сермяжна Русь, но иногда хочется немного Европы. То есть здесь всё в вашем распоряжении. Но помните, вы здесь благодаря нам. Вас сюда завлекли в самом прямом смысле. Для вашей же... пользы. Нет, не пользы, это грубо, скорее, для помощи в реализации ваших страданий по России.

– Как? – я даже возмутился. – Я занял в этом селе дом. Тут эти интеллектуалы.

Здесь он взял снисходительный тон:

– Так кто же вам присоветовал ехать в сию благословенную глушь, а?

Я поневоле вспомнил, что на адресе именно этого дома сильно настаивал мой недавний знакомый. Уж такой весь из себя патриот. Да-да, он прямо висел над ухом. Добился же своего, дрогнул же я перед словами: север, исконная Русь, лесные дороги, корабельные снасы, родники.

– Да, вспомнил вашего агента, – признался я. – Подловили. Но, думаю, вы поняли, что я бесполезен.

– Решать это не вам. Да! Наш старец вас хотел видеть. Он благословил меня, я правильно выражаюсь? благословил меня пригласить вас к нему.

– К старцу? Отлично! Страшусь старцев, но куда без них?

– Почему страшитесь?

– Насквозь видят.

– Наш очень демократичен.
– То есть не видит насквозь? Но если ещё и старец демократичен! Не пойду. Лучше прямо сейчас примем с вами по бабушке. У вас же всё есть. Но! Сегодня или пятница?

– У нас свой календарь, – хладнокровно отвечал Николай Иванович. – Что хотите, то и будет. Можем и ночь отодвинуть и время года сменить. Продемонстрировать? – Николай Иванович изволил улыбнуться. – Это у нас такой преподаватель был, семинары вёл по спецкурсу. Объявлял: «Демонстрирую», – и шёл к демонстрационному столу. Ещё он говорил: «У меня интуиция». А дело знал. Досконально. Иностранцы его уважали.

Появилась Вика, несущая обнаженными руками круглый поднос. Опуская его на чёрный круглый столик, произнесла:

– Аперитив. – И спросила меня, назвав по имени – отчеству: – Пойдёте в сауну, или примете ванну в номере? Николай Иваныч, за компанию? Вы же гурман ещё тот. – Она подняла бокал: – Я не официантка, мне позволено. Прозит! А их, как говорит сестричка, чтоб кумарило, колбасило, и плющило!

– Кого?

– наших же общих врагов.

– Спасибо, Вика. Уже полдня трезвею. И ванну мне заменит и умножит баня. Мой камердинер Аркадио топит баню в моём поместье.

– Но это же где-то там. Только какая же я Вика, я Лора.

Я долго в неё вглядывался. Как же это не Вика? Может, Юля переделалась? Тоже полная схожесть.

– Вы, что, почкованием размножаетесь?

– Это я объясню, – мягко вмешался Николай Иванович. – Было три близняшки. Для вывода, далеко не нового, о том, что на человека более влияет среда, нежели наследственность, мы поместили малышей в разные обстоятельства. Первая, ваша сельская знакомица Юля, выросла грубоватой, курящей, пьющей, Вика простенькая, весёлая как идеальная нетребовательная жена. Лора, пред вами, образованна, умна, холодна. Но, думаю, что все настраиваемы на определённую волну. Понимаете, да?

– Не совсем.

– А как иначе, – объяснила Лора. – Ещё Гоголь сказал: баба, что мешок, что положат, то и несёт.

– Умница, – похвалил её Николай Иванович.

– Да и сестрички мои тоже далеко не дуры, – заметила Лора и спросила меня: – А халат какого цвета вам подать?

– Арестантский. – Это я так пошутил.

– Ну-к, что ж, – Николай Иванович дал понять, что время бежит: – Не будем драматизировать, но всё-таки, всё-таки пока к старцу! – и скомандовал: – Лора, проводите. – До скорой встречи.

К старцу, так к старцу

– Прошу! – Лора повела лебединой рукой и повела по коридору.

Я поинтересовался:

– А вы тоже глушите порывы женских инстинктов голосом разума, как и Юля?

– А-а. Ну, это у нас семейное. А чего глушить, никаких порывов, всё искусственно убито.

– Как?

– Давайте возьму под руку. Объясняю. Кто наши родители, мы не знаем. Мы – жертвы науки. То ли мы из пробирки, то ли клонированы. Нас поместили в различную среду, но одно опыление было одинаковым, телевизор был обязательной процедурой. Он и вытравил в нас всё женское. После него ничего не интересно. Читали – в Англии придурки с телевизором венчаются? Харизма у них такая. Телевизор, как вампир, все чувства высосал. Ещё и Интернет. А этот вообще умосос. Юлька с её гулянками всё-таки меньше опылялась: загуляешь, так не до экрана, вот объяснение теперешних русских запоев – лучше травиться водкой, чем дурманом эфира. Так что Юлька немножко сохранилась,

да и то. А уж как пристают. – Лора брезгливо потрясла белой кистью. – Сбрендрили они со своими трэндами и брэндами. Оторвутся от компьютера, кого-то потискают для рядки, вот и вся любовь. Они, конечно, думают, что живые. Машины. Даже хуже: джип же не лезет на хонду. Постоим? – Пролетела минута молчания. Лора взмахнула ресницами: – К вам такое почтение, позвольте спросить, кого вы представляете?

– Только себя.

– Ой уж, ой уж. Тут никого от себя. Тут такая лоббёжка идет!

Видимо, остановка была предусмотрена: на стене высветилась огромная карта мира, глядящая сквозь тюремную сетку параллелей и меридианов. Везде были на ней какие-то знаки: треугольники, кружочки, квадраты. Особенно испятнана была Россия. Жёлтые, зелёные, коричневые и чёрные кляксы портили её просторы.

– В Греции были? – спросила Лора.

– Да. А что Греция?

– Предстоит. А с другой стороны, на Святую Гору Афон не сунешься. Женщинам там – но пасаран!

– Но пасаран. Да ведь и правильно, а?

– Как сказать. Хотя, думаю, такое вот рассуждение – была же бабья целая страна – Амазония. Была. И что мы доказали? А ничего. Вымерли амазонки, очень уж воевать любили. А мужчины молятся, вот и живут в веках. Хорошо на Афоне? А чем?

– Там никто за полторы тысячи лет не родился, все приходят умирать.

– Страшно. – Лора поежилась.

– Нет, там всё иначе. Там молчание и молитва. Я вначале, в первые приезды побивался ходить в костницы, где черепа лежат на полках, сотни и сотни, тысячи, потом стало так хорошо среди них. Вообще, Афон, как и Святая Земля, совсем русский. Идешь один по тропе, даже и не думаешь, что заблудишься и вдруг так хорошо становится... Это я вам всё очень приблизительно.

– А на Афоне, на самом вершине есть какая-то главная церковь, да?

– Она везде главная. В любой сельской церкви чудо свершается. Преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. А всё ещё какие-то чудеса ищут.

Мы помолчали.

– Николай Иванович доволен опытом, произведённым над сестричками – близняшками?

– Ну, доволен, ну, недоволен, что с того? Вообще, у сестричек соображаловки иногда буксуют, но живут легче меня, умной такой. Я разумом пытаюсь осмыслить, а они махнут рукой на проблему и живут дальше. Я думала, мы – цыганки, уж очень мы безразличны ко всем. Кармен мужика в тюрьму сунула, и хоть бы что – героиня. Потом анализирую, нет, мы далеко не цыганки. Те всё-таки активно плодятся, а мы – никакого интереса к плодonoшению. Может, мы не близняшки, а всё-таки клоняшки, клоны. Или действительно из пробирки.

– Для пробирки вы чересчур хороши.

– Правда? Это комплимент? Вообще, думала, покорять мужчину могут только восхищальки и обожалки. «Ах, какой вы непонятый! Ах, какой вы необласканный». А вас кто бы мог покорить? Загадочная? Печальная?

– Многодетная, – засмеялся я.

– Осторожней, – предупредила она, сжимая мой локоть. – Нам уже близко. – И я услышал её шёпот: – Скажу потом!

Коридор, выстланный вначале паркетом, потом мрамором, потом узорной плиткой, сменился утоптанной и посыпанной песком глиной. Стены пошли бревенчатые. Да и Лорин строгий костюм превратился в красный сарафан, а под ним засветилась белейшая, разукрашенная вышивкой, кофточка. Надо ли сообщать про сафьяновые сапожки?

– Неплохо, а? – спросила она о своем наряде.

– Ещё бы, – восхитился я. – Все бы так наряжались.

– Никто и не запрещает. Смотрю хронику о Москве, женщины там сплошь хроникеры, то есть все в штанах. Будто их на сельхозработы гонят. Да ещё и курят. Хамки, халды, лахудры, больше никто. Оторвы, в общем.

Я вздохнул и пожал плечами.

– А здесь, – показала Лора на стальную дверь, – живут наши колдовки, фобии.

– Кто, кто?

– Колдуньи, фобии. Впервые слышите? Фобия, по-русски – ненависть. Зовут их Ксения и Руся. Ксения Фобия и Руся Фобия. Имя и фамилия. Жрут только мясо и исключительно с кровью. Отожрут, отоспят и опять на работу. Возвращаются и жрать, жрать. Как мясорубки жрут. Стервы такие. По-любому сто пудов. Или не так? – Не дожидаясь ответа, да я бы и не знал, как ответить, Лора оглянулась, приблизила свою голову к моей и прошептала на ухо, я даже почувствовал, как шевелились её теплые губы: – Он не Николай Иванович, это такой клеветун. – И отшатнулась, громко сказав: – Ну-с, мы у цели. Вам сюда.

У старца

Для меня открылась заскрипевшая дверь в темную келью. Зрелище, как сказала бы нынешняя молодежь, было не слабое. В центре кельи стоял просторный чёрный гроб покрытый плотной чёрной тканью, исписанной золотыми буквами славянской вязи. Стоял около гроба огромный мужчина в рясе, в монашеском куколе, тоже исписанном. Я даже, честно сказать, растерялся: подходить ли под благословение? Перекрестился на передний угол.

– Ушёл я из монастыря, – смиренно произнес старец. – Дымно там, смутно, закопчено. Звон есть, а молитва на ветер. Показуха одна для архиереев. Мне подавай келью. Да чтоб гроб из целикового дерева. – Он пристукнул по крышке гроба. – Ложись, при- мерь. Хватит духу?

– Думаю, у меня свой будет со временем, – также смиренно ответил я.

– Всё взрывается, – закричал старец, – всё горит, всё затапливается, низвергается и извергается, падает! Всё трясется! Все видят? Все! Даже слепоглухонемые. И кто понимает? А? От труса, глуда, мирского мятежа и нестроения, кто спасёт?

– Господь Бог, – смиренно отвечал я.

– Кто этим проникся? – кричал он. – Кто вразумился? Все на физику списывают, на химию. А? В гробу сплю. Вознесение мое близко. Ближе, чем это дерево. – Ткнул пальцем в бревенчатую стену. – Сядь! Присядь. Что в лоб, что по лбу.

Я сел на скамью, которая шла к порогу от переднего угла. Старец взметнул воскрылия одежд и возгласил:

– Продалась власти церковь, ох продана! Ох, скорбно. Время скорби к ограде придвинулось, кто внял? Ныне отпускаеши, Господи, а на кого мир оставлю, Россию-матушку, ох, на кого? Ах вы, пренеосвящённые митрополиты, архиепископы, епископы, пастыри и архипастыри. Воздежу к вам руке мои и перстом указую: оставили, греховодники, пасомых, пошто попечения о плоти превратили в похоти? ох, немоготу, нечем дышать! С дьяволятами ватиканскими молитесь, вот вы как экуменистничаете! Устегнуло время церкви, кончилось. Предсказанное! Ангелом света изображает ся антихрист, а вы всё в церковь ходите, ах слепцы! Како чтеши Писание? Семи Церквам писано в Откровении Иоанна, апостола любви, семи! Дожила хоть одна? Вот и не верьте в Апокалипсис!

Старец и причитал, и угрожал, а то и обличал. Можно было понять так, что никто ему не угодил, особенно из священнослужителей. Но зачем он хотел меня видеть? Терять мне, опять же, было нечего, я сказал:

– Простите, батюшка, можно к вам так? Не разумею довольно слов ваших. Не сердитесь, но все ваши речитативы походят на шаманское камлание, а вы на ряженого. Можно спросить: вы давно причащались?

– А сколько раз за сорок лет причащались Мария Египетская?

– Там пустыня, там ангелы её причащали.

Он подошел. Взгляд его, признаюсь, был пронзителен. Седые усы и борода росли настолько сплошь, что и рта не было видно. Откуда-то, из волосяных зарослей понеслись напористые слова:

– А здесь не пустыня? А? Здесь нет ангелов? Нет? Не видели? А видят те, кому дано. Вот вам в ответ на Марию Египетскую.

– Ещё раз прошу прощения, – сказал я, невольно делая шаг назад.

– Исходящее от нас, то сквернит человека, – уже спокойно заметил он. – А что исходит, от людей? Испорченный воздух, похмельные выхлопы, вопли эстрады, матерщина и блуд. Если бы от людей исходила молитва, с бесами было бы покончено. Все святое оплевано! Тяжело не то, что тянет плечи, а то, что душу не радует.

– Смирненно внемлю и ничесоже вопреки глаголю, – сказал я. – Но за что же все-таки вы так нападаете на священнослужителей?

– А это сие яко будет како? – язвительно спросил старец.

– Грешно осуждать, – не отступал я. – Осуждать грешно, а тем паче обличать. Кто мы, чтоб обличать?

– Не знаю, кто вы, а вот я-то знаю, чья кошка чье мясо съела. В роскоши утопают. Все знаки предреволюционные. Это они видят? За заборами живут, с охраной ездят, обжираются в застолях по пять часов.

– Есть и старцы, – миролюбиво заметил я.

– Старики есть, где ты старцев видел?

– Надеюсь, он предо мной. Вас именно старцем рекомендовали.

– Это как Бог рассудит, – скромно ответил старец. – Старца кто делает? Народ. Но не эти же, от кого я ушёл, не просители. Сидят часами у кельи, ждут. Заходит, на колени: «Спаси!» – «От чего?» – «Помидоры у меня выросли фиолетовые. Я думаю, мне их соседка марганцовкой поливала. Накажите её». – «А помидоры ела?» – «Да». – «Вкусные?» – «Ну да». – «Ну и иди, и ешь свои помидоры». Разве такие вопросы надо старцу ставить?

– Амвросию Оптинскому тоже простые вопросы задавали.

– Так то Амвросий. Великий старец! Ему можно о всякой ерунде говорить. А меня надо на больших вопросах выращивать.

– Например?

– Например? – старец подумал. – Есть ли двенадцать тайных старцев на Афоне и кто к ним на подходе? Или: «Ще Польска не сгинела?» Или: «Ще не вмерла Украина?» – А я отвечаю: «Ще, чи не ще, нам-то хай коромысло гнэця, хай барвинок вьєца». Довели Россию! Одно воровство да похоть. Сплошная тьма тараканья. Поздно уже, нет России.

– Куда же она делась? – вскинулся я. – И возрождаться ей не надо, она жива. Стоит на основании, которое есть Христос. С чего ей погибать? Как насочат враги, так и отскочат. Ну, сорвут кой-где камня три. Нам только на Бога возвести печаль свою, Он препитает.

– Капитулянские настроения, – выразился старец.

– Но мы же ни в земной жизни, ни в загробной не сможем выйти из созданного Богом мира. Мы – гости в его доме. Гости мерзейшие: паскудим, заражаем землю, воздух, воруем, пляшем на костях, за что нас ещё привечать? Первой провалится Америка, а потом и весь мировой беспорядок, как костяшки домино. Россия ещё подержится. Да и то.

– Что «да и то»?

Это меня спросил не старец, а Николай Иванович, оказавшийся вдруг рядом.

– Да и то, если и она провалится, то и это будет справедливо. Залезла свинья харя Запада в русский огород, мы ей за ушами чешем. Малое стадо спасётся. Так оно и было всегда. Всегда на шею садились: то иностранцы, то большевики, то коммунисты. Сейчас вот демократы. Да ведь и они не надолго. Скоро заерзают от неудобства и страха. Ну, может, их-то изгнание без крови обойдётся.

Местное телевидение

Старец, сидя на стуле, закрыл глаза и всхрапнул даже. Николай Иванович по-манил меня. Мы вышли.

– Ну, и как вам наш старец?

– Извините, отделеюсь незнанием. Может быть, он из бывших монахов или священников? Самость, гордыня видны в нём. Они в нём настоящие. А он? Не знаю.

Обратная дорога по коридору оказалась гораздо короче. Мы вернулись в комнату, откуда меня недавно увела к старцу Лора.

– Тогда я отдыхать, да? – спросил я. – «Скоро утро, но ещё ночь». Из Иеремии.

– Насчёт времени дня поспорю. Какая же ночь, когда мы способны сотворить день. – Николай Иванович подошел к стене, оказавшейся чёрной портьерой и рванул её в сторону. Солнце засияло во всё широченное высокое окно. Я даже зажмурился.

– Отдыхайте, переодевайтесь и – на заседание. Увидите правительство России. Будущее.

– Всё-таки, о старце. Он актёр? – спросил я.

– Вы меня восхищаете. Старец, каких много, вам интересен, а сообщение, что здесь правительство России, пропустили мимо ушей.

– Да и оно, думаю, искусственное.

– Нет, оно со старцем не корреспондируется. Так что позвольте вам этого не позволить. Оно настоящее.

Я поглядел на Николая Ивановича. Он был спокоен. Что бы ещё такого спросить?

– Сейчас в доме моём, где вся эта мыслящая братия, вечер, ночь? День?

– Сейчас посмотрим. – Николай Иванович потыкал в кнопки компьютера.

На экране проявилось задымленное пространство моей избы и мои собутыльники. Махали руками. Сильнее других Ильич. Ахрипов, агроном Вася и Лёва спали. Оборонщик разливал. Ни Аркаши, ни Юли, ни Гената не было. Я вслушался:

– Интеллего дерьмовое, молчать! – кричал музыкант Георгий. – Правильно Ленин характеризовал интеллигенцию. Он-то побольше других ушей Амана сожрал!

– Так он по себе и судил! – закричал наш Ильич. – Он же знал, что говорит, сам же интеллигент.

– А нынешние даже и такого имени не заслуживают. – Это проснулся социолог Ахрипов. – Если они уже педерастам дают зеленую улицу, знаете, как их назовём, запишите. Назовем их либерастами.

– Звук прибавьте, – попросил я Николая Ивановича.

– Сейчас некогда. Не волнуйтесь, все их слова записываются. Если интересно, потом сделаем распечатку. Вообще, крепко выражаются. – Он поглядел на бумаги около экрана. – Это вы их заразили мыслью о создании музея человеческой мысли? Последние два дня как-то они стали оживать, а то всё сплошной хор «Бродяга Байкал переехал», да «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг».

– Они и сами в состоянии заразить кого угодно.

– Да уж. Выключить?

– Минуточку. – Я поглядел на моих знакомцев. Они по-прежнему жили там, в избе, в этом же реальном, или уже ирреальном? времени, плавали за стеклом экрана, как рыбы в мутной воде. – То есть все они, и я, и тот, предыдущий, о котором я хотел бы узнать побольше, все были у вас под колпаком?

– А как вы думали? – даже обиженно ответил Николай Иванович. – Не можем же мы за просто так, за здорово живёшь такую артель содержать. Правда, сейчас скинули с довольствия: не оправдали надежд. То есть специалисты они, любой и каждый, на все сто, но по выводам исследований разочаровали. Сейчас пустили их на безпривязное содержание, в масштабах, конечно, ограниченных. Кто сопьётся, кто... да, что мы о них?

– То есть отсюда они уже не выйдут?

– А зачем? – хладнокровно ответил Николай Иванович. – Им уже некуда возвращаться. Да и не надо. Зачем? Мы в известности не нуждаемся.

– Возьмите подписку о неразглашении.

– Ну, не детский же сад, – упрекнул Николай Иванович. – Подписка. Но попробуем ещё их использовать. Так! Переодевайтесь, вас проведут.

– Николай Иванович, ещё просьба – показать дом Ивана Ивановича.

– А кто это? – спросил Николай Иванович?

– Так, ерунда, – неожиданно для себя отговорился я. – А вот вопрос: могу я им отсюда что-то сказать? Они же меня начальником считают.

– Вообще не практикуем. Хотя? Хотя, что мы теряем? Как гром небесный ваш голос прозвучит.

– Честно скажу, ещё из-за того прошу, – объяснил я, – мне надо увериться, что не сплю, что всё происходит у них и здесь в одно и то же время.

– Да ради Бога! Только замечу, это для них будет впервые. Пожалуйста, короче, несколько слов. – Николай Иванович опять ткнул куда-то в клавиатуру. В избе раздался сигнал, который звучит в аэропорту перед объявлениями. Все там прямо вскинулись и замерли.

– Слышно меня? – спросил я в микрофон.

– Так точно! – первым очнулся оборонщик.

– Поняли, кто с вами говорит?

– Д-да! – как выстрелил оборонщик. – Товарищи офицеры!

Все вскочили.

– Слушать и выполнять! – скомандовал я. – С этой минуты приказываю встать на просушку! Резко протрезветь! Как поняли?

– Так точно! – отрапортовал оборонщик.

– Конец связи.

Экран погас и стал обычным матовым стеклом.

– Лихо вы их, – подметил Николай Иванович. – Идёмте.

Мы пошли по коврам зимнего сада и Николай Иванович, как бы между прочим, спросил:

– А вчера, ближе к вечеру, вы куда-то прогуливались?

Я чуть не сказал про Ивана Ивановича, но что-то остановило меня.

– Проветривался. Там же дышать нечем. Их корпоративная пьянка пропорциональна интеллекту. Все по-русски – спиваются мастера, а подлецы никогда.

То есть, подумал я, Иван Иваныч у них не под колпаком. Зачем-то же мелькнула эта мысль?

Главный разговор

– Николай Иванович, – сказал я, – благодарю за откровенность и надеюсь на её продолжение.

– К вашим услугам.

– Итак, зачем я вам?

Он на ходу поправил какое-то экзотическое растение в керамической вазе, потыкал указательным пальцем в землю цветка, покачал головой.

– Сухо. И неужели всё время надо напоминать? Работнички. – И ко мне: – Вы говорили, что у России нет никаких секретов. Но согласитесь, это и есть секрет.

– То есть, чего это она все никак не помрёт?

– Хотя бы так спросим.

– Россию хранил Удерживающий, царь православный. А нет его, кто хранит? Россия же жива. Хранит Сам Господь Бог, Дух Святой. И это реальность. То есть никому не надо с нами связываться. А всё неймётся. Упование на золото да на оружие. Какой был великанище Голиаф? А как вооружен! Что рядом с ним Давид? Несерьёзно же. Но победил. Дело не в оружии, в духе. Бомбить стариков и детей ума много не надо, но ведь до поры, до времени. Цивилизация Америки – путь в бездну с оплаченным питанием и проездом. Хорошо бы наших побольше с собой захватили.

– А вы кровожадны.

– Ничуть. Мораль демократии заглушает страх Божий, отсюда рост числа развратников. О них говорю. Их жалеть?

– Что вам, не всё равно, какая у кого ориентация? Вы об этом? Свобода.

– Ну вот, пусть свободно и гибнут. Это же Россия – страна целомудрия. Помните картину «Апофеоз войны», пирамиды черепов? Это черепа педерастов Ближнего востока. А Карфаген, Содом и Гоморра, Помпея? Все гибли от разврата. В России такой заразы не водилось.

– Всегда узнаёшь что-то новое, – Николай Иванович остановился, слегка повернул около цветка лампочку обогрева и освещения. – Забудем извращенцев. Вопрос: Революция возможна сейчас в России?

– Нет. Революционеры банкирами стали. – Хотя... хотя в России всё возможно. Рецепты революции прежние: три дня населению хлеба не давать, ворье и шпану из тюрем выпустить, винные склады сами разграбят. Как Ленин учил – телеграфы и банки взять. Телеграф уже необязательно, связи хватает, а банков, на радость шпане, стало побольше. Охранники тоже оживятся, и они не дураки гибнуть за буржуев. А для молодежи, нашей и не нашей, очень сладостна музыка водопадов осколков стекла разбитых витрин. Электростанции и водопровод взорвать, газом побаловаться. Бомбы с удовольствием будут бросать бомжи. Запасов взрывчатки – тонны. Но думаю, пока будет тихо. Помойки сейчас сытные, собаки хлеба не едят.

Николай Иванович неопределённо пожимал и поразжимал пальцы правой руки.

– Вообще, Николай Иванович, при разговоре о России надо всё время держать в уме, что ей нет аналогий. Глупость наших правителей в том, что они насильно тащат Россию в мировое сообщество. Да, мы на одной планете, но мы другие. И единственные. Мы от хлеба и зрелищ не погибнем. На шее у нас всегда сидели всякие захребетники. Но где они? Вопят из ада, завидуя нищему Лазарю. – Я подумал вдруг: а зачем я всё-то ему говорю, такому умному?

– Вы спросили, зачем вы здесь? – заговорил Николай Иванович. – Отвечаю. Хотя мы и недовольны результатами труда этой когорты, но решили ещё попробовать. Знания у них, не в пример зашоренным западным учёным, прочны и разнообразны, не бросать же на ветер такое богатство. Не вам напоминать школы демагогов в античности, не вам сообщать, что система демократии была создана искусственно по заданию плутократов. Но вот, по прошествии веков, начала давать сбои, разболталась в пути. Вопрос: подлежит демократия ремонту или бесполезно ею заниматься и надо изобретать что-то другое? – Николай Иванович сделал паузу. – Вот за это мы и хотели их посадить под вашим чутким руководством. Наша установка – всё-таки не торопиться со свержением демократии, а выработать рекомендации по её укреплению, обезопасить её жизнеспособность для начала лет на двести. Ведь уже было двести лет вместе. Возьмётесь?

– Русский писатель помогает демократам? Сон смешного человека.

– Знаете, скажу до конца. Мы не наивны и понимали, что Россия быстро распознает сволочизм чикагских мальчиков. Я один из них, но не хапал, я русский. Есть реальная Россия, ей надо помогать. Много ли в прошлые годы было воплощено в жизнь проектов ваших друзей? Вы жалели деревни – их сносили, кричали о сбережении леса – его вырубали, были против показа западных развратных фильмов – их крутили день и ночь. Что касается монархии, это, простите, такая утопия, что и обсуждению не подлежит. Надо – дадим конституционного монарха, жалко, что ли? Взят, взят ваш помазанник Божьей волей, молитесь, да и достаточно. Надо Россию спасать в современных, – он это слово выделил, – условиях. Ничего не возвращается. Да и вы в прежнюю свою жизнь уже не вернётесь. Да, так. Слушайте, – вдруг вдохновенно заговорил он, – ведь может же быть, хоть раз в мировой истории такое, что закулисный кукловод – русский человек? Мне ничего неважно, неинтересно, кроме того, что я сделаю Россию страной будущего. Я прекращу воровство чиновников страхом наказания, уничтожу пьянство штрафами, запрещаю аборты, поставлю пределы нашествию иноязычных. Это плохо? У меня нет личной жизни, и не было, и не будет. И я никого не жалею, а прежде всего себя. И вам говорю: вам всё равно тут погибать, так что... делайте выводы.

Мы вышли в просторный вестибюль, в который выходили коридоры.

– Слишком по-разному смотрим мы на будущее России, – только это я и смог ответить Николаю Ивановичу.

– Ничего, ничего. – Он уже был спокоен. – Переодевайтесь, и на заседание.

Появилась Лора и почему-то шопотом, на ходу сообщила, что старец меня утвердил. Проводила до дверей номера. На окнах в нём были тяжёлые бордовые портьеры. Когда я отвёл их в сторону, то за окном, со стороны улицы были ещё одни, уже чёрные. Я уселся на диван, сидел, тяжело вздохнул и пошёл под душ.

Вышел, увидел на диване костюм. Моего размера.

Заседание. Страхи и надежды

Комната была овальной. Стол в центре, пользуясь выражением Николая Ивановича, с ней корреспондировался, то есть тоже был овальным. По стенам, скрытые полумраком, пейзажи разных широт и долгот, на столе перед каждым откинута крышка компьютера, микрофон. Было это всё и предо мной. Я уже был переодетый и освеженный душем. Настойчиво пахло каким-то дезодорантом. Ни мне никого, ни меня никому Николай Иванович не представил. Он тут явно был центровым.

– Докладывайте, – пригласил Николай Иванович мужчину, сидевшего напротив меня, но не назвал его. Мужчина, взглядывая на свой экранчик, говорил долго. По тому, как его слушали, я понял, что ничего нового для присутствующих он не сказал. Но слушали вежливо.

Доклад говорил о судьбах планеты. Я кое-что помечал для себя на листках бумаги предусмотренной богатой авторучкой. В докладе рассматривались варианты гибели планеты. Все государства как-то дружно, не от одного, так от другого, закруглялись, только вот Россия не лезла ни в какие рамки. Не получалось её сравнить ни с одной страной, она даже и не страной представлялась, а целым миром, цивилизацией со своей религией, культурой, будто и не земная была, а пришедшая извне. Кстати, она, единственная, не была создана путём захвата. Её исследовали больше других. Докладчик сообщал:

– Надежды, что с разрушением Союза, и Россия погибнет, не оправдались. Не было учтено, что Россия за века выживания привыкла к минимуму потребностей. Тогда было изобретено и внедрено в Россию через агентов влияния понимание, что все народы развиваются и идут по одному пути. И если ты не идешь по этому пути, ты не цивилизован, ты дикарь, твоё место в обслуге золотого миллиарда.

Про золотой миллиард давно надоело слушать, но тут было такая уверенность, что это дело решённое, данное, и тех, кто ставит сие под сомнение, ждёт судьба подчинённых доллару стран. Глобальный рынок создаст счастье уменьшенных численности народов.

Свет так падал на стол, что лица заседающих были плохо видны. Из-за их спин на освещенную поверхность стола чьи-то, может, Лорины, может, Викины, обнаженные руки ставили чашки с чаем и кофе, приносили всякие печенья, сладости. Передо мной, хоть я и не просил, возникла розетка с жёлтым мёдом.

– Только не надо о демократии рынка, – безстрастно вещал докладчик, – оставим это для дураков. Кто когда видел, чтобы рынок управлялся демократически? – Никто не возразил. Докладчик поехал дальше: – Всего успешнее убивает Россию именно рынок и внедрённая в неё финансовая банковская система. Вместе с тем правящие миром семейства недовольны темпами гибели России, требуют их ускорить. Почему? Россия – единственное препятствие на пути к мировому господству. Она – тот полюс, к которому инстинктивно стремится погибающий мир. Переубедить Россию, и это надо признать, не удаётся, она упряма до непонятно какой степени, поэтому её решено уничтожить. Для начала...

– Затопить Москву? – подал кто-то голос.

Я всё не мог поверить, что всё происходит всерьёз, и с помощью реакции на возглас хотел понять: спектакль это или сходка сумасшедших?

– Это одна из версий, рассматривается и она – спокойно отреагировал докладчик и продолжал: – Уничтожить решено потому, что всегда легче построить новое здание, нежели восстанавливать старое. Если бы Советский Союз не был уничтожен, Америка не имела бы столь блестящих успехов в бывших республиках. В мире уже нет Евангельского Удерживающего, и Запад боится, что Он может появиться в России. Именно поэтому начинается спешка по ликвидации России. К ней тем более подстегивают исчезающие запасы нефти. Это враньё, что у Америки нефти много, её мало, а жить Америка хочет всегда, посему ей не нравится, что в России нефти много, что Господь и в этом был щедрее к России.

Конечно, докладчик говорил гораздо подробнее, нежели я запомнил, но суть уловил.

– Есть сценарий, по которому намечено сравнить Индию с Пакистаном. За

Пакистан, естественно, вступится Китай, а так как у всех ядерное оружие, то число едоков в мире уменьшится. Пока стравить не удаётся, но уже внедрены военные базы в Средней Азии и у границ России. И не только запасы нефти на Ближнем востоке контролируются, но и кладовые Каспия. Главная надежда Штатов на то, что Китай захватит Россию, но при этом будет дружить с Америкой, напрасна, ибо Китай уже начал захват России ползучей миграцией, но Америке будущего захваченного пространства он и понюхать не даст. Он и Америку покрывает сетью своих агентов, покупая им билеты в одну сторону. Сибирь, на которую все облизываются и которая, при скором глобальном потеплении, превратится в цветущий земной рай, остаётся русской. Это препятствие Америка будет преодолевать, и она торопится, ибо Китай вот-вот станет ядерной сверхдержавой. Спешку стимулирует и Южная Америка, которая от своих карнавалов и футбола скоро перейдет к игре мышцами на чужой, естественно северной, территории.

Но нельзя было понять оценки докладчика, то есть, к чему был направлен анализ происходящего в мире: докладчик вещал безадресно. Я покосился вправо-влево, но видел только чёрный стол, матовые экраны компьютеров. Иногда белые кисти рук возникали из темноты, пальцы на них свершали некие пианистические нажатия клавиш и опять растворялись в темноте.

Далее говорилось, что вскоре Голландия, Калифорния, и некоторые другие пространства затопятся растаявшими ледниками, а в Европе всё выгорит от жары. Вскоре, в добавление ко всем этим погодным катаклизмам («Божьим карам», — сказал я про себя) приплюсуется ещё и то, что тёплое течение Гольфстрим отвернётся от побережья, начнутся холода, всюду будет неурожай, и только богоспасаемая Россия будет процветать. Как такое позволить? Обидно же, что грядущий новый потоп, новые провалы новых Атлантид обойдут Россию. Репетиция потопа прошла в Индийском океане, когда за минуту было уничтожено двести тысяч человек, разве это неповторимо?

— Хорошо ещё, — откомментировал эту трагедию докладчик, — что миру не пришлось кормить эту ораву. — Меня передёрнуло. — Докладчик вещал далее: — Имеющие вскоре быть затопления вначале прибрежий ожидаемы, хотя в них пока не верят, но неизбежны. Людям придётся потерять всё. Их надо будет кормить за счёт остальных. Это вызовет милосердие у немногих, а у основной массы злобу.

Всё это я слушал, но по-прежнему не мог понять позицию выступающего. За кого он? За нас, за Россию? Послушаем ещё.

— То есть Землёй обетованной ближайшего будущего будет именно Россия. И народ прежней обетованной земли её займет. Может, он после взятия Иерусалима для того и был рассеян, чтобы узнать, где можно спастись в грядущем? Грядущее наступило, он узнал. Племя торговцев и финансистов владеет миром. Иначе и быть не могло. Крестьянин кормит людей, машинист возит, врач лечит, учитель учит, воин защищает, шахтёр добывает топливо, портной обшивает, повар стряпает, то есть любой труженик думает о других, только финансисты, торговцы, купцы думают о личной выгоде. Если они так думают два тысячелетия, до чего-то же они должны были додуматься. Пример — организация финансовых кризисов. Есть у тебя ресурсы, нет их, а хвостом виляй.

Просят выступить

Николай Иванович аккуратно положил передо мной полоску бумаги. На ней четко: «Вас попросят выступить. Два-три слова о России, о начале обретения ею места в мире, хорошо? О попытке улучшения демократии».

— У нас, среди приглашенных, — тут же сказал из общей темноты председатель, — специалист по вопросам современного состояния России в мире. Сам он — выходец из низов, мнение его, полагаю, не безынтересно.

На экране предо мною крупно замигало: «Вам слово».

— Состояние? — Начав, я подумал, что надо же было как-то к ним обратиться:

коллеги? господа? друзья? братья? Ничего не подходило. Ладно, обойдутся. — Состояние у России такое же, как и всегда, во все века — тяжёлое.

— Но почему? — спросили из темноты.

— Россия — светильник, зажжённый Богом перед лицом всего мира. Светильник же не скрывают, а ставят на высоком месте. И очень многим это не нравится. Он их освещает.

— Но это же хорошо, — усмехнулся кто-то, — на электричество не тратится.

— Освещает не местность, — я решил быть спокойным, — а всю мерзость остального обезбоженного мира.

— Мм — да, — это, по голосу, председатель. — И почему же в ваших работах настойчиво проводится мысль о невозможности введения демократии в России?

— Жадны и циничны демократы, поэтому. Жадны, видимо, от природы, а циничны — от безнаказанности. Демократия позволяет им воровать, она не будит совесть. Врать для демократов — всё равно, что с горы катиться.

— А пример такого вранья можете привести?

— Говорят, что жизнь в России становится всё лучше, а на самом деле все хуже и тревожнее. Частные интересы демократов не есть интересы России. Может, в этом ключ. Они смотрят на Россию как на территорию проживания и наживы. Чтобы их не скovyрнули, внедряют в людей желание им подражать. Ну и так далее. Простите, я совсем не понимаю моей роли здесь. Где я? В масонской ложе?

— Мм-да. — Снова уронил председатель.

А что мне было терять? Если бы я неправду говорил. В конце концов, я же понимаю, что полностью в их руках. Ещё подумал: успеть бы написать послание своим, а как передать?

— Вопросы есть к докладчику?

— Ну уж, — я не мог не улыбнуться, — докладчик. Автор двух реплик. Можно и третью: когда кричат об интересах общества, значит, о человеке не думают. В России смертность уже давно и постоянно опережает рождаемость, разращение молодежи усиливается, пьянство, хулиганство, проституция, сиротство увеличивается, и вот всё это называется демократией.

— То есть, по вашему мнению, надо свергать это правительство?

— А что толку?

— То есть?

— То есть лучше не будет.

— Но как же вы не учитываете регулятор общественных отношений — рынок? — Это из темноты какой-то новый, незнакомый голос.

— Какой рынок? Только что в докладе сказали, что демократия в рынке и не ночевала. Рынок в России позволяет сжирать конкурентов, травить людей некачественными продуктами, ширпотребом подпольных фабрик. Рынок — место действия жадности и корысти. А что такое рынок для культуры? Выставки похабины, издевательства над всем святым? Порнография кино и театра. А что такое рынок для религии? — Я помолчал. — Думаю, что ничего нового я вам не сказал, и поэтому прошу возможности откланяться. С вашего позволения?

Я встал. Никто не удерживал. Дверь предо мной распахнулась. За дверью стояли Лора и Вика. Дверь за мной закрылась

— О-о-ой! — громко и горестно воскликнул я, да так, что они испугались.

— Что, что с вами?

— Главный итог двадцатого века то, что Россия бессмертна. Вот это предложение забыл сказать. Может, раз в жизни дали серьезную трибуну, а я забыл. Вернуться уже неудобно. А?

— Да уж, — посочувствовали сестры. — Тут главное — не подумать, а вслух сказать: тут же везде аппаратура, запись. Россия бессмертна?

— Как иначе? Она — Дом Пресвятой Богородицы, подножие Престола Царя Небесного.

— Так как же тогда Судный день? Всё же провалится, всё же сгорит. — Или я не так поняла, мне книжку старец давал про Страшный суд? — это спросила умная Лора.

– Да-да, суд-то Страшный будет же, так ведь же? – это добавила Вика.
 – Куда денешься, будет. Но вот Россия как раз его и пройдёт.
 – Тогда перед судом вся сволота сюда и приползет.
 – Правильно Лорка догадалась? – спросила Вика.
 – А откуда сволота узнает про Суд? – резонно спросил я. – Ну, что, красны девицы, отпустят меня ваши добры молодцы?
 – Даже на вездеходе, – сказали они. – А хотите ещё послушать, о чём они после вас говорят? – Лора потыкала пальчиком в клавиатуру. На экране, в затемнении плавали тени голов. Голос докладчика был хорошо слышен.
 – ... пора обсудить планы перехода цивилизации избранных на запасные площадки.
 – А Земля? – спросил кто-то.
 – Ну, это просто – сместим земную ось. Ядерные заряды на обоих полюсах, один слева, другой справа и качнём. Поможем ихнему Господу, ускорим день Икс, они его Страшным судом зовут. Вы же сами видите, как их ни воспитывай, они от Христа не отступятся.
 Не говоря ни слова, я пошёл к выходу, по дороге сдирая с себя пиджак. В коридоре остановился и, не стесняясь Вики и Лоры, дежуривших у дверей, снял дорогие брюки и попросил свои прежние наряды. Мне вынесли всё моё, и куртку, и лыжи, и валенки.

Меня не держат, но и домой не везут

У крыльца стоял новехонький сверкающий снегоход. Дверца в выпуклом боку откатилась, обнаружив тоже новенькие внутренности. Я торопливо, даже не подумав, что уезжаю не простясь ни с кем, вошел в кабину, отделённую от водителя матовым стеклом, и меня лихо повлекли через темное пространство леса и сугробов. И везли довольно долго. Что ж это? Я и на лыжах добрался бы быстрее.

Но вот снегоход тормознул, потом опять немного проехал, снова остановился и замолчал. Дверца кабины отошла в сторону. Два человека в униформе, но уже в другой, в более дорогой, меня пригласили выйти.

– Лыжи оставьте.

Приходилось покоряться. Невысокое серое здание без окон напоминало какое-то хранилище. Молча вошли в открытые двери, ввели в лифт, нажали кнопку. Лифт оцутимо провалился и долго, мне показалось, падал. Мягко приземлились и оказались в просторном вестибюле. Мне вежливо указали на дверь, за которую уже не сопроводждали. Дверь открылась сама.

Человек с легкой сединой в чёрных волосах, в зелёной рубашке под серой шерстяной кофтой, протянул мне руку. Пригласил сесть.

– Даже и кофе не предлагаю. Задержу ненадолго. И дела никакого нет.

– Если дела нет, зачем тогда встреча? – спросил я. – Положение неравное: вы знаете обо мне всё или многое, я о вас ничего.

– Хорошо, представлюсь. Я – кукловод кукловодов. Итак, речь о Церкви. Понравится ли вам утверждение, что Церковь в России уже как частная лавочка, да и не только в России? Но в России помногочисленной и поживее. Но это временное оживление после тысячелетия Крещения и прихода свободы. Уже идет отпадение, сокращение числа верующих.

– А мне кажется наоборот, – возразил я.

– Не обольщайтесь. Соединение с Зарубежной Церковью результатов не дало. – Ждали усиления религиозного чувства. А оно падает.

– Опять не согласен. А постоянное увеличение участников Крестных ходов?

– Агония. В любом случае Церковь обречена.

– Почему обречена?

– Сужает свободу.

– Какую? Разве кто-то отменил свободу воли? А свободу вседозволенности и надо сужать. Это показала демократия: в её свободе растёт всё, кроме нравственности. Церковь противостоит разврату, а демократам это не нравится. Вывод – они развратны сами.

– Допустим, наполовину согласен. Только вы имеете в виду свободу, ещё не взятую в рамки закона. Поправим.

– Демократия неисправима. Она жадна, а жадность – наркотик. А наркомания – болезнь. А больные, не хотящие лечиться, сходят на нет.

Он немного прошёл по кабинету.

– Но согласитесь, не наивно ли верить в спасение, ждать его двадцать веков, не пора ли задуматься: а чего это мы, ребята, ждём двадцать веков? Никто вам не мешал верить, и чего вы дождались?...

Тут я сразу перебил:

– Да как это не мешали? Во все века только и было пролитие крови: кто за Христа, кто против Христа. С востока, с запада, с юга! Как это не мешали?

– Но это войны за территории, рынки сбыта, сырьё, невольники, передел мира.

– Вообще, позвольте я скажу выстраданную истину. – Я даже встал: – В мире нет никакой истории, есть единственное во все времена: или мир становится ближе ко Христу, или отдаляется от Него. Никакой другой мировой истории нет.

Он тоже встал. Помолчал.

– Я бы согласился, если бы вы слово Христос заменили словом Бог.

– А Христос и есть Бог.

– Пророк, предсказания Которого не сбылись.

– Нет, сбылись. И всё время продолжают сбываться. Разве не идём мы к Его Второму пришествию? Нет, Он не пророк, Он Бог. Второе Лицо Троицы.

– Почему же тогда не Первое, если Бог? – Он сделал паузу: – Молчите? Поймите, мы же не пугаем антихристом, мы, так сказать, не его шестёрки, мы как раз исполняем Писание: «Едино стадо, един Пастырь... Отрёт всякую слезу... ягнёнок возляжет со львом... несть ни эллина, ни иудея...».

– Так же и перед антихристом будут цитировать.

– То есть мы с Вами не договоримся?

– О чем? – спросил я. – Иисус Христос – не Моисей, не Илия, ни Иоанн, ни Исая, ни Даниил, ни Самуил, ни другие. Вот они пророки. И все они говорили именно о приходе Христа, как Бога.

– Тогда давайте очистим Его учение. Верить еврею?

– Какая может быть национальность у Сына Божия? И что за дело будет до национальности в грядущем огне? «Кая польза в крови моей, вегда сходить мне во истление?» Но вообще, прости, Господи, мы очень вольно рассуждаем о Господе. Господь непостижим. В Нем постижимо только одно, то, что Он непостижим.

– Но, что же тогда, если учение такое хорошее, мир во зле лежит? И почему Господь, зная о склонности человека ко греху, не лишил его такой склонности? Нет, надо брать дело спасения в свои руки. И Господь, думаю, нас одобрит. И вас, если поймёте необходимость действия. – Он щёлкнул пальцами. – Есть силы, есть средства. В наших возможностях много чего. Ваша помощь нужна, чтобы вы, ваши друзья внедряли в общество мысль о спасении России в новых обстоятельствах времени демократии. Чтобы полюбовно. Без насилия.

– Мысль, лишающую Россию Христа, в Россию не внедрить никогда. Россия, это понятно из её пути, живет в вечности, а Христос – это и есть вечность. Идём к Нему. Для России религия не часть мировой культуры, а образ жизни по вере. Сто раз внедряли иное понимание России, всё без толку. Смотрите, в России не получилось даже перевода времени Церкви на новый стиль. Большевики добивались. Патриарх Тихон ответил: «Перейти-то можем, но люди в церкви придут по старому стилю, то есть по Божескому».

– Но жизнь-то не стоит на месте.

– Не стоит. Но жизнь меняется, а Христос неизменен. Это и есть скала, на которой стоим. Пока же наши правители уверяют, что главное направление их деятельности – повышение материального благополучия народа, дело плохо.

– А какое же должно быть главное направление?

– Это азбука: Спасение души. Нравственность. Любовь друг к другу. То, что принёс Христос. Когда мировая общественность вещает, что человек – это высшая ценность, сатана пляшет от счастья.

Он поднял брови, взялся за ус и выразил лицом недоумение.
 – Разве не так? Кто же тогда во главе угла, если не человек?
 – Как кто? Создатель человека.
 – И обезьяны? – Он отпустил ус и усмехнулся. – Может быть, поужинаем?
 – Если можно, я бы до дому.
 – Что ж. – Мы встали...

Смешно и страшно

... И дальше говорили стоя.
 – Он вам как представился? Николаем Ивановичем? Важничал?
 – Откровенничал. Страшал.
 – Так и я ничего не скрываю. Но скажу, что такие, как он, у меня повсюду расставлены, но и они, и даже и я – это всё инструменты. Мы все – исполнители. – Мы пошли к лифту. – Что ж это Россия такая безстрашная-то, а? – Мужчина коротко покосился. – И умирать русские не боятся, а?
 – Смерти нет для русских.
 – Для русских нет смерти? – он спросил как будто себя самого.
 – Вообще-то душа у всех бессмертна, – сказал я, – но мы особенно это знаем, больше всех перестрадали. Нас Господь любит. Кого любит, того наказывает. Россия – это любимый ребёнок Господа. Он доверчив, увлекается иногда игрушками, но он чист душой. Он свободнее других в поступках. Когда он ощущает, что удалился от Бога, то в страхе бежит обратно к Нему, надеясь на прощение.
 – Больше не побежит. – Он застегнул верхнюю пуговицу на рубашке. – Россия приговорена. Теперешнее правительство нам нужно для того, чтобы подчинить Россию мировому порядку, а это, которое мы здесь готовим, уже окончательно Россию уничтожит. Могли бы это сделать и теперешние, но оказались слабы, податливы на славу, на деньги, своё окружение создали из лизоблюдов, родни и знакомых. Так дела не делаются. Поправим. И с евреями разберёмся. Были б загадочны, если б не были жадны. А так – процентчики.
 У снегохода мы остановились. Он задержал мою руку и с улыбкой произнёс:
 – Едешь сюда – одни планы, а встречаешь юную особу, которая не то, что от острова, от родового замка, даже от перстенька отказывается, да ещё и на все предупреждения о гибели её родины рукой машет. Ерунда всё это, говорит. И ты, говорит, дурью не мучайся. Каково?
 – Видимо, ей лучше знать, – сказал я. – Вы озябнете, холодно.
 Мы простились.

Здорово девки пляшут

Снова пролёт сквозь тёмное пространство. Вечер всё длился, но часов у меня не было, и я не знал который час. Всё-таки на этот раз я был доставлен куда надо, к окраине села. Дверь раздвинулась, и я, почти автоматически, вышел на дорогу. Снегоход сразу же, как призрак, исчез.
 Что это было, думал я, скрипя валенками по улице. А зайду-ка к Иван Иванычу. Ведь я понял, что его дом не оборудован шпионской аппаратурой. Посоветуюсь. Если что, отсижусь. И сбегу. Куда сбегу, спросил я себя. Не в своей ли ты стране, чтобы кого-то бояться? Не снится ли мне всё это, особенно заборная жизнь. Есть ли на свете Николай Иванович, этот, с усиками, другие? Было ли совещание? И не едет ли потихоньку моя крыша?
 Что-то мешало подошве правой ноги в валенке. Остановился, достал. Оказалась сложенная бумажка. Чуть не выбросил, но вспомнил, что не я же её положил. Кто-то же другой. Света убывающего дня не хватало для прочтения, засунул бумажку в карман. Потом.
 Иван Иваныч ничуть не удивился, будто и ждал. Он не простирался, к моему удивлению, на своем лежбище, не был окружен пивными емкостями, а сидел за столом, просматривая бумаги.

– Смело живешь, – сказал я здороваясь, пожимая его большую пухлую руку, – не закрываешь ни двор, ни крыльцо, ни избу.
 – Кому я нужен, что у меня взять? У меня и посуду выгребли Аркаша и Генат. Свадьбу готовят.
 – Слушай, Иван, всё не просто. – Я не обратил внимания на слова о свадьбе. – Скажи только, что всё здесь происходящее происходит в реальном мире?
 Иван Иванович, тяжело поворотясь ко мне, спросил:
 – А в каком же ещё?
 – Тогда слушай. Твой дом у них не засвечен, и аппаратурой для слежки не оборудован, ты это знаешь?
 – Ну да. Да они давно на меня рукой махнули. Меня вывезли сюда ещё раньше всех, чтобы я вел направление: «Социальность и философия». Я для начала обосновал, что социальность ненасытна, а философия воспеваает стихии мира, что она – попытка заполнить интеллектом и знаниями тоску души по Богу. Велели переобосновать, но я упёрся. Какое-то время какой-то паёк давали, ещё чего-то заказывали, но я каждый раз для них (это Иван Иваныч подчеркнул) для н и х был, то пьян, то с похмелья. Всегда спрашивал: а какой сегодня день недели, а что сейчас: утро или вечер. Тебе б нужен был такой работник? Вот, – довольно сказал Иван Иванович. – Так что всяческие подслушки-подсматрушки это уже после. Так что, вывод: чем честнее, чем выше по уму учёный, тем он ближе к Богу. Эти парни в твоём доме – первый сорт. Практически они заявили то же, что и я. Теперь они обречены. Если не сопьются, с голода не умрут, их просто пристрелят.
 – Вань, ты серьезно? – ужаснулся я.
 – Милый мой, – Иван Иванович шарил по столу и дивану взглядом. Я понял, что он ищет очки. Он их нашёл в нагрудном кармане просторной рубашки, надел. – Читаю. Вообще-то это надо знать всем в России, но отсюда никакой сигнал, и сюда тоже, не проходит. Так, так... вот: «Мы слишком долго уговаривали русских, что им надо принять общемировые законы, но они, даже притворно соглашаясь, всегда, во все века, продолжали жить по-своему. Сколько можно с ними экспериментировать? ни войн, ни революций, ни болезней, ни коммунистов, ни демократов, ни голода, ни лишений, ни бедности, ни коллективизации они не боятся. В массе своей к деньгам не привязаны. Спаивание их и развращение даёт ничтожные результаты. Более удачными надо признать подкупы высокопоставленных чиновников и постановку их на службу нашим интересам. Но для нас это убыточно, ибо аппетиты их растут. Тем более их легко перекупить. Годы конца двадцатого и начала двадцать первого веков нас вразумили: Россией правят не поставленные нами правительства, а какая-то необъяснимая сила. Сломить её невозможно, поэтому надо её уничтожить. И если они ранее по планам Гимmlера-Даллеса-Бжезинского-Тэтчер нужны были как рабы для добывания сырья из своей территории, то теперь и это не надо. В рабы годятся и турки, и арабы, и азиаты, то есть народы усиленного размножения, что угодно, но не русские». – Иван Иванович кряхтя встал. – Ты давай пока осмысливай, я чай поставлю.
 Я взял текст, слепенькую ксерокопию, прочитал уже глазами и прошёл к нему.
 – А кто это составил?
 – Какая разница?
 – Но это всё серьезно?
 – Эх, писатели, писатели. Прямо как дети, ей-Богу. Так легко вас прикормить деньгами, изданиями, Пленумами, болтовней, премиями, известностью. Ведь как только вы начинаете болтать, с вами покончено. А как ты думал, конечно, серьёзно. Более чем. Или ты думаешь, что пропадание детей и их разборка на запчасти – это выдумка? Снабжение домов терпимости детьми – это моя фантазия? Исчезновение сотен и сотен людей – бред? Тысячи убийств и почти полное о них забвение – не реальность? Ты спроси, где семьи этих твоих мыслителей?
 – Где?
 – А уже нигде.
 Иван Иванович зашуршал коробкой с чаем. А я как-то заторможено снял куртку

и подцепил её на гвоздь у дверей. Сел под абажур и вспомнил про записку в валенке. Развернул её. Прочел крупный торопливый текст:

«Сразу сожгите. Меня готовят для засылки на Афон. По легенде я буду монахом (пол сменят), который едет на Афон. Его перехватят, до этого я должна войти в его биографию, у меня будет с ним полное сходство, вот и всё. Что я должна там выполнить, мне скажут при засылке. Мне просто было некому сказать, но Вам я поверила. Такое ощущение, что из меня чуть ли не шахидку делают. Сожгите записку сразу же. Николай Иванович – мой биологический отец, но я его ненавижу».

Иван Иваныч нёс к столу два чайника, большой и заварной. Тут вдруг раздался какой-то сдвоенный звук, явно исходящий от электронной техники. Как-то дважды пискнуло. Иван Иваныч чуть чайники не выронил:

– Здорово девки пляшут! – Он брякнул чайники на стол и прямо вытолкал меня за дверь, закрыл её за собой. – А я-то пред тобой выхваляюсь, что тут слезки нет. Это ж какой-то прибор.

– Давай искать, – предложил я.

Мы вернулись в избу. Молча шарили по углам, стенам, я даже на полати слазил. Безполезно. Пили чай молча. Я размышлял, что они могут обо мне сейчас предполагать. Вездеход вернулся, они с полчаса отстегнут мне на гулянье под луной, но дальше-то я где? Значит, надо вернуться в дом. Обязательно.

– Спички есть? Дай.

Мы простились. На ухо я ему сказал, что хотел всех собрать у него, но сейчас ничего пока не могу сообразить. Ещё не выходя со двора, сжёг записку.

Многовато было событий для одних суток.

Отдаю приказ

Тихонько шёл я к себе (к себе ли?) домой. Тащил ставшие очень тяжёлыми лыжи. От чая у Иван Иваныча я согрелся, но сейчас замерзал. Окна моей (опять же, моей ли?) избы сияли. Я тяжело вздохнул. И тут раздался именно тот самый звук, что и у Ивана Иваныча. Шёл он от кармана в моей куртке. Я сунул руку – точно – сотовый телефон. Он и пискнул у Иван Иваныча. Гладенький как обмылок. Не как тот, ребристый, который выкинул в урну на Ярославском. На экранчике высветились два сообщения. «Смена охраны в ночь на понедельник». И второе точно такое же, но добавлено: «Вы пока без чипа». То есть удобно бежать в ночь на понедельник. Кто сэмэсил? Думаю, Лора. А тот, кто меня допрашивал, конечно, Гусенич и, конечно, особа, отказавшаяся от острова – это Вика. А сейчас и третью увижу, Иулианию. Гармоничная триада красивенькой, хорошенькой и заметной.

Может, вернуться к Иван Иванычу, успокоить его? Но никаких сил. Ладно, завтра. Я швырнул в сених загремевшие лыжи, резко рванул дверь и гаркнул:

– Вам было сказано – не пить!

И опешил. Они и не пили. На столе, на белой, расшитой красными узорами скатерти, стоял самовар, на расписных тарелках лежали пироги и баранки, пряники и конфеты. Во главе стола восседала Юлия, вся в белом, и Генат, весь в чёрном. Остальные не сказать, чтоб были нарядны, но и следов запустения не было. Приличный народ.

– Хозяин, – поднялся оборонщик. Он был в зеленом кителе. – Вы скомандовали: встать на просушку, мы и встали.

– А я легла, – объявила пьяненькая Людмила. – Доченьку замуж отдать, да не напиться! Живу я лучше всех, но никто не завидует.

– А я не лёг, мужаюсь! – отчитался веселенький Аркаша. – Хотя, чувствую, хорош.

– Загадка русского языка, – это выступил Ильич, я его, хоть и переодетого, узнал. – Аркаша пьян, но мы ему говорим: ну ты, Аркаша, хорош. А завтра: ну, Аркаш, ты вчера был в полном порядке. Хотя он, как можно лицезреть, в полном беспорядке.

– А нам что пожелаете? – поднялась невеста. – Я надеялась на тебя, так надеялась! Завилась, борщ стряпала. Борщ не ел, на завивку ноль внимания, а мне что? Так и молодость пролетит золотой пчёлкой. А ты всё седеешь и седеешь. А Гената стало жалко, ведь человеческая единица, подлежит сохранению, так ведь?

Генат, не вставая, серьезно на меня посмотрел и кивнул головой:

– Устал я, блин, греться, на фиг, у чужого огня. – Этим он как бы объяснил переход в своё новое состояние. И добавил: – Тут зарыдать способна и корова. Но ты-то, что ж игнорируешь? На следующую свадьбу, чтоб не опаздывать. Задробили?

– Совет да любовь, что ещё говорят в таких случаях, – пожелал я и скомандовал: – Ближайшие родственники и Аркаша остаются на месте, остальные на выход!

Сам встал за порогом и когда они проходили возле меня, негромко говорил:

– К Иван Иванычу.

Старался читать Иисусову молитву, но получалось плохо. Вспомнил краткое правило преподобного Серафима Саровского. Но и оно не говорилось. Думалось почему-то, что тут и на берегах и на крышах – всюду телекамеры. Неужели начинаю бояться?

Военный полночный совет

Шагали молча.

– То есть со вчерашнего дня не пили? – спросил я рядом шагавшего.

– Вы ж приказали. Мы и рады стараться. И курить заодно бросили.

Казалось, Иван Иваныч даже и не удивился. Я сразу объяснил ему, что источник таинственного электронного писка был у меня в кармане.

– Мы у тебя позаседаем?

– Да ради Бога. Все ж свои.

– А Лёва где? – спросил кто-то. – Лёву потеряли. Или потерялся?

– Если он стукач, – стал я размышлять вслух, – то пока ему нечего сказать. Он тогда бы тем более стремился на совет. Ладно. Алёша, читай «Царю Небесный».

Перекрестились, расселись. У Иван Иваныча было довольно свежо, поэтому сидели в пальто и шубах.

– Итак, братья без сестёр, – начал я, – вы не оправдали надежд тех, кто вас сюда завёз. Я тоже не оправдал, поэтому... поэтому мы все обречены. Не спились, будете отравлены, не отравят, значит, утопят или просто выведут в лес и пристрелят. Или, скорее всего, просто чем-то зарежут, усыпят и так далее. Меня, например, когда повезли сюда, усыпили, чтоб я не видел, куда везут.

– Да ведь и мы понятия не имеем, где мы.

– Как? – потрясенно спросил я. – А местные?

– Тут нет местных.

– А Аркаша, а продавщица, а Генат? Людмила?

– Если они и местные, то у них отбили непонятным образом память.

– Не будем терять времени. Коротко, по кругу, сообщите, какие выводы вы делали по своим направлениям. Вы? – Ближе ко мне сидел агроном Вася.

– Выводы у всех у нас были одни – без Бога ни до порога. Так, братья?

– Ты короче, тебе велено про свои опыты доложить.

– Опыт был в том, что засеивались сразу по два участка каждой сельхозкультуры. Уход один и тот, одни и те же погодные условия. Но поразительный результат: те, которые сажались с молитвой, над которыми свершался молебен, не были подвержены ни вредителям, ни сорнякам.

– Священника приглашали? Откуда? – Я почему-то вспомнил «старца».

– Нет, Алёша окроплял.

Смущённый Алёша поднялся:

– Может, это самоочиние у меня, самоуправство, ревность не по разуму? Но результаты подтверждаю.

– Молодец. Садитесь. Следующий по кругу. – Встал музыкант Георгий. Я удивился. – Что, и музыка без Бога ни до порога?

– Она у меня в увлечениях, – разъярил Георгий. – А так моя тема – сопоставление монархии и демократии. Вот квинтэссенции: Выборная власть людей разоряет, ссорит, притупляет чувство ответственности за страну. Курс на благосостояние ведет к деньгам, от них к гордыне. Президентская власть держится угождением толпе, монархическая сильна исполнением заповедей Божиих. Власть не от Бога связана с

силами зла и, в конце концов, неизбежно падает вместе с ними. Президент – временщик, царь – отец. Монархия сплачивает людей. Конечно, и она не идеальна. Время судей было для Израиля более благоденственно, нежели время царей. Но они сами просили царя.

– Гера, это ликбез, – перебили его.

Встал и Ахрипов.

– Социальные вопросы. Да ведь и у меня ликбез, потому что ни семьи, ни школы, ни заботы о стариках без веры в Бога быть не может. То есть может, но и школа будет растить англоязычных «фурсированных» егероботов, и семьи будут распадаться, и старики будут несчастны. Болезни превращаются в средство наживы недобросовестных врачей. А недобросовестны те, кто живет без голоса Божьего в душе. Понимание того, что болезнь – это следствие греха должно войти в сознание людей. Перенесение болезни без ропота – начало выработки терпения... Так что и я ничего нового сказать не могу. Но они ждали, что я буду оправдывать аборт, эвтаназию, телегонию, прости, Господи.

Он сел. Вскочил лысый Ильич:

– Для начала не удержусь, сообщу, что передовые либералы и демократы начали именно так называть дочерей: Эвтаназия, Телегония, Себорея. Уже в детском саду воспитательница Аэробика Фитнес водит с ними хоромы и учит петь: «Как у нас нонче субботея, как у нас нонче диарея...».

– Ты о деле давай, – перебили его.

Лысый Ильич поморщился:

– Да ведь не знаешь, что интереснее. У меня, – он листал блокнот, – о социальных сдвигах и катаклизмах. Это наказания Божии. – Более того, я писал в выводах, что как Атилла для Европы в первом тысячелетии, так и масоны со своими воспитанниками – большевиками для России были бичом Божиим за вероотступничество. Но что эти же события высвечивали и величие Божие. Явилось миру созвездие новомучеников начала двадцатого века. На одном Бутовском полигоне упокоилось более трехсот страдальцев, причисленных к лику Святых.

Все перекрестились. Ильич продолжил:

– Позвольте позволить сообщение для улыбки. Исследование обезбоженного сожительства супругов. Коротко: кошку год корми – за день забудет, а собаку день корми – год будет помнить. Кошка в доме, собака во дворе. И идущее из глубины веков выражение о женщине: ребро Адама – кость упряма. Главное дело жены – загнать мужа в гроб, а потом говорить, что он был всех лучше. Если мужа жена не лелеяла, то открыл он закон Менделеева.

– Некогда уже комиковать. Да и не закон – систему. Садись, Ильич.

Ильич сверился по своему блокноту:

– Ещё же о торговле при демократии. Только резюме: товары и продукты питания становятся всё хуже и хуже, и всё дороже и дороже.

В тишине было слышно, как прогудела досрочно проснувшаяся муха.

– Шеф, – заговорил Иван Иванович, – надо снять из твоего дома всю, к хренам собачьим, электронику.

– Так-то оно бы и так, – я стал рассуждать вслух. – Но ведь это тут же заметят, сделают выводы. А вы что, уже меченые? Не можете выйти за пределы круга? Почему Аркашу отбрасывало, когда он за мной устремился?

– Ну? – сурово спросил Иван Иванович, – вас спрашивают, отвечайте! Меченые? Сделали с вами, как со всеми будут делать: вначале прикармлили как цыплят: цып-цып-цып, потом: чип-чип-чип. Точно так же будет. Прикармят, особенно молодежь, она сама побежит за печатью. Но это пока не печать антихриста, ибо ее принимать надо добровольно. А вы до этого не пали.

– Да если так, я эту печать с мясом вырежу! – взревел оборонщик.

– Будем рассуждать далее, – продолжил я. – Вас надо отсюда вывести и вывезти. Соберите мне паспорта. – Я вдруг заметил, что все они как-то виновато сникли. – Что, и паспортов нет? Ой-е-ей. Передо мной безпаспортные яйцеголовые бомжи с залежами

ума и глыбами интеллекта. И куда вас? Георгий, Василий, Георгий – старший, сейчас же в избу Аркаши, пока он на свадьбе. Обыскать. Думаю, именно он ваши паспорта выкрал. Догадка. Но надо её проверить.

Мужчины, на ходу застегиваясь, вышли. Встал Ахрипов:

– Два слова: враги России не уйдут от пословицы: жадность фраера сгубила, укусят себя за хвост. Деньги для них выше нравственности и религии. Демократы – силовики говорили: дайте нам денег – справимся с преступностью. Дали денег – преступность увеличилась.

– Хорошо, хорошо, – прервал я, – и это ясно. Как говорится в анекдоте про арабо-израильский конфликт: «Они уже здесь». Главный вывод: Россия, как сейчас и мы с вами, взята за горло и извне и изнутри. Чему удивляться – плоть противится духу, мир противится Православию. А у евреев, кстати, надо учиться, они раньше нашего были богоизбранны. Но не надо повторять их ошибки – рваться к деньгам и к власти. Рвутся столько веков, а каков результат? Постоянно несчастны. Вы видели хоть одного счастливого еврея? Два народа в мире: мы и евреи, остальные – прикладное. Евреи показали, как не надо жить, нам надо показать, как надо жить, и жить как надо.

– Только два народа? Услышали бы тебя китайцы.

– Китайцы – гениальные копиисты. Дойдут до Крещатика и что? И сразу в Днепр.

– Сеющий в плоть пожнет от неё тление, а сеющий в дух пожнет жизнь вечную. – Это, встав, торопливо произнес Алёша.

– Это утешает, – поблагодарил я. – Но вечную жизнь надо заслужить в жизни земной. – Я вздохнул, обвёл всех взглядом, посмотрел на передний угол. – Наша задача – донести до людей простейшую мысль: если Россия не омоется слезами смирения, ей придется омыться кровью. И это не страшно, но лучше до этого не доводить. А смирение – это сила сильнейшая всех сил.

Глядели на меня мои новые братья по-разному, кто даже и глаза отводил, кто глядел виновато, кто смело и открыто, кто понурился. Но, подумал я, других пока не будет, это наше нынешнее воинство. Это русские люди, овцы стада Христова. Душу Господь положил за своих овец. Я выпрямился и объявил: – Заканчиваем военный совет. Живём спокойно, без паники, с молитвой. Готовимся к прорыву блокады, к выходу на Большую землю. Сухари, хлеб, тёплую одежду. Час на сборы.

– Пойдите, – напряжённо и порывисто сказал Алёша, – мне надо сказать. Обязательно. Как-то вдохновить. Вот... – Видно было, он волнуется. – Мы обречены.

– Почему это? – вскинулся оборонщик. – Прорвёмся! Я танковое кончал.

– Обречены на смерть. Раз мы живые, значит, умрём. И если не за Христа, не за Россию, то попадем в пламя сжигающей совести, в угрызение мук душевных. Адское пламя – это же не выдумка. Подержите ладонь над свечой, больно, а там страшнее, там руку, и всего себя, не отдернешь. Мы – русские, у нас нет выхода, и мы – самые счастливые. Живём всех тяжелее, самый тяжёлый Крест несём, именно нам доверил его Господь. И надо так его нести, будто мы сами этого хотели. Верит в нас Господь. Дано нам мужество и мудрость, любовь и смирение. Вот такие мы: гонимые, непонимаемые, всех жалеющие, всех спасающие, непобеждённые и непобеждаемые.

– Слеза, слеза, чувствую – пробило. Да, непобеждаемые! – воскликнул оборонщик. – С детства не плакал. И не стыжусь, и рад. Ну, умрём, но ведь за родину!

– Продолжай, Алёшка, – одобрил Георгий.

– Да, да! – подтвердил Вася.

– Говори, запомню! – сказал социолог Ахрипов.

– Это хорошие слёзы, дядя Серёжа, хорошие. – Голос Алёши окреп, стал уверенным, он чеканил: – Пора пробудиться нам! Ночь прошла, а день приближается. Отвергнем дела тьмы, облечёмся в оружие света! Ныне спасение ближе к нам, чем когда-либо.

– А!?! – Я восторженно ткнул оборонщика в бок. – Есть, брат, на кого Россию оставить. Значит, ты раб Божий Сергей?

– Так получается.

– А у Ильича как имя?

– Самое русское – Николай. Да у всех тут нормальные.
 – Час на сборы! – повторил я.
 У крыльца меня тормознул скульптор:
 – Слушай, я, наверное, не пойду. Мне уже поздно такие превратности. Ну, выйду, и что? Тут у меня что глины, что гипсу! И этих, по фотографиям, замаштачу. Что мне? Может, и для души чего успею? А?
 Я пожал плечами и пошёл собираться. А что было собирать? Если ещё после приезда и сумка моя была не разобрана. Да я уже и забыл, что в ней. Взять? Нет. Брысь под лавку. Может, ещё меня дождёшься.

Скоро утро, но ещё ночь

Аркаша храпел на полу. Генат спал сидя, уронив голову в опустошенную тарелку. Людмила, жестикулируя рукой с сигаретой, громко говорила:

– Дочурик, того ли вождедела, того ли алкала душа моя? Детунчик, не начинай топтать тропинки моей судьбы. Не пей. Я тебя свалила с плеч, но материнское сердце говорит тебе: не сердись. Ведь перед тобою не мать, а устройство такое рождательное. Вас, дочки, развели искусственно, сечёшь? Ты захочешь сказать: папа, а где его взять?

Юля таскала на кухню посуду.

– Ну, что можно поздравить? – бодро спросил я. Юля сделала брезгливую гримаску. Когда она проходила мимо, торопливо, шёпотом, произнес: – Оденся, выйди. – А вслух заметил: – Людмила, отдыхай.

– А со мной, фигурально говоря, выпьешь? – спросила она. Не отцвела ещё хризантема в моём саду. Как бы так, да?

– Мам, сказано тебе! – прикрикнула Юля.

Я вышел и ходил у избы, глядя на звёзды и читая Иисусову молитву. Нашёл Полярную, безобманную звезду, сориентировался. Если мы на северо-восток от Москвы, значит, двигаться будем на юго-запад.

Юля выскочила в мужском полушубке. Подпрыгнула и обняла.

– Прямо стихи, – сказал я. – В литобледенение, помню, ходил один дядечка, он написал: «Я помню чудное мгновенье, ко мне ты бросилась на шею, и вот, висишь уж сорок лет».

– А мне и минуты нельзя повисеть?

– Юля, соедини меня с Викой.

– Зачем с Викторией? Ты больше Лорке понравился. Да я не ревную, родня будем. Я-то, конечно, сама вообразила. Ты мне улыбнулся, я и разбакланила, что выполнила приказ тебя охмурить. «Мне стало очень весело», – сестричкам я сэзэсила. Я-то уж прикинула, с тобой всё будет чики-пики. А? Мы с тобой два дерева, остальные пни. Вообще-то, сказать честно? Я вас использовала, чтобы в Алёшке ревность вызвать. Но он же Божий человек.

– Налаживай жизнь с Геной.

– Как налаживать? Я же искусственная кукла.

– Соедини меня с Викторией.

– Вот чем загружаешь. А не спросил, можно ли. Она, чать, в зоне.

– Вы общаетесь, значит, можно.

Юля достала сотовый и мелконько, крашенным ноготком, в него поклевала.

– Это я, – сказала она, – не спишь? Да какая свадьба, постная комедия. Жених хрюкает в салате. Слушай, тут ты нужна. Передаю трубку.

– Вика, – торопливо и напористо сказал я, – соедини меня с Гусеничем. У него я был. После вас. Меня к нему завезли. Надо договорить. Соедини. – В телефоне молчали, и я спросил Юлю: – Тебе Вика отвечала? Что ж она молчит? – Вдруг в трубке раздался четкий мужской голос: – Слушаю вас. Чему обязан?

– Если поздно, извините. Могу ли я говорить открытым текстом?

– Да. Такой роскошью в своих телефонах я располагаю.

– Мне надо этих учёных вернуть России.

– Задача. – Он помолчал, потом даже усмехнулся. – УзнаЮ русских – сам погибай, товарища выручай. – Ещё помолчал, ещё хмыкнул. – Что ж, Россия богата умами. Купим новых.

– Эти не продажны. Ваше упование на деньги тупиково. Это тактика. Стратегически победит душа.

– Не надо метафизики. Я подумаю. На прощание вопрос: нам придётся говорить? Ты победил, Галилеянин?

– Конечно. Христос всегда Тот же. И был, и есть, и будет. Он – Камень, на котором стоит мироздание. Вечен и безмертен. Его ли колебать? Терпит, терпит, да и вразумит. Но это ж всё известно... Вы спали, наверное, уже?

– Это вы спите, а мы не спим.

– Я могу и дальше продолжить: «Вы устаёте, а мы не устаём, вы мало едите, мы вообще можем не есть. Но терпения, но смирения нет у нас».

– Смешно состязаться в начитанности, – перебил он. – Но одно: есть свобода воли, и есть бессмертие души. Так? Но если я со своей свободой не хочу бессмертия души? Свобода выбора дана мне Богом, и Он же меня её лишает, это нелогично.

– Надо же и отвечать за свои дела на земле. И нам ли решать за Бога?

– Давненько не слышал нравучений, – сказал он. – Я-то привык, что передо мной отчитываются.

– Одно, последнее: не от себя, от святых: все страдания человека от того, что он хочет жить без страданий.

– Надо же! – В телефоне щёлкнуло. Я думал – конец связи, нет, тут же зазвучал весёлый голос Вики:

– Поговорили?

– Викочка, – растерянно сказал я, – ради чего звонил, то и не сказал ему. Мне же денег надо было попросить.

– Это не проблема, – утешила она. – Деньги его не чешут.

– Думаю, да.

– Ну и ладушки.

*– Ладушки, ладушки
жили у Бен-ладушки.*

– Ну, вы опять нормально, – восхитилась Вика. – Гусенич уржётся.

– Прочитишь ему?

– А то как же! Надо его вздрючивать, а то он как-то последнее время чего-то не того. «Сядь, – говорит, – на мобильник на паспорт сниму». Отходняк мне готовит. Да я не сдвинусь, пусть не надеется. Хоть я и кукла безчувственная, а без зимнего леса не проживу. – Она помолчала, видимо, ждала, что я что-то скажу. Что я мог сказать? Вика попрощалась и попросила: – Юльке телефон отдайте.

– Да, скажи поклон Лоре, передай: будет молиться Божией Матерью – и сама поймёт, как поступать.

– Я скажу: вы сказали: скажи Лорочке. Так-то, мистер.

– Если я мистер, то ты – мистерия.

– Нормально! Сами придумали?

– Само сказалось. Это ты ему тоже процитируй.

– А то ещё бы, как же.

– Спасибо, Викочка, – сказал я в мобильник, выключил его и отдал Юле. – Спасибо, Юлечка. Иди спать, детское время вышло.

Она скорбно понурилась, а я опять пошagal к Ивану Ивановичу. Вспомнил материнские пословицы: «Бес силён, да воли нет» и другую: «На зло молитвы нет». Пословицы эти были сейчас нужны, чтобы обрести спокойствие души. Я думал: ведь эти учёные говорили заказчикам правду, что ж те не поверили? То есть, такая правда заказчикам не нужна. То есть опять готовится для России очередной комут, новая попытка загнать в стойло непокорный русский народ? Лишь бы без крови отбиться. И как же они Бога не боятся?

Навстречу мне шли посланные в дом Аркаши.

На свободу с чистой совестью

Оборонщик доложил: паспорта найдены, вещи собираются, личный состав будет для отправки во время.

– Аркашу разбудите и отправьте домой. Хай поднимет – к морде кулак: «Сторишь вместе с хазой».

– Это сделаем, – довольно сказал оборонщик.

– Спросите, кто ему велел выкрасть паспорта. Хотя уже неважно. Всё!

Усевшись в низкое кресло, я немного подремал. Иван Иванович вздыхал на диване. Ночной петух, непонятно откуда взявшийся, пропел побудку.

– Что, брат во Христе, Иоанн, ждать третьих петухов не будем. – Я отошел к рукомойнику, поплескал на лицо. – Я тебя не спрашиваю, пойдешь или нет с нами, не надо, сиди тут. Главное, чтоб добраться, а то боюсь это новое правительство снюхалось с тем, что сейчас у власти. Хотя никто властью делиться не любит. Мы вернёмся, даст Бог.

– Это бы неплохо, – закричал Иван Иванович. – Беру обязательство похудеть на половину. Буду по ночам ходить по селу с колотушкой.

– Молись за нас. Пиво не пей.

– Это можно и не говорить. Алёшка! – крикнул Иван Иванович.

– Пора уже? – откликнулся откуда-то сверху Алёша. – Оказывается, он угрелся на печке. И сейчас легко с неё спрыгнул.

– Лежмя лежал, или сиднем сидел? – спросил я. – Богатырь!

Мы троекратно обнялись с Иван Ивановичем и вышли под тускнеющие к утру звёзды. Одна не сдавалась, горела ярко. Мы переглянулись с Алёшей и поняли, что оба вспомнили евангельскую утреннюю звезду.

– Мне, грешному, такое счастье было в жизни – несколько раз видел схождение Благодатного Огня на Гроб Господень. Ты, Алёша, ещё увидишь.

– Дай Бог. Но вот я прямо в отчаянии, – Алёша перекрестился, – как же весь мир не вразумляется, что Господь яснее ясного показывает, что только вера православная истинна, только православным дарится Огонь, как? Всё на что-то надеются. Лишь бы без Бога жить. И ведь живут.

– Живут. Нам дай Бог до лета дожить. Пойдём на Великорецкий Крестный ход. Там недавно шёл из любопытства американец. Приехал русских туземцев снимать. Но не до конца был заамериканенный, увидел, что это такое – любовь к Богу. Крестился в Православие. Говорит священнику: «Я приобрёл дополнительный опыт». Священник ему: «Ты не опыт приобрёл, ты человеком стал».

Рядом вдруг оказался поэт в очках. Впервые я увидел его не лежащим на полу. Он шёл и говорил, не заботясь о слушателях:

*«И гласом подвластным пока мне,
я кличу товарищей рать:
не время разбрасывать камни,
пора их опять собирать».*

Пришагали к моей избе. Я признался себе, что она стала мне дорога. Чем не келья? А село, чем не монастырь? А Алёша, чем не настоятель? – Но даже и в мелькнувшей мысли всё было так зыбко, как снежный туман над полями. Сейчас надо бежать. Именно так. Добираться до города, на поезд. Почему-то я думал, что Гусенич нас пощадит. Другое дело Николай Иванович.

Далее, как в сказке. Подъехал знакомый снегоход, выскочил водитель, вручил мне пакет, козырнул, вскочил обратно в кабину и снегоход ускользнул.

От избы, по сугробам, в одних туфельках, бежала Юля, протягивала мобильник.

– Это велели отдать вам насовсем. Он вас к телефону, срочно.

– Да. – Да, это он.

– Вы же любите врагов своих, что ж вам не пожалеть денницу?

– Господь с ним Сам разберется. Но ваш-то денница кого жалеет? Или ему ничья любовь не нужна. Как говорится: пусть не любят, лишь бы боялись, так?

Слышно было – он вздохнул.

– Понимаю, что вы не хотите того, что движется на Россию. Но тут я не властен. Повторяю, у меня огромная власть, но даже и я всё-таки только исполнитель. Часы пущены.

– Ничего, не страшно. Они всегда тикают. Но вы им скажите о последствиях. Скажите, что никто никогда Россию не побеждал.

– Кому я скажу? Себе? Но поймите – Россия уходит из истории.

– Это не она уходит, а мир кончает самоубийством. Господу мир без России не нужен. Даже и так рассудить: у тела есть душа, и у мира есть душа. Это Россия. Освободившись от тела, обретёт жизнь вечную. Русские – мистическая нация.

– Из этого тем более следует, что русских пора убрать, они портят стройную картину мира.

– Как Бог даст.

– А начать с вашей бригады. Прямо сегодня, а?

– Сегодня что, четверг? Отлично умереть в апостольский день. А завтра пятница – день Святого Креста. В субботу поминальный день – все предки встанут встречать нас, и на вас ополчатся. Понедельник? День архангельский. Тут злобы каратель Михаил. А во вторник – пророк величайший Креститель Иоанн, среда – снова средокрестие. Так что нам любой день подходит. Нам и восьмой день Господом обещан.

– Прощайте, – прервал он. – Вас проведут. Охрана будет обеспечена.

Я выключил мобильник и... узнал его. Да, вот и номера знакомых московских телефонов. Конечно, это мой, его же выбрасывал в урну Ярославского вокзала. То есть вот ещё откуда меня веди.

– Стоп! А ну стоп! – закричал от дома Генат. – Он бежал в одной белой рубашке. – Куда без меня, куда? Кто вам патроны будет подносить?

Вслед ему с полушубком бежала Юля.

– Возьми, дурак, простынешь, лечить тебя потом.

– Ну, что, братия, – сказал я. – Сверим часы.

Небо начинало светлеть. Восток, как поставленный на плиту, начал разогреваться.

– Нас будут охранять, – сообщил я.

– С автоматами и с лопатами? – спросил Ильич.

– Почему с лопатами?

– Чтоб сразу и закопать. Все наши таланты и нас. Шутка такая: был бы талант, а лопата – его закопать – найдётся.

У меня явственно просигналил мобильник. Эсэмэска: «Прошу вас покинуть мои сны». Очень вовремя.

– Брат Алексей, читай молитву.

Мы сняли шапки и перекрестились, глядя на рассветное небо.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас. Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас. Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!

2004-2010

ПОЭЗИЯ

Галина МАМОНТОВА

Галина Викторовна Мамонтова – поэт, прозаик,
публицист, член Союза писателей России.
Живёт в Подмосковье.

Мне б росой на зорьке умыться...

Под тяжестью креста
мы ропщем и стенаем,
И нет уж больше сил
идти на Горний Свет...
Мы каемся в грехах
и вновь в них утопаем,
И, кажется, порой –
душе спасенья нет.
С надеждой обратись
к Владычице Небесной,
И слёзно попроси
утешить ты в скорбях.
И с верой припади
к стопам Её смиренно,
С молитвой непрестанной
к Пречистой, на устах.

Встречаясь с разными людьми,
проходим мимо.
Струится времени песок
необратимо.

ГАЛИНА МАМОНТОВА

Не опоздай и посмотри
в чужую душу,
И безразличья холодок
будет разрушен.

Ничто не вечно под луной –
известно точно.
Зима сменяется – весной,
день ясный – ночью.

В сиюминутной суете
обрывки судеб,
Бушует мир в добре и зле,
что дальше будет?..

А дальше – чуточку тепла
даруй другому,
И, может, станем жить тогда
мы по-другому.

Маме

Хрупкая девочка в платье ситцевом,
Синий вагон...
Хрупкая девочка в мире неистовом,
Дальний перрон...

Девочке, девочке радость нечаянно
В сердце вошла.
Верила искренне, счастье отчаянно
Всё берегла.

Хрупкая девочка в платье ситцевом,
С дочкой вдвоём.
Хрупкая девочка, дальше и дальше
Тот дальний перрон...

Ангеле Божий, храни этих девочек –
Долог их путь,
Сень твоих крыл оградит их от многого
Пусть.

В платье ситцевом хрупкая девочка
Дальний перрон...
Хрупкая девочка, девочка Светочка
Жизнь – словно сон...

На юбилей игумену

Если тебя неудача постигла,
Если не в силах грехи превозмочь,
Осенью грустной унынье настигло –
Может лишь отче игумен помочь.

Ты поспеши к нему в храм
С искренним покаянием,
Слёзы стекут по щекам
И душе израненной.

Если душа суетой осквернилась,
Если пылает на сердце огонь,
Молится отче, чтоб та исцелилась,
При алтаре, облачённый в фелонь.

И мы спешим к нему в храм
С искренним покаянием,
Слёзы текут по щекам
И душе израненной.

Немощи наши к погибели тянут,
Страсти бушуют одна за одной,
Тихой молитвой залечит все раны
Чадам духовным игумен родной.

Вновь мы спешим к нему в храм
С искренним покаянием,
Слёзы текут по щекам
И душе израненной.

Видишь, вон там монастырские стены,
И купола вознеслись к Небесам...
Многая лета! –Звучит над Вселенной –
Многая лета! Отец Нифонт Вам!

Мы так спешим к Вам в храм,
Радостью светимся,
Слёзы текут по щекам,
У Вас юбилей, и мы встретимся.

Мне б у тихой реки на песке полежать,
Мне б росой на зорьке умыться.
Мне б из пыльного города в лес убежать,
Вдоволь воздухом свежим напиться.

Город сводом железо-бетонным своим
Всё плотней прижимается к небу,
Вот и облака сизо-синеющий дым
Распластался над чахнувшим стеблем.

У заросшего пруда склонилась ветла
Она смотрит на ряску тоскливо –
Здесь вода была прежде чиста и светла,
Здесь рыбёшка плескалась игриво.

Пел заливисто песни певун-соловей,
Эхо гулкое вторило следом...
И дышалось легко, и жилось веселей,
Удушающий дух был неведом...

Мне б у тихой реки на песке полежать,
Мне б росой на зорьке умыться.
От сует городских в синь без края бежать,
Убежать... чтоб душой обновиться.

Мы всё так же живём...

*Памяти Н. Плевако,
писателя, издателя,
посвящается*

*День памяти
11 июля 2008*

Загрустили аллеи берёзовой рощи,
Они помнят шагов его звук.
Мы всё так же живём и чего-то всё ропщем,
Мы всё те, мир всё тот же вокруг.

Чай зелёный в бокале давно уже стылый,
Банка с мёдом бесхозна стоит.
И померкли на стенах от пыли картины,
Многоречье гостей здесь давно не звучит.

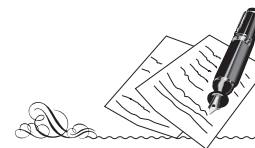
За рабочим столом черновые наброски,
В них полёт его мыслей навеки застыл...
Время тихо течёт, лишь зарубки-полоски
Оставляет на память тем, кто рядом с ним был.

Рощи тихой аллеи в зной прохладу подарят,
Шелест листьев напомнит звук ушедших шагов.
Это время придёт, встреча эта настанет,
Средь бегущих сквозь лету пространств и миров.

Тихой заводи грусть мне в наследство досталась,
И задумчивый плёс, и ветла над рекой.
Я уеду туда, чтобы сбросить усталость,
Слушать крик петухов и дышать тишиной.

Окунусь с головой в разнотравье цветное,
Задохнусь от духмяного запаха трав,
Отразится в глазах небо синь-голубое,
Ветер косы растреплет и умчится стремглав.

А я буду смотреть в бесконечность просторов,
А я буду дышать до хмельной головы.
Свою душу покрыв Твоим тёплым Покровом,
Отдохну от сует передряг и молвы.

ПАМЯТЬ

Евгения ЕРШОВА

Годы войны. Незабываемое (отрывок из воспоминаний)

После бала

Воскресенье, 22 июня. Был на редкость, даже для Ашхабада, очень жаркий день, наверное, градусов 40.

Прошло всего два дня после школьного выпускного вечера. Мы, выпускники 10-А класса школы № 1, собирались встретиться на дне рождения одного из наших, теперь уже бывших учеников, Владимира Степанова. Но отпраздновать его день рождения нам не пришлось. Огромная страна во всех её уголках услышала страшное известие – ВОЙНА!

Наши мальчики пошли в военкомат записываться добровольцами.

Отца, который был военным юристом, в армию не призвали. К началу войны ему исполнилось 52 года. Но главное – в тылу тоже нужны были люди, проходившие неоднократно военную переподготовку.

С каждым днём в ходе войны Туркменистан приобретал всё более важное не только экономическое, но и стратегическое значение.

Усилились фашистские происки в Иране. Необходимо было прикрыть южные границы страны. На базе войск Среднеазиатского военного округа была сформирована 53-ая Отдельная Среднеазиатская армия, управление которой находилось в Ашхабаде. В августе сорок первого года возникла необходимость ввести некоторые дивизии в северные провинции Ирана.

Я помню, как по Октябрьской улице двигались к границе войсковые колонны с военным снаряжением, фуражом и – что было особенно важно – с лошадьми.

Мамин младший брат, Николай Константинович Мединский, призванный в армию с первых дней войны из города Фрунзе, был направлен в Иран, получив назначение на должность начальника штаба кавалерийского корпуса.

Как вспоминал после Великой Отечественной, начальник дивизионной разведки, в то время капитан Бахши Атаевич Атаев (в послевоенные годы – генерал-майор, начальник военной кафедры Туркменского университета), 27 августа передовые отряды пересекли государственную границу и 17 сентября 1941 года

Евгения Николаевна Ершова родилась в Ташкенте в 1924 году. Доктор педагогических наук, профессор факультета русской филологии Туркменского государственного университета имени Махтумкули, автор ряда учебников по русскому языку для вузов и школ. Указом Президента РФ от 4 ноября 2010 г. N 1302 «За большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом, в сближение и взаимобогащение культур наций и народностей» Е.Н. Ершова награждена Медалью Пушкина.

Живёт в Ашхабаде.

вступили в Тегеран. Угроза вторжения врага через южные границы Родины была предотвращена.

Ашхабад с начала войны был закрытым городом и не принимал беженцев-одиночек, среди которых попадались подозрительные люди, с чемоданами, набитыми деньгами.

Однако эвакуация в Туркменистан коллективов – промышленных предприятий, госпиталей, учебных заведений, учреждений культуры – была организована чётко.

В годы войны у нас находились в эвакуации тысячи людей из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы...

«Но военный ветер, вихрь событий далеко на юг тебя занёс...»

Осенью 1941 года была эвакуирована в Ашхабад Киевская киностудия. У нас работали режиссеры А.Довженко, М.Донской, И.Савченко, операторы Ю.Екельчик, Б.Монастырский, Д.Демущий, П.Горбенко, актеры Н.Ужвий, А.Хвыля, Г.Юра, А.Милютенко, В.Чобур и другие.

На базе Ашхабадской киностудии Марк Донской экранизировал роман Н.Островского «Как закалялась сталь» и поставил фильм по сценарию В.Василевской «Радуга», а И.Савченко – «Партизаны в степях Украины» по пьесе А.Корнейчука.

В Ашхабаде в эвакуации жили и работали известные писатели: Юрий Олеша (он регулярно приходил в читальный зал республиканской библиотеки, и там, тогда студенткам I курса педагогического института, очень хотелось заговорить с автором знаменитых «Трёх толстяков»); Агата Турчинская, украинская писательница, создавшая роман с символическим названием «Мой друг – Ашхабад»; поэт и переводчик туркменской поэзии, москвичка Надежда Вольпин; замечательный поэт и чтец Георгий Шенгели, переводчик западной и восточной поэзии (мы знали его переводы Верхарна и – что особенно было дорого – стихов великого философа и поэта Махтумкули).

Писатели часто выступали у витрины Туркменского Агентства печати «Новости», наискосок от библиотеки. Мы ходили на эти выступления, хоть и боялись оставить своё место в читальном зале, которое тут же могли занять. Среди выступавших была и ленинградская писательница Елена Павловна Серебровская. Находясь в эвакуации, она работала в нашем педагогическом институте – читала курс «Истории критики и журналистики». После войны Серебровская опубликовала трилогию «Маша Лоза». В третьей части этого романа «Друзья с тобой» она описывает Ашхабад военного времени. Многие персонажи имели знакомые прототипы.

Елена Павловна пишет об Ашхабадском пединституте, о тогдашнем быте, о хождении в пустыню за черепаками, чтобы накормить семью черепашим супом, о защите диссертации своей главной героини Маши (автобиографический образ) в Одесском университете, эвакуированном в Байрам-Али...

После войны мы переписывались. В 1974 году она прислала мне сборник своих стихов «В пути. Любит – не любит». (М.: Советская Россия, 1973). Вот одно из стихотворений – «Отчизна»:

*На лугу ромашки собирала
Под горой, где тихая река.
Ты тогда ещё не знала,
Как твоя Отчизна велика.*

*Где ты родилась? На Украине
Тополинный пух, черешен цвет,
Мальвы белы, алы. Небо сине,
В мире всём такого неба нет!*

*Что затем? Нева в седом граните,
Ленинград, чья слава выше звёзд...
Но военный ветер, вихрь событий
Далеко на юг тебя занёс.*

*В жаркий край попала ты неожиданно,
О котором знала лишь из книг.
Каменной границей Ирана
Копет-Даг перед тобой возник.*

*Люди незнакомые встречали,
И нашла тогда ты, вся в слезах,
Отражение своей печали
В не похожих на твои глазах.*

*В красных платьях женщины, кибитка,
Скатерть прямо на цветной кошке,
Кислота прохладного напитка,
Белый жир сухой на каурме.*

*Если даже в доме не богато,
Гостю – всё, что есть. Такой закон.
Тот же над Туркменией, покатым,
Русский, украинский небосклон.*

*Стал туювник дубу побратимом.
Всё, от жёлтых трав и до камней,
Постепенно и неотвратимо
Тоже стало родиной моей.*

*Дети на лугу, а возле мчится
Ледяная горная река.
Мне пришлось на деле убедиться
Как моя Отчизна велика!*

Мы, жившие в регионе, куда стекались люди разных национальностей и разного вероисповедания, не замечали проявлений враждебности. В этом была сила нашего многонационального государства.

В трилогии «Маша Лоза» Е.П. Серебровской есть эпизоды, как старик-туркмен помог ей в пустыне, как относились местные жители к ленинград – аял (ленинградской женщине).

МГУ в Ашхабаде

В Туркменистане находились в эвакуации крупнейшие университеты – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ) вместе с Московским институтом философии, литературы, истории имени Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ) – в Ашхабаде и Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова в Байрам-Али.

Мы, студенты I курса историко-филологического факультета Ашхабадского педагогического института (ныне – ТГУ имени Махтумкули), после своих ходили ещё и на занятия «по комбайну», сдавали потом зачёт, хотя особых практических навыков у нас не было.

Но в моей памяти осталось, конечно, прежде всего, пребывание в Ашхабаде МГУ.

В середине ноября папа получил открытку из Москвы от сестры Лидии Поляковой. Она писала, что её младший сын, студент II курса МИФЛИ, Юрий Поляков (ныне – известный историк, академик РАН), вместе с МГУ отправляется в эвакуацию в Ашхабад.

«Зная твоё доброе сердце, – писала тетя Лида, – верю, что ты его примешь как родной отец».

По решению Государственного Комитета обороны об эвакуации МГУ в конце октября – начале ноября 1941 года, в тяжелейшие для столицы дни, из Москвы в Ашхабад

стали отправляться эшелонами с семьями профессорско-преподавательского состава, аспирантами и студентами, сотрудниками.

Первая группа эвакуированных из МГУ выехала 22 октября (некоторые студенты вначале даже шли пешком), а встретили мы их только 6 декабря. Вторая группа покинула Москву в ноябре и, преодолевая неимоверные трудности, попала в Ашхабад в начале января 1942 года.

В январе 1942 года на всех факультетах МГУ начались занятия.

Перед этим, уже в Ашхабаде, в декабре произошло слияние МИФЛИ с МГУ.

К 1 января 1942 года в МГУ было 467 студентов, к 1 февраля – 624 человека, к 1 марта – 736 человек.

Студентам МГУ выдавали, дополнительно к карточкам, талончики «на обед». Это был суп – затируха из тёмной муки, политая хлопковым маслом. Мы с детства к этому маслу привыкли. Москвичи же называли его «машинным».

В Ашхабад прибыли также более 300 профессоров и доцентов. Никто из членов педагогического коллектива МГУ, к их чести, не покинул его, не отозвался на выгодные по тому времени предложения находящиеся в далёком тылу вузов.

Среди профессорско-преподавательского состава были известные учёные: археолог, исследователь древнерусской культуры, открывший берестяные грамоты А.В. Арциховский; филолог П.Г. Богатырёв; историк И.И. Минц; математик И.В. Петровский (академик АН СССР с 1946 года, позднее Герой Социалистического Труда, а с 1951 года ректор МГУ)...

Из аспирантов и студентов назову лишь несколько имён: известный академик и правозащитник А.Д. Сахаров; астрофизик И.С. Шкловский; филолог Н.М. Шанский (впоследствии академик АПН, затем АОР).

Многие занятия для студентов МГУ и Ашхабадского пединститута были совместными. Так, на нашем факультете читал лекции известный специалист по русской литературе XIX века Б.П. Казьмин. Позднее он приехал с семьёй в Ашхабад, проработал несколько лет, у него были в пединституте аспиранты и диссертанты.

Студенты МГУ и мы вместе просиживали до закрытия в городской библиотеке. Там было тепло: печку топили саксаулом.

Для занятий МГУ было выделено новое трехэтажное здание в саду Кеши, которое предназначалось для пединститута. Правда, вначале оно было не достроено.

Приезжих преподавателей сперва разместили в одноэтажном клубе пединститута, который также находился здесь, но вскоре им предоставили комнаты в квартирах жителей Ашхабада, а студенты стали жить в общежитиях учебных заведений и в школах города.

Помню, как на Всесоюзной конференции по развитию стилистических систем языков, которая проходила в 1967 году в Ашхабаде, одна из участниц, бывшая студентка МГУ, попросила меня отвести её в школу № 19, где были размещены во время эвакуации некоторые студенты. К сожалению, я могла выполнить её просьбу только отчасти – показать лишь место, где находилась эта школа – она была разрушена во время землетрясения 1948 года...

Мне не раз приходилось слышать от эвакуированных в Ашхабад их воспоминания о той поре – «Ашхабад навсегда останется в наших сердцах».

Об этом говорили не только они сами. Но, когда их уже не стало, и их родные и коллеги.

Как-то раз я была на биологическом факультете МГУ. Меня попросили в нашем Министерстве образования узнать, как учатся в московских вузах студенты-туркменстанцы. Когда я пришла на кафедру низших растений, меня очень хорошо встретил тогдашний заведующий кафедрой Михаил Васильевич Горленко.

Там я увидела большой портрет А.Л. Курсанова, а под портретом бережно охраняемое после кончины Андрея Львовича его кресло. А.Л. Курсанов, академик АН СССР и академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, рассказывал, по словам М.В. Горленко, о жизни и работе в эвакуации, исследованиях по грибной флоре хранящегося зерна, а также зерна в хранилищах, заражённого амбарным клещём.

В 1941/42 учебном году целый ряд тем институтов и факультетов МГУ в период эвакуации в Ашхабаде был непосредственно связан с разработкой растительного и технического сырья Туркменистана, полезных ископаемых, экономикой, медицинской, ветеринарией, сельским хозяйством, историей и, конечно же, с темами военно-оборонного значения.

Письма из Москвы от тётки Лиды приходили довольно часто. Всю войну она провела здесь, и впоследствии была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Как-то раз тётка Лида написала:

«Сегодня раскололи Юрины лыжи – вдоволь с Соней (её сестрой – Е.Ершова) смогли попить горячего чайку...».

...Наступила весна 1942 года. Положение в стране было тяжелое. Первое мая было объявлено рабочим днем. С утра шли занятия, потом – курсы медсестёр, а к вечеру – торжественное заседание. Я сначала не хотела идти: слишком свежи ещё воспоминания о прошлогоднем праздничном вечере. Некоторые одноклассники уже погибли... Но бабушка настояла: нельзя не быть, тем более в такое трудное время – это неуважение к государственному празднику, к Родине.

И вот теперь я сравниваю её отношение, уже старой женщины, пережившей социальные перемены, к своему государству с речами современных политических дам-либералок.

Нельзя простить одной из них не только её демагогию, но главное то, как во время югославских событий, одобряя кощунственные действия против федеративного государства, она со своими единомышленниками фланировала мимо Американского посольства с развернутым плакатом – обращением: «Мы с вами», обращением к тем, кто бомбил Югославию.

С наступлением сильной жары пожилым преподавателям МГУ всё труднее становилось переносить не привычную, за сорок, температуру. Московский университет был переведён в Свердловск, откуда вернулся в Москву.

Прошли десятилетия. И у москвичей, и у ашхабадцев осталась добрая память о пребывании МГУ в Ашхабаде. Был заключён договор о сотрудничестве двух вузов, который действует и ныне.

В Репетеке, на сборе саксаула...

Осенью 1942 года, когда шли тяжелые бои на Сталинградском фронте, возникла острая необходимость в топливе.

Наш Педагогический институт отправили на дровозаготовки в Репетек, который расположен в песках Восточных Каракумов. Там находится Репетекский государственный заповедник, старейший из всех заповедников Туркменистана. Он был образован в целях изучения и сохранения песчано-пустынного ландшафта и теперь имеет статус биосферного заповедника. В нём находятся Большая и Малая саксауловые рощи. Сейчас этому заповеднику век.

Саксаул – пустынное кустарниковое растение с мощной корневой системой. Корни уходят в почву иногда до десяти, и даже более метров. Они-то и служат для закрепления песков, особенно у чёрного саксаула. Хрупкая, тяжелая древесина идёт на топливо.

...Работа была тяжёлая. На заре мы уходили далеко в пустыню, а возвращались поздно ночью. На четверых девушек (звено) была норма – две тонны в день. Бережно относиться к саксаулу, корчевать только то, что подгнило, оципывать веточки на корм скоту – вот, о чём мы должны были помнить.

Корчевать даже старые деревья с трухлявыми корнями было нелегко. Мы привязывали к стволу верёвку и тянули вчетвером.

Вспоминаю с благодарностью уважаемого преподавателя туркменского языка Курбана Клычевича Сопиева. В сапогах, с толстой верёвкой, с необыкновенной сноровкой, он ходил от одного девичьего звена к другому, помогал нам.

Корчевание саксаула, кроме физических трудностей, вызывало у нас, молоденьких

студенток, огромный страх. Под трухлявыми корнями жили огромные толстые змеи, вероятно, гюрзы. Надо было проявлять большую осторожность...

Но особый страх мы ощутили, когда увидели в первый раз змею – стрелку, хотя, как потом узнали, укусы её не опасны.

Стрелка – змея из семейства ужовых – напугала нас не своим длинным телом, а тем, как она передвигается: бросками – не так, как обычно ползают змеи.

Когда мы подошли к саксауловому кустарнику, под которым стоял принесённый нами чайник с драгоценной водой, и увидели, как ожила сухая серая «ветка», а это была змея, мы бросились бежать, будучи уверенными, что туркменская пословица «Сироту и на верблюде змея укусит» – не только иносказание, а прямое соответствие броскам стрелки.

Ещё одна трудность в период саксаулозаготовок – проблема воды. Водопровода на песчано-опытной станции в Репетеке тогда не было. Воду привозили поездом в цистернах и выливали в бетонированное водохранилище на станции. Она пахла нефтью, по поверхности были характерные круги. Конечно, ни о каком купании не было и речи, даже и умывались очень экономно.

Тем не менее, несмотря на бытовые и прочие трудности, жили дружно. Хотя газеты привозили редко, а радио не было, мы жили новостями о боях на Сталинградском фронте.

Уже в поезде, когда покидали Репетек, узнали о великой победе под Сталинградом.

«Премиальная» обувь

В Ашхабаде мы снова оказались в привычной студенческой атмосфере. Наряду с занятиями были и дежурства в госпиталях, военная подготовка.

Снова начали работать научные студенческие кружки и даже проводились научные студенческие конференции.

Когда была на третьем курсе, в пединституте отмечалось 130-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Я выступала с докладом «Родина в творчестве М.Ю. Лермонтова». Доклад занял первое место.

Занималась я и в лингвистическом, и в литературоведческом кружках.

На последнем курсе, в 1944/45 учебном году, выступила с докладом «О переходе частей речи в русском языке», продолжая на конкретном языковом материале – и в историческом, и в синхроническом аспектах – идею академика А.А. Шахматова. Эта идея впоследствии привела меня к изучению взаимосвязи и взаимообусловленности языковых явлений.

Перед пленарным заседанием научной студенческой конференции меня вызвал новый ректор Нагим Аманович Аширов. Он только что вернулся после длительного лечения в госпитале в связи с тяжёлым ранением на Ленинградском фронте.

Аширов был удивительно спокойным, немногословным человеком, блестящим знатоком туркменской литературы. На фронт он ушёл аспирантом – востоковедом.

Нагим Аманович задал мне неожиданный вопрос: сохранился ли у меня талон на промтоварной карточке.

Во время войны было два вида карточек – главные, продуктовые, которыми очень дорожили и боялись потерять, и промтоварные, их обычно «не отоваривали», – талоны постепенно становились недействительными.

У меня такой талон был, как обычно, не использованный. Но меня и удивил и смутил вопрос ректора.

Нагим Аманович разъяснил, что в студенческом магазине получена обувь, которую будут «выдавать» по этому талону. Я должна буду получить в бухгалтерии соответствующую сумму, а затем, когда приобрету туфли, принести их в кабинет ректора.

Через несколько дней на закрытии научной студенческой конференции, я, как и другие авторы лучших докладов, в торжественной обстановке получила свою «премиальную» обувь.

«Жди меня...»

Наступил 1945 год. Вера в Победу, даже в самые страшные периоды войны, никогда не покидала нас...

Мы, девочки, выпускницы школы №1 1941-го, старались все прошедшие годы переписываться со своими бывшими товарищами. Но писем приходило всё меньше и меньше. Почти все мои одноклассники отдали жизнь за Родину.

Нам оставалось только навещать матерей тех, скорбные известия о гибели которых приходили на протяжении горьких месяцев войны.

А как они были талантливы, наши мальчики: замечательный музыкант Георгий Микиртычев, умерший в госпитале от ран; талантливый математик Олег Бартедьев; бесстрашный Суран Бабаханов, погибший в Ставропольском крае; великолепный литератор и замечательный чтец Игорь Шевлаков; Юрий Фалалеев, увлекавшийся авиамоделизмом...

Самая регулярная переписка у меня была с Георгием Шаткарём, с которым мы три года просидели за одной партией. Он попал к нам, когда мы уже учились в 8 классе.

Его отец до войны был переведён в Пограничные войска, дислоцирующиеся на юге Туркмении.

Георгий с первых дней войны ушёл добровольцем на фронт. Стал капитаном мномётных войск, находился на самых тяжёлых участках боёв, по-видимому, на 2-ом Белорусском фронте. Нельзя было писать – где. Последний номер его полевой почты – 54270 М.

Он имел много боевых наград. Одна из первых – медаль «За отвагу», и он с юмором написал тогда:

«...Я теперь отважный...».

Погиб Георгий в Восточной Пруссии, под Браунсбергом (теперешнее польское «Бранево») 16 февраля 1945 года, не дожив трёх месяцев до Победы.

Единственный сын. Его отца я не знала: в начале войны он был переведён из Ашхабада, а мать, Александра Прохоровна, оставалась некоторое время в Туркмении, надеясь на возвращение сына...

Я берегу его фронтные треугольнички, сложенные пополам военные открытки – именно в них гораздо раньше, чем в книгах, было стихотворение Симонова «Жди меня, и я вернусь...».

...Долгожданная Победа была самым счастливым, хотя и вместе с тем печальным днём («со слезами на глазах») в жизни каждого.

Да и сейчас, спустя теперь уже более шестидесяти с лишним лет со Дня Победы, для нашего поколения этот день остаётся священным праздником.

Утром, 9 мая 1945 года, люди шли и шли на площадь Карла Маркса в центре Ашхабада. Возникали стихийные митинги. Кричали «Ура!», пели, танцевали. Обнимались с незнакомыми людьми и... плакали.

Потом многие так же «стихийно» шли на телеграф, чтобы послать поздравительные телеграммы родным и близким.

Но многих, кого хотелось бы поздравить, уже не было в живых...

ПОЭЗИЯ

Лариса ТОКУН

Лариса Ивановна Токун – поэтесса, член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Глагол».

Живёт в Подмоскowie.

Русской повести грусть...

Жду гостей

Разгулялось настроенье поутру,
Разгулялось – ни запрячь, ни удержать.
Дай-ка, думаю, я в доме приберу.
«Гости, гости...» – что-то стало мне шептать

И слагать-плести слова, словечки, вязь.
Нашепталось, что откуда ни возьмись –
Яркий ситец или вытканная бязь –
Поле пёстрое, по полу расстелись!

Собираю я цветочки на лугу,
Чтоб в кувшинах, синеглазым, им стоять.
Драгоценные словечки сберегу –
В чистой горнице сиять им и сверкать.

По душе такой наряд, такой покой,
Как молитва, оберег, а может стать,
Старой бабушки обычай дорогой –
Добрый словом, лаской гостя привечать.

Соловки

От моленья сиянье над пустынной землёй.
Здесь души созерцанье и смиренность покой.
У Полярного круга, моря Белого уст
Поселилась надолго русской повести грусть.

За царя и за веру здесь стоял монастырь,
Но в двадцатом повержен был седой богатырь.
У Полярного круга, поднебесной черты
Белый свет был поруган, белы ночи – черны.

Здесь угоды грибные, ягод щедрый ковёр.
Над духовным приютом Свет ладони простёр.
У Полярного круга, где царит вечный хлад,
Терпеливой любовью был взращён дивный сад;

Стад молочных раздолье – всем ветрам вопреки;
Купно рыбы морские заплывали в садки.
У Полярного круга голубее глаза
От озёр ярко-синих, и от боли – слеза.

Напитаться покоем, горечь судеб испить,
Надышаться простором и счастливее быть...
В лабиринтах тропинок исповедных дорог
Добредёшь ли до круга, за которым есть Бог?

Николаю Рубцову

Разбудили рубцовские шквалы
И просторы студёных морей,
И тревожно идущие валы
Против курса больших кораблей.

Мне далёкое вспомнилось детство,
Строгих скал восходящая гладь,
По уступам, чтоб быть по соседству,
Горизонт мы пытались достать.

Не забуду рокошующий шорох
От наката свинцовой волны,
Влажность сопок, дыханье которых,
Мне роднее любой стороны,

И полярные длинные ночи,
И живое сиянье палитр,
Что по небу играет, полощет,
Будто тайна с тобой говорит.

Помню лето – огромное око –
Плат лазури, бескрайняя высь.
Словно раны – в ущельях окопы
Из войны в наши игры рвались...

И не выразить словом то чувство,
Что впиталось из юности лет.
Край суровый любви безыскусной –
Мой волнующий искренний свет.

Заяцкий остров

Кем, когда проложены лабиринтов тропочки?
Затянулось серое – значит, быть дождю...
Покоряем торно сопочку за сопочкой –
И от каждой весточек я ищу и жду.

Воздух – синь прозрачная. Влажными просторами
Острова вдыхают запахи морей.
Называли здешних жителей «поморами»
Или – «трескоедами», чтобы посмешней.

Чтоб развеять скуку вечерами зимними,
Тягивали песни – сети, невода,
И плели безвестные под седыми ливнями
Тропки ожидания судна иль суда...

Звонко по досочкам, по мосткам шагаячи
Северным узорочьем мхов и валунов,
Восхищённо млеем. Чистый остров Заячий
Звался бы эдемом... Только без крестов.

Аисты – не улетайте рано...

Посвящается Галине Мамонтовой.

С первых дней осени жители села Табаки* забеспокоились о зиме. Уборочная страда была в самом разгаре. Весь собираемый урожай, до зернышка, отправлялся на станцию для погрузки в вагоны и увозился далеко на восток страны. Бригадир, политработники и разного уровня проверяющие из Одессы подгоняли колхозников и отслеживали погрузку. Бригады рвали жилы, и с каждым убраным гектаром тяжелее становилось на сердцах колхозников. Урожай увозился, уборка заканчивалась, а из чего обещанные трудодни раздавать будут, не видно.

Утром, собираясь бригадами, сельский люд подолгу толковал о том, что их ожидает зимой. Как прокормиться самим, чем кормить детей, о скотине уже и не думали. Тайком говорили о новой власти... Зароптал народ. К голодной зиме не приготовишься. Страх забродил в крестьянских душах.

К разноголосому разговору прислушивался дед Гаврила. Ни свет ни заря он выходил из дому, чтобы проводить на поля зятя Семёна и пристроиться у дуvara**, послушать, о чём ведут разговор односельчане. Слушая, качал головой и похихикивал в бороду, потирая надавленные об цементный накат дуvara локти.

Место сбора крестьянских бригад находилось у магазина сельпо, а дворные ворота деда Гаврилы – в сторону, напротив. Бессонница гнала Гаврилу на улицу. Он бы рад поработать в поле, но не брали его, – проку мало, – стар больно и никудашен. Бригады собирались и по-тихому отправлялись на работы. Обязательно отобьётся кто-то из мужиков и прихватит литровку вина, тайком протянутую дедом Гаврилой. На прощание подбодрят деда, а то и попросят:

– Мою детвору увидишь, скажи, чтобы долго не болтались по улицам.

– Гаврила, жене передашь, поздно буду сегодня.

Тот заулыбается, помашет и в спины перекрестит всех. Но в эту осень чуть ли не единственная просьба была к деду Гавриле:

* Табаки – болгарское село в Одесской области (бывшая Бессарабия). Основано в 1812 году.

** Дувар – (болгарское) у Бессарабских болгар забор из камня и глины. Сверху каменный забор цементировали сферой.

Георгий Каюров – член Союза писателей России, член Союза журналистов Украины, главный редактор журнала «Наше поколение» (Молдова).

Живёт в Кишинёве.

– Гаврила! Следи за приметамы.
– Дед Гаврила! Зимы не прозевай!

И дед Гаврила устроившись у летней кухни, с самого утра подставляя щеку осеннему солнцу, а спину грея об тёплые ворота подвала, подолгу заглядывался на небо. Ещё его старики рассказывали, – с сентября надо следить за аистами. Если полетят на юга в первой половине, – жди лютой зимы.

Седьмого сентября, едва только бригады разошлись по нарядам, а дед Гаврила примостился с табуреткой у подвала, как многоголосое прощальное курлыкание донеслось с неба. Дед Гаврила задрал голову кверху, прикрывая от солнца глаза, и от удивления, каким длинным был птичий перелётный косяк, даже привстал.

– Ф-фю-ють! – присвистнул Гаврила. – Всем базаром и поднялись, – и долго ещё смотрел им вслед. Зима предстояла длинной и морозной. Покатились слёзы по щекам деда Гаврилы, то ли от солнца, то ли от тоски – голодная будет зима. Дед Гаврила надолго запомнит эту дату.

Чем ближе к концу уборочной, тем чаще гоняли по селу полуторки, пугая селян вороньими будками и увозя очередного расхитителя социалистической собственности. Старухи, при виде полуторок-призраков, долгим взглядом провожали их, пока те не скрывались за поворотом, и подолгу крестились, торопливо ступая домой. В будке мог быть и сосед и, не дай Бог, свой кто-то. Волок с поля мешок кукурузы или ржи и попался. Конец семье, пропадёт зимой без кормильца. Молчит село. К ночи узнаёт по голосистым бабьим плачам, чей двор осиротел.

В одно из утр не собрались бригады, – распустили, до весны в них больше не было нужды. Не вышел и дед Гаврила на дувар, он уже будет выходить к обеду, поглазеть на улицу, поулыбаться в бороду и помахать прохожему в спину. Уборочную закончили раньше календарной, но всё равно кукурузу убирали с заснеженных полей.

Село не спешит рано просыпаться, продлевает по утрам ночную тишь, спит подолгу народ, натягивает завтрак на обед. Сон морит голод. Изредка какая-то молодичка выскочит на двор выплеснуть ведро с ночи или пустую банку насадить на штакетник, отгораживающий палисадник, кинет на веревку просохнуть ребячью тряпицу и мигом в дом, выбросив из-за двери клубы пара.

Ещё немного, и тёмными утрами потянутся в Болград каруцы*, набитые освежёванными тушами домашнего скота. Первый признак, – крестьянин чувствует голод и старается сохранить в скотине вес, нагулянный за лето на пастбищах. Когда ослабнет телка – не продать, а, не дай Бог, задохнётся... Голод не тётка, доводилось не брезговать и падежом – выживать надо было. Никому не пожелаешь.

Снявшиеся с заток «всем базаром» ещё в первых числах сентября аисты принесли и раннюю зиму. Народ приметил, не обманешь. С начала октября как похолодало, и больше не отпускало, а на пороге ноября село проснулось белым. Снег ночью тихо лёг, – татью. Спит народ, не радуется. Редкими слабенькими дымками курится заснеженное село.

Ещё с ночи Гаврила проводил дочку с зятем на железнодорожную станцию, может чего перехватят из еды – товарняк просыплет зерна, солдаты будут ехать да подкинут. На прошлой неделе один солдатик бросил из вагона газетку, а в ней и кусочек сала, и краюха, и луковица. Сама газетка так пропиталась соевым жиром, что ребятня и её обсосала вместе с буквами.

Гаврила с утра пораньше взялся за лопату и, громко шкрябая по цементному двору, расчищал проходы от снега. Снег густо облепил землю, тоже примета никудышная. Пока Гаврила до калитки очистил тропку, взмок. Последний раз шаркнув лопатой, довольный окинул взглядом сделанную работу и собрался вернуться в дом, когда послышался незнакомый шум. Гаврила прислушался, не показалось ли? Шум доносился явно и приближался со стороны мельницы, что на краю села. Гаврила медленно, с ленцой направился на улицу, стараясь по звуку угадать. Состроив обеими пригоршнями на лбу козырёк, всмотрелся в конец улицы. Гремя каруцами, в село вползал обоз. Что разглядел Гаврила, только Бог и он сам знали, только Гаврила тяжело покачал

* Каруца – (болгарское) телега.

головой и нервно затоптался на месте, словно забыв, зачем вышел и что делать собирался. Покрутился-покрутился на одном месте, неожиданно встрепенулся, быстро вернулся во двор и закрыл калитку на дополнительный засов. На всякий случай проверил на крепость ворота. Немного успокоившись, взобрался на излюбленное место и приготовился разглядывать. Обоз медленно проползал мимо Гаврилиных ворот. Из всех каруц торчали многочисленные детские головы. Ни голосов, ни ржания лошадей не слышалось, только глухие удары колёс. Проследовала первая каруца, за ней вторая, следующая, следующая... Зрелище представало тревожное – в каждой каруце сидели, плотно прижавшись, ребятишки. Их ослабленные голодом тела поддерживали друг друга. У многих голова лежала на плече соседа. Несколько каруц были накрыты брезентом. Гаврила содрогнулся, когда разглядел свисавшие из-под брезента белёлые детские конечности.

Кони головной каруцы ткнулись мордами в забор у магазина, и весь обоз начал замедлять ход, собираясь на площади. От головной каруцы отделился провожатый и, подойдя к дверям магазина, с силой постучал. Только сейчас Гаврила усмехнулся в бороду. Магазин давно уже не работал. Короткая улыбка запуталась в бороде деда Гаврилы и слетела.

Одна из каруц отстала от обоза и остановилась напротив деда Гаврилы. Несколько человек, соскочивших с неё, разошлись по дворам. Двое, оба в шинелях без погон, один – высокий и худой в ушанке, а второй – пониже, в фуражке без кокарды, направились к Гаврилиным воротам. Дед Гаврила, насколько был способен, быстро присел на корточки и даже голову прикрыл руками. Шаги и голоса чужаков слышались у самых ворот.

– Открывай дед! – грозно приказали из-за калитки и принялись нервно нажимать на кованую ручку калитки, а та отвечала с другой стороны звонким лязгом кованого языка. Калитка была заперта на дополнительный крепкий засов из шелковицы. Дед Гаврила примерился глазом к засову, покачал головой и заулыбался в бороду. Что обозначало это покачивание головой? То ли он показывал, – засов не сломать, выдержит, то ли наоборот – сомневался в надёжности домашнего защитника, то ли вообще, говорило его покачивание, что открывать он не собирается. Дед Гаврила украдкой выглянул сверху из-за дувара на непрошенных грозных гостей, встретился взглядом с чужаком в ушанке и скрылся.

– Полоумный, что ли? – злились за калиткой. – Зови хозяев!

Дед Гаврила, пригибаясь, торопливо пошёл вглубь двора. Вслед ему продолжал бить кованый язык задвижки, но Гаврила даже не обернулся, спеша спрятаться в доме. Он остановился только тогда, когда явно услышал голоса во дворе. Один из чужаков свесился через дувар и тянулся откинуть засов. Это у него получилось, и калитка широко распахнулась.

– Собака есть? – ворвавшись во двор и оглядываясь вокруг, спросил тот, что в ушанке.

– Какие собаки, Панкрат Ильич? – уныло взирая на двор, ответил ему товарищ. – Голод...

– Ты тут не агитируй, Кузьмич! – грозно отозвался «в ушанке». – Мне этих надо кормить, – и он указал большим пальцем за спину. – Живыми довести и сдать из рук в руки, а там пусть хоть все вымрут.

– Не меньше твоего хочу довести всех живыми, – тяжело вздохнув, ответил Кузьмич. – Я всё-таки директор этого детского дома. С меня и спрос двойной.

– Директорствовать будешь там, когда приедем, – рубил как с плеча «в ушанке».

– Везде, где мои детдомовцы, я директор, – спокойно парировал Кузьмич.

За коротким разговором они в несколько шагов догнали деда Гаврилу и проследовали мимо, словно того и не было. Проходя вдоль дома, «в ушанке» потянул за тряпку в стене. Тряпка вывалилась большим кляпом, и из открывшейся дыры вырвался пар. «В ушанке» отпрянул, а Кузьмич заглянул в парящую дыру, которой оказался оконный проём без стекла.

– От холода спасаются таким нехитрым способом, – вздохнув, тяжело пояснил Кузьмич и, подняв тряпичный кляп, заткнул дыру.

Чтобы войти в дом, непрошеным гостям пришлось пригнуться перед низкой дверью.
– Ох, и вонища! – поморщился «в ушанке», воротя физиономией. – Кто заткнул окно?

С этими словами он на ощупь подошёл к стене и ткнул кулаком, выбивая кляп. Сквозь образовавшийся просвет в дом ворвались морозный воздух и немного света.

Изнутри дом больше походил на большую кухню, стены которой набили из самана, замешанного на крупной соломе. Стены тщательно оштукатурены, но не побелены. В доме стояла крошечная тьма, подрагивающая лампада служила единственным освещением. Два маленьких окна были забиты тряпичными кляпами. Дверь была предусмотрительно обмотана тряпками тоже для тепла. В доме стоял терпкий навозный дух непрветриваемого помещения.

– Аж глаза режет от вони, – часто моргая, «в ушанке» всматривался в глубину комнаты.

Чужаки оглядели внутренности комнаток. С двух кроватей, лежа как придётся, на них смотрели с десятков пар испуганных болезненных глаз.

– Вот это да! – воскликнул Кузьмич. – Сколько же вас тут?

– Девять, – выступая вперёд, тихо произнесла рослая девочка. Она лежала с младшими детьми, но услышав шум на дворе, поднялась и успела накинуть мамин платок на плечи. Судя по росту, ей бы быть взрослой девушкой, но голод не дал ей развиваться в девушку. Перед чужаками стоял полуживой девичий скелет обтянутый кожей. По видимому, в отсутствие родителей она управлялась с детьми.

– Где взрослые? – отворачиваясь, поинтересовался «в ушанке».

– За едой... – девочка запнулась, переводя дыхание, и продолжила: – ...пошли на станцию.

Опираясь на больное колено, в комнату вошёл дед Гаврила. Он так и остановился у порога: одна нога на пороге, а другая – в комнате.

– Это кто? – кивнул за спину «в ушанке».

– Деду... – девочке сил не хватило договорить, и она села на кровать.

– Он, что, чокнутый, у вас?

Никто не ответил. «В ушанке» начал прохаживаться по комнате, собираясь с мыслями, что делать.

– Ладно, – неожиданно сказал он. – Еда в доме есть?

– Товарищ Михайлов, – тихо позвал товарища Кузьмич, но «в ушанке» взорвался:

– Что, товарищ Михайлов!? Я Михайлов! Тех сто двадцать заморышей кормить надо или нет!? Товарищ директор!

Выпавив накопившееся раздражение, «в ушанке» оттолкнул деда и, ударив ладонью по двери, выскочил во двор. Следом вышел и Кузьмич, по пути подняв и вставив тряпичный кляп в оконный проём. Дед Гаврила, усмехаясь в бороду, ковьялял следом. Уже у самой калитки им на встречу во двор вбежала женщина. От её появления дед Гаврила даже сел на приступку, вымощенную вдоль дома, и закачал головой, но не усмехнулся, только широко раскрыл глаза, наполнившиеся тревогой.

– Кто такие? – женщина задыхалась от бега. – Что надо?

– Ты кто такая? Имя? – грубо оборвал её «в ушанке».

– Полина. Это мой дом, – взгляд женщины загорелся голодной злобой.

– Еда есть? – продолжал допрос «в ушанке».

– Нету, – отрезала женщина и, отвернувшись, быстро пошла к дому. Она ещё что-то буркнула себе под нос, но «в ушанке» уловил её слова.

– Говоришь, своих бы прокормить? Значит, есть еда! А ну-ка пошли, – скомандовал он товарищу.

– Остановись, Панкрат Ильич, – попытался сдержать товарища директор.

– За мной! – был неумолим «в ушанке», зорко следя за удаляющейся женщиной.

Проходя мимо Гаврилы, «в ушанке» отрезал:

– Стой здесь, дед!

Чужаки по пятам хозяйки ворвались в дом. «В ушанке» снова повыбивал кляпы из окон и приказал директору:

– Следи за дверью, чтоб никто не прошмыгнул.

– Что за ней следить? – раздражённо возразил тот, окинув взглядом голодных, обессиленных детей. – Кто тут в состоянии прошмыгнуть?

– Муж есть? Где он? – гаркнул «в ушанке» в самое лицо женщины.

– Не знаю, – ни один мускул не дрогнул на её лице. – Уехал, а куда, и не знаю.

– Давай, доставай еду, нам некогда тут с тобой валандаться.

– Нету, – с вызовом выпалила Полина и зло сверкнула глазами. – Этих ты мне кормить будешь?

– Сколько у вас детей? – равнодушным тоном поинтересовался Кузьмич. Он не смотрел ни на женщину, ни на перепуганных детей. И вопрос задал, только чтобы напомнить «в ушанке» о том, что семья многодетная, и, может быть, разжалобить лютующего товарища.

– Все тут. Девять, – с надеждой в голосе произнесла женщина.

– Ты что, либеральничать вздумал! – взревел «в ушанке», поняв, куда клонит директор. – Либеральными налёками саботируешь! У меня в обозе сто двадцать полуживых сирот войны и восемнадцать подохших от голода.

– Я тоже отвечаю за обоз, – попытался возразить Кузьмич, но «в ушанке» оборвал его на полуслове.

– Ответишь! За либерализм ответишь сполна! А пока я отстраняю тебя... – «в ушанке» не договорил. Его остановил жёсткий взгляд директора. «В ушанке» стало не по себе, он немного успокоился: – Ты пойми, мы за эти восемнадцать трупов ответим, а если добавится ещё, то даже не знаю, что будет.

– Делай, как знаешь, Панкрат Ильич, но жизнь на жизнь не самая удачная мена, – со злостью скомкав шапку, Кузьмич вышел из дома.

– Предлагаю добровольно сдать продукты для обоза детдомовских сирот следующих к месту приписки, – переведя дыхание, чеканя каждое слово, проговорил «в ушанке».

– Не дам! Сами не знаем, как до весны доживём, – с этими словами Полина оглядела детей. Те не спускали тревожных взглядов с мужчины. «В ушанке» молча прохаживался по комнате, багровея от злости.

– А ну слезли все, – вдруг взвизгнул он. – Нарожала вырождков!

Дети, продолжавшие лежать на кроватях и глядеть из-под одеял, тихо перешёптываясь, покорно стали спускаться на пол, обнажая голые тощие ноги. Все были одеты в старые заштопанные сорочки. На полу они сбились в кучу вокруг старшей сестры, прижавшись друг к другу и подрагивая, то ли от холода, то ли от страха.

– Знаем мы вас, куркулей, – «в ушанке» принялся заглядывать всюду, опрокидывая матрацы и сбрасывая одеяла с подушками на пол. Полина следом всё поднимала и кое-как расстилала обратно. «В ушанке» ничего не находил, и это его злило ещё сильнее.

– Не смей поднимать! – злобно взорвался он. Вздрогнувшая от дикого окрика женщина, бросила обратно поднятую вещь и, теряя силы от охватившего страха и беспомощности, опустила на край кровати и заплакала. Она пыталась разжалобить чужака, рассказывая, как тяжело поднимать детей, а у неё их девятеро душ, надо всех кормить, растить, а впереди долгая зима. Младшенькие тоже стали плакать. Старшие пытались их успокаивать. «В ушанке» топтался по вещам и с неистовой злобой пинал их ногами. «Не уходить же с пустыми руками», – говорил его безумевший от упрямства вид.

– Погреб, подвал есть? – зло уставившись на детей, процедил «в ушанке». Дети попятнулись. От неожиданного вопроса у Полины даже слёзы просохли. Она вспомнила о спрятанных в кладовке закатанных банках с кониной и двух мешках с кукурузой. Все припасы они с мужем припрятали под кучей кукурузных кочерыжек. Спрятано хорошо, если не перерывать кучу, не найти, но когда сами дети топили печь, то могли разворошить кучу, и кое-где виднелись банки. Их было немного. Делили по одной банке на неделю, и всё равно голодали – девять ртов только детских! «В ушанке», ожидая ответа, медленно повернулся к женщине, а для Полины это послужило сигналом. Она стремительно бросилась на выход. «В ушанке» в два прыжка догнал и сшиб женщину с ног, но та, упав, смогла быстро вскочить и перегородила двери.

– Не дам!!!

– Пошла прочь! – «в ушанке» на этот раз с такой силой откинул женщину, что Полина отлетела к противоположной стене и, ударившись головой о литую станину швейной машинки, рассекла лоб. Кровь окропила пол и нависла на бровях. Полина оторвала ленту от подъяюбника, обтёрла ею кровь и прижала ко лбу.

Швейная машинка «Зингер» была подарком многодетной семье от немецких солдат, когда те недолго квартировали в их селе. Оставили немцы ещё и две походные раскладные кровати. Одну Полина с мужем разместили встык к своей кровати, а вторая не поместилась в крохотной комнатке, так и стояла сложенная у стены на приступке. Позже её прихватили румынские солдаты, когда отступали. В семье о кровати не жалели, хотя на трёх кроватях было бы лучше всем разместиться, но всё равно ставить негде было. Полина немного попилила супруга, всё-таки следовало припрятать кровать. Со временем расстроились бы, и появилось бы место, дети-то растут.

Швейная машинка – это единственное, чем по-настоящему была богата семья деда Гаврилы. Этот молчаливый член семьи подкармливал всю семью. Полина никогда не отказывала, обшивала всех – и своих, и сельских. Люди были благодарны и поддерживали семью, чем могли. Правда, последнее время машинка больше простаивала – бедствовал народ – не было у людей ни ситца, ни ниток. Муж порывался вынести её в кладовку, чтобы не мешала, а Полина возражала и частенько, чтобы муж видел, садилась за машинку, поднимала деревянный короб и принималась смазывать механизмы, работать педалью, наблюдая за мелькающей иглой.

– Зачем ты в холостую строчишь? – с иронией упрекал жену супруг. – Надо вынести её в погреб – пусть не занимает место.

– Чтобы не заржавели механизмы, – деловито отвечала Полина. – Вдруг кому-то срочно пошить надо будет.

– Что ты, в самом деле... – распаялся муж. – Жрать людям нечего...

– Ничего. Не всегда же так будет, – накрывая коробом машинку, спокойно парировала Полина. – Появятся вдоволь и ткань и нитки. Вот тогда и заработает наша кормилица.

– Когда это будет?

– Пусть стоит. Будет, – отрезала Полина.

И машинка оставалась на прежнем месте.

Теперь же она сыграла и трагическую роль – об её станину хозяйка распоролла себе лицо. Дети кинулись к матери, а чужак выбежал вон. От страха ревели уже все. С помощью детей Полина встала и, пошатываясь от боли, поплелась следом за чужаком, придерживая на лбу тряпицу, насквозь пропитавшуюся кровью.

– Мама, мама, – сквозь слёзы звали дети.

– Быстро под одеяла, – приказала Полина и поспешила на кухню, из которой доносился лязг сбрасываемой на пол посуды.

Появление хозяйки не остановило «в ушанке», который успел разгромить всё в кухне. Он хотел прямо на глазах женщины опрокинуть стол, но не получилось. Собирался уже выйти, когда его внимание привлёк чугунок на плите. «В ушанке» сорвал с него крышку, чтобы бросить на пол. Замешкавшись, что-то прикинул в уме, зашвырнул крышку за спину и пристальнее осмотрел чугунок. Пальцем провёл по стенке и даже нагнулся понюхать пустоту чугунка.

– Здесь варили мясо, – тихо произнёс он, растирая на пальцах остатки жира. «В ушанке», как хищник перед нападением, закрыл глаза и тут же взорвался криком:

– Так говоришь, ничего нет!?! Мясо варила?! – брызжа слюной в лицо женщины, в истерике орал «в ушанке». Полина молчала, зло сжав зубы и играя желваками. «В ушанке» оттолкнул её в сторону и ринулся в кладовую. Женщина последовала за разъярённым мужчиной, но силы внезапно покинули её, и она опустилась на лавку. Слёзы тихо покатались по щекам. Из кладовой доносился грохот погрома, учиняемого чужаком. Неожиданно в кладовой всё стихло. Женщина даже забеспокоилась – всё ли в порядке?

– Это что?! Ничего нет! – взорвался новым приступом ярости чужак. Он выбежал из кладовой, держа в руках пол-литровые банки с закатанным мясом. – Я тебе покажу

«ничего нет!» – и сильно ткнул банкой в лицо женщине. Полина от боли закусила губы, и солоноватый привкус снова выдавил слёзы.

«В ушанке» больше не обращал внимания на плачущую хозяйку, а носился из кладовой на улицу, вынося банки с мясом, и выставлял их на цементный пол вдоль дома. Пробега мимо женщины, он грозил кулаком и, злорадствуя, скрывался в кладовой за новыми банками. Приступ отчаянной смелости обуял Полину. Откуда только и силы взялись. Она стремительно проскочила в летнюю кухню и, вооружившись скалкой, принялась молотить по выставленным банкам и, как «в ушанке» топтал её вещи в комнате, так же стала топтать мясо.

– Пусть подохнут ваши выродки! – задыхаясь от лютой ненависти, горлом шипела Полина, и очередная банка разлеталась на мелкие осколки. С двух сторон к разбушевавшейся женщине бежали «в ушанке» и директор. Кузьмич успел первым схватить обезумевшую бабу, не давая больше ничего разбивать, но «в ушанке» не собиравшись этим ограничиться. Он с силой начал избивать женщину ногами. Кузьмич бросился к товарищу, стараясь обхватить того и спасти женщину от жестоких побоев. Два мощных удара обрушились на Кузьмича, оглушив и отбросив мужчину в сторону. Избавившись от директора, «в ушанке» продолжил с остервенением избивать ногами упавшую на землю женщину. Его злобе не было конца. Под ударами кирзовых сапог тело женщины корчилося на цементном полу, пятная кровавыми разводами белый снег. Женщина хрипела, пытаясь сплюнуть кровь, заполняющую рот и нос и делая попытку встать. В какой-то момент «в ушанке» замер, озираясь по сторонам. Могло показаться, истерзанный вид женщины остудил мужчину, но не тут-то было. Взгляд его бегал по разбросанному по всему двору мясу. Новый приступ ярости охватил его, «в ушанке» схватил кусок мяса и стал заталкивать женщине в окровавленный рот.

– Я тебя накормлю! – шипел он в разбитое лицо женщины.

Неизвестно чем бы все это закончилось, если бы на помощь женщине не кинулся Кузьмич, пришедший в себя. Сильным ударом он откинул «в ушанке» в снег.

– Панкрат Ильич! Успокойся! – заорал он, потрясая головой, шумевшей от ударов. – Пойдешь под суд! Я этого так не оставлю!

Но «в ушанке» не собиравшись сдаваться. Между мужчинами завязалась потасовка. Крепко сцепившись – один призывая успокоиться, а другой безумно рыча – мужчины катались по земле. Сколько бы это продолжалось, кто бы победил, неизвестно, но неожиданно кто-то позвал:

– Товарищи! Может, хватит безобразничать?

Крепко держа друг друга за грудки, борющиеся всё-таки обернулись и увидели у ворот группу мужиков, зло взвизгивающих на происходящее. Рядом с ними, переминаясь с ноги на ногу и посмеиваясь в бороду, стоял дед Гаврила.

– Всё! – отрывая от себя руки Кузьмича, рявкнул «в ушанке». – Ты! – поднимаясь с земли, показал он на верзилу среди глазающих. – Иди за мной. И ты за мной, – коротко бросил он директору, сидящему в снегу и тяжело дышащему.

Оба чужака и верзила следом направились в кладовку. «В ушанке» уложил в два мешка оставшиеся банки с мясом. Затем достал мешок с кукурузой.

– Этот мешок бери ты, – показал «в ушанке» директору. Тот молча повиновался и, волоча мешок, удалился. – Возьми мешок и ты, – приказал «в ушанке» пришедшему с ними верзиле. Мужик был в овечьем кожаном без рукавов, видно, рукава уже сварили, подпоясанным какой-то старой веревкой. Он стоял в дверях, насупившись и тоскливо наблюдая за чужаком.

– Нет, ничего я не буду брать, – глухо сказал мужик, глядя в глиняный пол, – не могу я оставить детей голодными, – и взгляд его зло сверкнул. – Шёл бы ты, мил человек, подбодру-поздорову.

«В ушанке» зло сплюнул, кинул мешок с кукурузой на плечо, а мешок с банками – под мышку и, оттолкнув верзилу, вышел, на прощание процедив:

– С тобой, мы ещё разберёмся.

Двор вмиг опустел. Следы произошедшего безобразия быстро скрывали сумерки. Дед Гаврила, прикрыв овечьим тулупом дочь, поглаживал её по спине, примостясь на

корточках рядом с лежащей в снегу женщиной. От холода Полина продрогла, и её начинало колотить.

– В дом надо, Полюшка, – позвал дочь Гаврила, но та не ответила, а молча встала, подбирая из снега платок.

– Кто это? – одними губами спросил Гаврила, за руку останавливая дочь.

– Тихо, – резко одернула отца Полина. Она и сама замерла, прислушиваясь к звукам с улицы, пытаясь угадать, на что похоже странное попискивание или мяуканье, но голодное село молчало.

– Показалось, – оправляя одежду, проговорила она, и стала пристально всматриваться в снег вокруг.

– Я всё собрал дочка, – тихо сказал Гаврила, продолжая прислушиваться. – Там, всё в кухне, в тазу.

В этот момент снова кто-то запищал, и уже более отчетливо было слышно. Отец и дочь снова замерли, стараясь угадать место, откуда доносились звуки.

– Из магазина, – прошептал Гаврила.

– Коты, что ли? – неуверенно предположила дочь.

Звуки не повторились, и Полина направилась в дом.

– Пойду, погляжу, – засобирился Гаврила.

– Тьма кромешная, чего увидишь? – вдогонку возразила дочь, а сама направилась в дом.

– Ночь звёздная. Да и луна светит, разгляжу, – Гаврила решительно отпирал калитку. – А нет, так тому и быть.

Полина укладывала спать полуголодных детей, когда вернулся отец. Направившись напрямик к иконе, лампада которой стала сильно потрескивать, как будто зная, с чем пришёл старик, Гаврила, на ходу нашёптывая молитву, размашисто перекрестился и поклонился в пол. Окончив молитву, он сел на край кровати и принялся причитать и словно обезумевший, сучить ногами.

– Батя, ты чего? – с тревогой дочь наблюдала за безумием отца. – Что там?

– Изверги, изверги, – только и смог произнести Гаврила.

– Да, что ты там увидел?! – беспокоилась Полина. Она подошла к отцу и хорошенько тряхнула его за грудки. От этого с глаз Гаврилы словно стяхнули пелену безумия.

– Дитё там брошенное, – только и смог вымолвить Гаврила, и по его впалым щекам покатались слёзы.

– Кем брошенное? – не понимала отца Полина.

– Этими, что нас ограбили.

– А-а, – она равнодушно отвернулась. – Пусть подышает.

Полина принялась подтыкать одеялами детей, чтобы тепло сохранялось лучше. К утру остынет комната, а подтопить нечем. Сухие кукурузные кочерыжки распределены так, чтобы по чуть-чуть топить каждый день.

Напуганные, заплаканные, дети скоро заснули. Дед Гаврила ворочался на лавках с боку на бок, пока тоже не замер. И только Полина никак не могла заснуть. Мерцающий свет лампы отражался в глазе, второй заплыл от побоев, но слёзы тихо катились из обоих. Откуда они только брались эти слёзы? Полина обтирала слёзы с отёкшего от побоев лица и пыталась удержать равновесие от всхлипывания грудь.

– Мама! – позвал Митя.

– Спи, – Полина положила ладонь на голову сына, успокаивая.

– Писать.

– Ведро за дверью, – Полина через себя спустила мальчишку на пол. – Скоренько.

Холодно.

– Мама, снег идёт, – сказал вернувшийся Митя.

– Снег – хорошо, – укрывая сына, согласилась Полина. – К стене отворачивайся.

Спи.

Сама же, чтобы никого не разбудить, потихоньку встала и вышла во двор. Снег большими хлопьями медленно, но обильно опускался на землю, мигом всё накрывая. Ещё сомневаясь в правильности принятого решения, но уже бодро вышагивая к

калитке, Полина на ходу надевала тулуп. Выйдя на улицу, она побежала в сторону магазина. Обойдя здание магазина со всех сторон, она все сугробы разворошила ногами. Глаз случайно выхватил сугроб на дне канавы у мостка. Полина спустилась в канаву и гребанула обеими руками. Сугробом оказалась куча старой листвы вперемешку с мусором.

– Где же тебя искать? – шаря глазами по канаве, нервно шептала Полина. Она, было, собралась уйти, но что-то подтолкнуло её, и Полина с силой вонзила руки в кучу листвы и, ухватившись за тряпицу, рванула к себе. Вместе со снегом и гнилой листвой она достала смотанный из тряпок свёрток. Быстро содрав с себя овечий тулуп, Полина уложила в него всё, что сгребла, и побежала домой.

– Отец, вставай! – вбегая в дом, приказала Полина. – Маруся, Фёдор, быстро снега принесите. Федя, в корыто для теста снега накидай.

Полина положила тулуп на стол и развернула. Облепленный гнилыми листьями вперемешку со снегом, обмотанный-перемотанный тряпьем, в тулупе лежал ребёнок. С виду ему было около четырёх лет. Неизвестно, сколько голодал этот ребенок.

– Зачем притащила домой? – Гаврила аж вскрикнул. – А если помрёт, хлопот не оберёмся! Видишь, какие звери...

– Тате*, за снегом! – оборвала отца Полина, а сама принялась очищать ребёнка от листьев и снега. Она потрепала ребёнка по головке и, просунув палец ему в ладошку, попросила:

– Прижми. Пожалуйста, прижми, – Полина пошевелила в ладошке ребёнка пальцем. – Надо прижать, – взмолилась, прислушиваясь всем своим материнским существом к жизни малыша. – Вот и молодец! – похвалила она ребёнка, уловив едва ощутимое шевеление пальчиков. – Вот и молодец.

Она быстро сняла лохмотья с ребёнка и осмотрела его. Это была хилая, измученная недоеданием, замёрзшая девочка. Полина стала хватать снег из корыта и быстро растирать полуживое тельце – ручки, ножки.

– Маруся, принеси отцовскую нательную рубашку, – отдавала Полина распоряжения детям. Всё семейство не спало. Гаврила читал молитвы и крестился, прерывая своё занятие только для того, чтобы погладить внуков по головам.

– Всем по кроватям, – приказала детям Полина. – Всем спать.

Она уже закончила растирать и завернула девочку в рубаху. Быстро оголившись по пояс, Полина прилаживала замотать её у себя на груди.

– Тате, помоги, – попросила Полина отца. Она перебросила концы платка, которым прижала к себе девочку, через плечо и талию, и ожидала, пока отец завяжет.

Долго ещё прислушивалась Полина в темноте к жизни в детском теле, и всё никак не могла глаз сомкнуть. Передумала обо всём. Думала и о том, что ждёт её и семью, если девочка умрёт. Думала и о том, что скажет мужу, если девочка выживет. И долго плакала, гадая, как теперь будут переживать зиму – все припасы потеряли. Какие бы мысли ни тревожили Полину, она чутко прислушивалась к дитяти у себя на груди. Полина ждала и дождалась. Девочка, наконец, тяжело и прерывисто вздохнула, словно задыхаясь, и выдохнула, успокаиваясь. Затем она зашевелилась, удобнее устраиваясь на тёплом теле чужой матери, и ровно задышала. Уснула. Полина тоже уснула.

Разбудила Полину тишина в доме. Она открыла глаза и увидела обступивших её детей, пристально рассматривающих выглядывающее из платка личико мирно спящей девочки.

Полина попыталась улыбнуться расплывшимся от побоев лицом, но от боли только отвернулась. Вытащив руку из-под одеяла, погладила по голове младшего Митю.

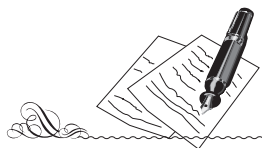
– Мама! Правда, её зовут Марийка? – поинтересовался Митя.

– Правда, – не поворачиваясь, ответила Полина.

– Мама! Правда, детей аисты приносят? – снова спросил Митя.

– Правда.

*Тате – «(болгарское) папа».

Иллюзии и разочарования (ГКЧП: 20 лет спустя)

Отрывок из книги:

Прокофьев Ю.А. До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает... // Как убивали партию. Показания Первого секретаря МГК КПСС : М., Эксмо, Алгоритм, 2011 (вторая, авторская редакция)

Юрий Анатольевич Прокофьев родился в 1939 году в городе Муйнаке Каракалпакской АССР. Окончил Московский автомеханический институт (1962), заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС (1972). Кандидат экономических наук. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1989-1991), член Политбюро ЦК КПСС (1990-1991). Ныне – Президент неправительственной организации «Фонд стратегической культуры», Председатель Президиума Всероссийского социалистического народного движения «Отчизна».

Живёт в Москве.

Подготовка августовских событий 1991 года не была секретом. Знали об этом и Горбачев, и Ельцин /.../.

Прошло 20 лет, появилось множество мемуаров. В некоторых авторы излагают своё видение, свою точку зрения. А иногда проскальзывают подтасовки, иногда и полное враньё.

События того времени – история нашей страны. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но быть точной – должна. И я, как очевидец, как участник, имею право на уточнения. И это, мне кажется, моя обязанность.

/.../ В марте 1991 года мы вместе с Олегом Шениным были у Ивашко по нашим внутривнутрипартийным делам. Раздался звонок Горбачёва. /.../ Узнав, кто у него находится, Горбачёв сказал: «Бери Олега и Прокофьева и приезжайте ко мне в Кремль».

В Кремле мы прошли к Горбачёву в так называемую Ореховую комнату, которая располагалась между залом заседаний Политбюро и кабинетом Горбачёва. Там уже сидели за круглым столом Лукьянов, Язов, Пуго /.../. Из секретарей я заметил Семёнову, Строева. Присутствовали Янаев и Болдин. Состав был весьма необычный. Это и не Политбюро и не Секретарит, а сбор руководителей государства и партии.

Шёл разговор о положении в стране. Положение было тяжёлым. В марте бастовали шахтёры, останавливались в связи с этим металлургические заводы, и потери металлургического производства составляли примерно столько же, сколько страна потеряла в годы Великой Отечественной. Производство металла сократилось на 30%.

/.../ Страна стояла накануне серьёзного экономического кризиса /.../. Тогда, в марте 1991 года, впервые прозвучала мысль о введении в СССР чрезвычайного положения.

На совещании Горбачёв создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева. В комиссию входили все будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек – Тизякова и Стародубцева. Это были Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Павлов, Шенин и Болдин. Был включён туда и я.

По поручению Горбачёва после совещания мы перешли в кабинет Янаева, где договорились, что сотрудники Крючкова, Пуго и Болдина проработают формы введения чрезвычайного положения в стране, а затем мы встретимся и обсудим, как всё должно происходить.

Собиралась эта комиссия с моим присутствием ещё дважды – у Янаева и Язова. В принципе предложения о том, как вводить чрезвычайное положение в стране с учётом существующей Конституции, международной практики законов, были проработаны. Группа генералов, офицеров Крючкова из идеологических подразделений даже готовила воззвание к народу, которое в августе было озвучено.

Когда проходило совещание у Язова, возник острый вопрос: Горбачёв может вести дело по принципу «вперёд-назад», потом остановится.

Как быть в таком случае? Кто-то сказал, что тогда Янаеву придётся брать руководство страной в свои руки. Он запротестовал: ни физически, ни интеллектуально, мол, не готов исполнять обязанности президента, такой вариант неприемлем.

Пуго с Язовым заявили, что вводить чрезвычайное положение они согласны только при условии конституционного решения вопроса, то есть при согласии президента и по решению Верховного Совета СССР. В ином случае они участвовать во введении чрезвычайного положения не будут.

Поведение Язова, Янаева и Пуго вызвало у меня некоторое удивление. О том, что заседания проходили, Горбачёв знал. Например, когда мы были у Язова, он возвращался из Японии и с борта самолёта позвонил Крючкову. Тот в разговоре с Горбачёвым сказал, что, выполняя его поручение, мы сейчас сидим и совещаемся.

Так что Горбачёв был инициатором разработки документов о введении чрезвычайного положения в стране, и, в сущности, почти весь состав сформирован им.

В марте эти материалы были на стадии черновых документов. В конце апреля Горбачёв получил все уже согласованные предложения. Тогда же он позвонил мне, советовался: положение в стране улучшается, может быть, и не надо принимать закона или постановления о введении чрезвычайного положения, а принять чрезвычайные меры, ввести чрезвычайное положение в отдельных регионах и отдельных областях?

Я с ним согласился. Когда мы обсуждали эту проблему в марте, было совершенно ясно, что ввести чрезвычайное положение на огромной территории России никаких ни финансовых, ни административных сил не хватит. Речь может идти только о введении мер в отдельных, наиболее важных отраслях промышленности, определяющих работу экономики.

Вскоре был принят окончательный документ. На основании подготовленных материалов издали Указ Президента Горбачёва о порядке введения чрезвычайного положения в отдельных регионах и отраслях народного хозяйства страны. Этот Указ был опубликован в мае, и прошёл почти незаметно.

/.../ Единственное, что мне тогда запомнилось: позвонил Горбачёв и, посмеиваясь, сказал: «Я вот с Ельциным согласовал Указ. Он дал согласие и внёс только одну поправку: Указ вводится только на год. А нам больше одного года и не надо».

/.../ После мая политическое положение в стране вновь стало обостряться. Возникло Движение демократических реформ, была создана партия Руцкого, пошёл в политическом отношении ещё больший раскол в обществе.

В начале августа Горбачёв улетел в отпуск. Последний раз я с ним разговаривал 4 августа. А через несколько дней мне позвонил председатель КГБ В.А. Крючков и предложил встретиться на объекте АВС /.../.

С Крючковым пошёл разговор о положении в стране, и он поинтересовался моей точкой зрения на введение чрезвычайного положения в августе. Попросил назвать людей, которые могли бы войти в состав будущего органа управления. Он совершенно четко сказал, что партия не должна в этом участвовать, и представители партии не

войдут в состав комитета: «Партия должна быть в стороне от этого дела. Это дело чисто государственное».

Я высказал два соображения. Первое. В августе не время вводить чрезвычайное положение, это самый благоприятный месяц в смысле обеспечения питанием. А в смысле политическом – месяц разрядки. Многие разъехались на каникулы, в отпуска, в Москве ни митингов, ни демонстраций, ни политических схваток. Населению будет непонятно, с какой стати вводится чрезвычайное положение. Одно дело в марте, когда останавливались заводы и экономика была на грани катастрофы, другое – когда всё обстоит более-менее благополучно.

И второе. На мой взгляд, не надо создавать никакого нового органа, потому что это не предусмотрено Конституцией. Есть утверждённый Верховным Советом СССР Совет Безопасности, из которого, за исключением двух человек – Бакатина и Примакова, – все остальные принимали участие в осуществлении поручения Горбачёва по разработке положения о введении чрезвычайного положения. Так что Комитет, или группа людей, которые занимаются вопросом введения чрезвычайного положения, сразу являются легитимными, их не надо утверждать, они уже утверждены.

Крючков засомневался в возможном поведении Горбачёва: тот, как всегда, займет двойственную позицию – ни да, ни нет. Я возразил. Сейчас главное не Горбачев, поскольку Михаил Сергеевич уже полностью потерял авторитет, а Ельцин. Он популярен, и народ его поддерживает. Эта фигура, от которой зависит решение проблемы.

Крючков высказался примерно так: с Ельциным мы договоримся, решим эту проблему без каких-либо мер. Когда я ещё раз попытался объяснить, что сейчас несвоевременно вводить чрезвычайное положение, он сообщил: «Мои аналитики того же мнения».

Через несколько лет я встречался с бывшим руководителем группы аналитиков. Он подтвердил: действительно они давали прогноз – нельзя вводить чрезвычайное положение в августе. Это нецелесообразно и поддержано не будет.

/.../ Уже тогда предполагалось, что 20 августа будет подписан Союзный договор. Улетаая, Горбачёв пообещал вернуться к 19 августа, прервав отпуск для его подписания.

...17 августа вечером мне позвонил Олег Шенин (у нас дачи были в одном поселке) и, хотя мы с ним никогда вечерами не гуляли, пригласил принять участие в прогулке. Это было часов в 10-11 вечера – довольно поздно для randevu. /.../ Вначале он был с женой, и разговоры ни о чём важном не шли. Когда она ушла, Шенин сообщил, что сегодня произошла встреча, и было принято решение: завтра, 18 августа, лететь к Горбачёву, убеждать его в необходимости введения чрезвычайного положения.

В своих воспоминаниях Крючков пишет, что на совещании 18 августа присутствовали Плеханов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин, Прокофьев и он. Владимир Александрович ошибается: я 18 августа не присутствовал – не пригласили.

Кстати, то, что я не был на заседании 18 августа, меня в определенной степени спасло. Потому что привлекали к уголовной ответственности всех, кто собирался 18 вечером, а я проходил как свидетель. Если бы я был приглашён, то проходил бы как участник.

/.../ Разговор во время прогулки с Шениным стал для меня неожиданным. После разговора с Крючковым я думал, что чрезвычайное положение отодвинется на осень, когда сложится трудная ситуация, и люди поймут, для чего оно вводится.

Однако в словах Шенина тоже была логика: необходимо убрать урожай, подготовиться к зиме. Но тогда не нужно было вводить танки! Причём в этой беседе не шёл разговор о подписании Союзного договора. Речь шла только об экономике страны, которая катилась под уклон, и нужно остановить это сползание и нормально войти в зиму. Поэтому в разговоре не было упоминания о введении чрезвычайного положения касательно армии и комендантского часа /.../.

Шенин попросил, чтобы 18 августа я был на работе. Они в 13 часов улетали в Форос. Примерно в это время подъехал и я. Просидел до самого вечера. За это время было только одно событие: приезжал генерал от Крюčkова и привёз проект «Обращения к народу». Там я не увидел ни списка ГКЧП, ни самого названия /.../.

Около 11 часов вечера позвонил Шенин: они вернулись из Фороса. Олег рассказал, чем окончилась встреча: раздражённый Горбачёв крикнул: «Действуйте, как хотите!» Это совпадает с тем, что пишут в своих воспоминаниях Крючков, Медведев и остальные участники поездки к Горбачёву. Впрочем, как и сам Михаил Сергеевич. Правда, Шенин сказал, что Горбачёв выразился непристойно.

Олег сообщил: сейчас готовятся материалы для публикации в СМИ, секретарь ЦК Манаенков приглашает к себе Кравченко (тот возглавлял телевидение) и исполняющего обязанности генерального директора ТАСС, и я должен присутствовать на этой беседе.

/.../ В 2 часа ночи принесли документы, а потом подъехал Кравченко и исполняющий обязанности гендиректора ТАСС. Мы ознакомились с бумагами. Оба представителя СМИ заявили, что они передадут их в том случае, если документы попадут к ним по официальной линии – как обычно, привезёт фельдсвязь от Совета Министров СССР. А просто так, из рук в руки, ни тот, ни другой документы не возьмут /.../.

Над документами работали в течение ночи. Их подвозили, вероятно, по мере готовности. Я видел лишь те, что были подготовлены заранее командой, которую создал Горбачёв. Было Обращение к советскому народу, был Указ, что отменяются действия всех неконституционных органов на территории страны.

Но хотя все эти документы были подготовлены в своё время по указанию Горбачёва, я был глубоко убеждён, что Михаил Сергеевич постарается как-то отвертеться. А результаты поездки тоже предвидел: он уйдёт в сторону. Ни одно крупное происшествие в стране не проходило при его участии: то ли стечение обстоятельств, то ли продуманная политика у него была разработана...

Только я вернулся от Манаенкова, как позвонил Шенин. Я отправился к нему. Очень возбуждённый, он сказал, что создан ГКЧП и возглавил его Янаев. Шёл пятый час утра. Когда ночью представителей СМИ знакомили с документами, это ещё не было известно. Даже слово «ГКЧП» я услышал впервые.

У меня было двойственное ощущение. С одной стороны, я понимал, что раз Президент уходит от наведения порядка в стране, то кто-то должен взять власть в свои руки.

А с другой, я сделал вывод: раз назывался Янаев /.../, вопрос с Горбачёвым согласован. Ни Янаев, ни Язов, по моему понятию, без договорённости с Горбачёвым никаких действий предпринимать не стали бы. Слишком они ему верили и были законопослушны.

/.../ Тревога появилась лишь утром. В 8.00 утра меня разбудил Крючков. Он посоветовал позвонить Лужкову и договориться о совместных действиях, чтобы в Москве не было беспорядков.

Я в то время ещё не знал, что в Москву вводятся войска. Конечно, можно было предположить, что какие-то меры по охране правительственных зданий будут приняты. Но что введут в таком количестве войска и бронетехнику, не ожидал.

Лужков в 8 утра был уже на работе – он никогда в это время не приезжал. Я позвонил ему и предложил встретиться.

...О моих отношениях с Лужковым и особенно об этом телефонном разговоре существует столько версий, что я позволю себе отвлечься от основного повествования и внести кое-какую ясность.

Знаю Лужкова давно, дважды его выдвигал. Правда, Юрий Михайлович не любит в этом признаваться, пишет, что его двигал Ельцин. На самом деле Ельцин поставил задачу сменить кадры в Моссовете. Председатель Моссовета Сайкин – бывший генеральный директор ЗИЛа, прекрасный инженер, но город и людей не знал. Ему надо было подобрать энергичную и профессиональную команду. Причём Ельцин настаивал: секретарей райкомов и горкомов партии не предлагать.

Стали думать, откуда брать кадры. Решили посмотреть среди председателей постоянных комиссий Московского совета. Лужков возглавлял комиссию по коммунально-бытовому обслуживанию, работая начальником научно-технического управления Минхимпрома. До этого он был директором объединения «Химпроматоматика».

Я с ним побеседовал, мне он понравился. Посоветовал Сайкину на должность заместителя председателя исполкома. Я тогда понял, что передо мной хороший администратор.

/.../ Лужков неплохо знал болезни московской бытовки и в жизни отличался крайней скромностью. Он уже тогда был многожды орденносец, а жил на последнем, девятом этаже дома в Перове. /.../ В доме у него протекала крыша. Тяжело болела жена. Он попросил меня помочь с ремонтом.

Председатель исполкома Перовского райсовета Валерий Павлинович Шанцев по моей просьбе пошёл к нему домой. И потом мне звонит: «Юра, твой тёзка такой мужик! Я не ожидал. Не просто скромный, а аскетически скромный».

Правда, сейчас у Юрия Михайлович уже другие условия...

Это было первое выдвижение. Когда Г. Попова избрали председателем Моссовета, он советовался со мной: кого назначить председателем исполкома. Сам он города абсолютно не знал. Я ему порекомендовал Лужкова, как менее других политизированного и хорошего администратора.

Последний разговор с Юрием Михайловичем состоялся утром 19 августа 1991 года, когда опубликовали обращение ГКЧП, где было сказано о ликвидации всех неконституционных органов власти. Правительство Москвы именно таким органом и было, и я понимал, к чему это может привести.

Кроме того, что связаться с Лужковым меня попросил Крючков, я имел кое-какую идею. Нужно было очень быстро принять решение о преобразовании правительства в Исполнительный комитет: так было раньше. Может быть, даже не меня людей. Тогда все остаются на местах, работают, и все приводится в соответствие с Конституцией.

Позвонил я Лужкову, попросил приехать. Он спросил: «На каком основании вы меня вызываете?» – «Я не вызываю вас. Просто хотел поговорить как коммунист с коммунистом (он в июле последний раз платил партийные взносы), обсудить, что надо предпринять, чтобы в городе был порядок». Лужков ответил, что не приедет, потому что отправляется к Ельцину.

Время было не для обид. Я резонно заметил, что это его право – советоваться с Ельциным, но попросил всё-таки потом приехать ко мне. Лужков повторил: нет, не приедет.

После этого я позвонил в Моссовет Л. А. Белову – он исполнял обязанности председателя Моссовета (Попова не было). Позвонил Б. В. Никольскому. Оба они приехали ко мне, и я их попросил убедить Лужкова принять решение трансформировать правительство Москвы в Исполком. Белов и Никольский согласились со мной, обещали переговорить с Лужковым.

Но когда Юрий Михайлович вернулся от Ельцина, с ним вообще было бесполезно разговаривать. Мне позвонил Никольский, а потом Белов и сказали, что Лужков категорически против, что правительство Москвы останется, что это переворот и действия неконституционные. Сотрудничать практически отказался.

Эти мои переговоры почему-то полюбили «цитировать» иные мемуаристы. Особенно разошёлся и, естественно, переврал Гавриил Попов. Я всегда считал, что он самый умный, самый хитрый, но и самый беспринципный политик.

К 10 часам утра меня вызвали на заседание секретариата ЦК. Вёл его Шенин. /.../ наблюдались растерянность и непонимание: что, зачем и как надо делать. Большинство членов Секретариата ЦК не участвовали в мартовских совещаниях и не были в курсе всех закулисных действий. И Шенин вёл себя «чисто информативно», позицию свою конкретно не определял.

/.../ Собрали партийный актив, членов ГК, секретарей РК партии. Я выступил в принципе в поддержку мер, которые вводились в стране, поскольку, если прочитать «Обращение к народу», любой здравомыслящий человек его поддержал бы. В конце я сказал, что, если в дальнейшем действия будут осуществляться в конституционном поле, а начало вроде обнадеживает, то мы будем поддерживать, а если нет, партийная организация поддерживать не должна. /.../ У меня вызывало недоумение введение совершенно необоснованно такого большого количества войск. /.../ И ещё – вроде бы частное: у Горбачёва был лишь радикулит, и ссылаться на его болезнь в такое время неправомерно. Если хотели наводить порядок законным путём, надо было вести разговор о том, что Президент практически самоустранился от руководства страной, в

тяжелый период ушёл в отпуск, отказался возвратиться в Москву, хотя к нему приезжала представительная делегация. Вот поэтому до решения сессии Верховного Совета СССР власть передаётся вице-президенту. Это было бы понятно, всё было бы нормально. А здесь я увидел попытку слукавить, схитрить. Это сразу же меня насторожило.

Одна из проблем, которую я поднимал на встрече с активом, – проблема Армии. Основное требование к районным организациям: не допустить провокаций против неё. Наоборот, поддержать солдат, где можно, горячим питанием, вниманием, беседами. Самое главное – проследить, чтобы не было никаких провокационных вылазок против Армии. Я прекрасно понимал: если прольётся кровь, дело примет другой оборот.

В середине дня 19 августа стали поступать тревожные сообщения: эмиссары Моссовета разъезжают по заводам, призывают к забастовкам, к выходу на улицы, манифестациям.

Вызвало тревогу и то, что ГКЧП взял под контроль СМИ, причём довольно неуклюже закрыв все, кроме партийных изданий. Была закрыта и радиостанция «Эхо Москвы». Но приехал заместитель министра связи Иванов с автоматчиками – станцию открыли. Автоматчики встали у входа, и станция стала призывать граждан к оружию, к защите Белого дома.

/.../ Самую главную тревогу вызывала возможность возникновения в городе волнений. Мне сообщали, что настроения жителей Москвы разделились. Много войск – значит, всё может произойти. Не хотелось повторения Баку, Вильнюса и Тбилиси.

Звоню Лужкову – с ним не соединяют. Соединили с Янаевым, и я высказал ему все свои сомнения по телефону. Он предложил: «Приезжай в Кремль. Мы сейчас будем это обсуждать».

Вот так я впервые оказался на заседании ГКЧП. Сам навязался, напросился туда. /.../ Обсуждали пресс-конференцию, которая будет проходить. Слушали сообщение министра иностранных дел А.А. Бессмертных о реакции за рубежом. Предлагали собрать послы, но он сказал, что все необходимые указания послам даны. Как в таких случаях делается, подтверждён внешнеполитический курс Советского Союза и нынешнего коллективного руководства.

Бессмертных вёл себя очень спокойно, по-деловому, как и положено дипломату в чрезвычайных ситуациях.

/.../ Я не знаю, как они договаривались, но по той информации, что я имел, Ельцина на аэродроме должны были встретить Павлов и Язов, принять совместное решение, с утра ввести чрезвычайное положение и договориться о его невмешательстве.

Но утро было совсем другое. Ельцин поехал к Белому дому. Его выступление с танка. Призывы, Указы в отношении ГКЧП. Поэтому и наблюдалась растерянность, так как совсем непредвиденно обозначился фронт противостояния. Ельцин тогда уже объявил о созыве Верховного Совета РСФСР.

Решался вопрос: как быть? Ждали председателя Совмина Павлова. Он пришёл тогда на заседание совершенно пьяный, просто был не в состоянии принимать участия в пресс-конференции. Настаивал, чтобы вообще не впускать депутатов Верховного Совета РСФСР в Москву. Вёл себя, мягко говоря, неадекватно. Когда он сел рядом с Язовым, тот брезгливо отодвинулся.

Меня на пресс-конференцию не пригласили. Дали лишь указание: на следующий день будет заседание ГКЧП, и я должен к нему подготовить сообщение о положении дел в Москве.

/.../ Нельзя рассматривать ГКЧП как единое целое. Я разделил бы его членов на несколько групп. Тизяков, Стародубцев, Бакланов, Язов, по моему мнению, все делали из чистых побуждений – только для того, чтобы спасти страну от той катастрофы, которая ей грозила. К ним я присоединяю и себя.

Ещё группа, которая, я думаю, была в какой-то мере посвящена в замыслы Горбачёва: он, вероятно, хотел поднять свой авторитет и утвердить своё положение /.../, поскольку влияние его стало уже практически нулевым.

И были люди, которые сами хотели, может быть, прийти к власти и решали совершенно другую задачу.

Были и те, кто, как истинные патриоты, например Варенников, поддержали ГКЧП. Они хотели спасти Родину от катастрофы.

Но я убеждён, что существовали и зарубежные режиссеры. У них был чёткий сценарий развала Союза, ликвидации компартии. Удобнее, чем ГКЧП, ничего быть не могло – разом со всем покончили.

/.../ Все последующие заседания ГКЧП проводились два раза в день и были столь же беспомощны и неконструктивны.

План по вводу чрезвычайного положения не реализовывался. По большому счёту, и плана-то этого не существовало /.../.

Стародубцев писал о мерах, которые следует принимать в сельском хозяйстве. Тизьяков сел дорабатывать свои предложения о необходимых мерах в области промышленности и т.д. Все сидели в помещениях, выделенных для членов ГКЧП. Изыскания сводились к вопросам: что делать с Белым домом, что делать с Ельциным.

...А толпа у Белого дома росла.

/.../ Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов ни на одном заседании не присутствовал. Мне до сих пор непонятно, почему отложили на 26 августа сбор Верховного Совета СССР. Ельцин сумел за день собрать депутатов, а Лукьянов не смог? И зачем этот ненужный, необоснованный ввод такого большого количества войск? И полное бездействие по отношению к московским властям, к властям в Белом доме, к их провокационным заявлениям, возможности выступать в СМИ? Я не верю, что случайно показали выступление Ельцина на танке.

Разные группы преследовали разные цели. Сценарий всего этого был разработан не у нас, людей попросту подталкивали. В зарубежной печати появлялись любопытные публикации, высказывания. Понимая, что Горбачёв уже сходит, подкидывали мысль: а почему бы президентом не стать Крючкову? Вот Буш в Америке был директором ЦРУ. А почему у нас нельзя?

/.../ Я прочитал однажды информацию, которую мне дал Крючков в июле 1991 года и с которой был ознакомлен Горбачёв. Это запись беседы одного из наших социал-демократов с Яношем Карнаи, американцем венгерского происхождения, автором книги о «венгерском пути к капитализму». /.../ В этой беседе всё было предначертано: оба строя имеют право на существование, но для того чтобы капиталистические страны держались на плаву, нужны рынки сбыта, сырьевые рынки, дешёвая рабочая сила (слова – «общечеловеческие ценности», а подоплёка фашистская).

Так вот, с точки зрения «общечеловеческих ценностей», Советский Союз, располагая огромными сырьевыми ресурсами, использует их неэффективно. Поэтому, с точки зрения «общечеловеческих ценностей», целесообразно их (сырьевые ресурсы) изъять и передать тем странам, которые могут их использовать эффективно.

Опять же с точки зрения «общечеловеческих ценностей», СССР обладает огромными, но недостаточно продуктивно работающими людскими ресурсами. Надо за 20–25 лет их сократить примерно на 50 миллионов, а остальных заставить работать на «развитые страны» (что, кстати, сейчас и осуществляется).

Говорилось, что надо расколоть Советский Союз, но не на национальные республики, а на экономические районы – сырьевой, топливный, обрабатывающий и так далее.

К сожалению, я эту «закрытую» бумагу не мог ни перепечатать, ни сохранить. Для себя набросал кое-что. Но при обыске у меня многие бумаги забрали.

Когда я с ней ознакомился, то составил несколько пунктов:

– экономические преобразования: либерализация цен, приватизация, свертывание социальных программ, жёсткая кредитная политика (высокие процентные ставки).

– в области политической: ликвидация КПСС, но не так, как это у нас произошло, а раскол на фракции; внедрение во главе всех фракций своих людей, которые, внешне выступая за единство комдвижения, будут делать всё, чтобы оно никогда не объединилось; смена руководства Армии; реорганизация КГБ – поменять генералов на полковников.

И было в беседе сказано, что всё это должно произойти в течение недели и что час «ИКС» назовет Семёрка.

Вот такой документ я прочитал в июле.

Поэтому убеждён: августовские события 1991 года были мощной политической провокацией, каких бы целей ни придерживались люди, которые организовали и вошли в ГКЧП.

/.../ К слову. Августовские события произошли после поездки Горбачёва на совещание семи ведущих капиталистических стран.

Иные считают, что «кукловодом» был сам Михаил Сергеевич. Не думаю. Горбачёв был вписан, вмонтирован в эту систему точно так же, как и Ельцин. Причём, если и говорили им об их роли, то не всю правду. Горбачёв потерпел поражение, потому что Запад перестал делать на него ставку. Ставка была сделана на Ельцина как на человека, который сможет продолжить разрушение Союза.

Начиная с 1985 года, Западу угрожал кризис. И то, что он разразился только в 2008-м, это благодаря развалу Советского Союза и России. Мы стали ввозить 36% продовольствия. Никогда такого не было!

/.../ Возвращаясь к ГКЧП, считаю, что самым позорным был последний день его существования, когда Язов единолично принял решение вывести войска. Он собрал ночью коллегия министерства обороны и всё решил.

/.../ Вечером 20 августа состоялось заседание ГКЧП, на котором я докладывал о положении дел в Москве. /.../

Двадцать первого августа произошли трагические события. Потом, позже, когда меня допрашивали, в соседней комнате допрашивали водителей БМП. Всё было сведено к дорожно-транспортному происшествию.

Как мне рассказывали, на смотровой люк БМП кто-то накинул брезент, лишив водителя обзора, тот подал назад, где стоял троллейбус и раздавил стоящего там парня. Другого, по их рассказам, застрелили: «Стрелял какой-то майор не из нашей части. Стрелял, когда парень бросал бутылки с зажигательной смесью в машину». Там же сторел водитель машины, но об этом никто не говорит.

Итак, Язов выводил войска. На заседание ГКЧП приехать отказался. Тогда все члены ГКЧП сами поехали к нему. Я находился в машине вместе с Крючковым и слышал, как он переговаривался с Лукьяновым: надо лететь в Форос к Горбачёву, просить, чтобы тот вернулся в Москву и взял власть в свои руки. Лукьянов, как я понял, соглашался.

Анатолий Иванович Лукьянов пришёл только на последнее совещание в штаб ГКЧП, да и то скоропалительно. До этого, примерно числа 20 августа, у меня был с ним разговор по телефону. Он спросил: «Ты понимаешь, что происходит?». Я ответил: «Нет, не понимаю. Вижу только, что полное бездействие приведёт к краху и разгрому».

Когда пришёл Лукьянов, его спросили, что надо делать. Анатолий Иванович ответил: надо лететь к Горбачёву, другого выхода он не видит для того, чтобы потушить возникшее народное волнение.

Всё, подумал я, с меня довольно, хватит. И заявил, что теперь чётко понял: это политическая провокация, которая поставила под удар и страну, и партию /.../. И добавил, что больше не собираюсь участвовать в этом маскараде и ухожу. И сейчас же собираю секретарей райкомов партии, бюро горкома, и мы выступим с заявлением по этому поводу, объявим, что все последние события воспринимаем как политическую провокацию.

Следом за мной поднялся Шенин и сказал, что поддерживает Прокофьева.

/.../ Люди уже по моему звонку были собраны. Я рассказал о ситуации, о том, что происходит, что может произойти. Было принято заявление секретарей райкомов партии и Бюро ГК партии по поводу ГКЧП. Отмечалось, что считаем его действия политической провокацией, которая ведёт к негативным последствиям. Решили передать заявление через ТАСС. Но, когда туда позвонили, нам ответили, что им запретили принимать какие-либо заявления и обращения. Кто запретил – не сказали.

Текст этого заявления не сохранился. Все документы, что были в моем кабинете в горкоме партии, я оставил там. Сокращённый текст можно найти в архивах «Московской правды», так как она всё же свой маленький выпуск осуществила. Понимая, что закрытие всех изданий, кроме партийных, было неправомерно, «Московская правда»

из солидарности в эти дни не выходила. А тут вышла небольшой листовкой с этим обращением. Вечером по ТВ прошла передача, где совещание было показано, и я частично прокомментировал наше заявление /.../.

У меня дома остался листочек радиоперехвата – беседа французских журналистов с нашими товарищами по партии. Там 20 августа точно определено как конец ГКЧП. И говорилось, что, если Горбачёв вернётся президентом, то станет карманным президентом у Ельцина. А КПСС будет разгромлена, и её придется воссоздавать.

Французские друзья всё спрогнозировали. Они проанализировали информацию не только нашу, но и западную.

Не случайно Лобов уехал на запасной пункт управления страной под Свердловском.

Не случайно в Белом доме были запасы оружия, питания, не случайно американцы наладили информацию Ельцина о передвижении войск в Москве через систему спутниковой связи.

Не случайно Лужков разговаривал со мной как человек, который знал о подлинной сути событий.

Не случайно самые близкие Горбачёву люди из Секретариата отсутствовали: Ивашко лежал в больнице, Дзасохов был в командировке, Семёнова – в отпуске. Думаю, это тоже не случайно. Они только потом собрались, когда всё произошло.

...Когда я вернулся к себе, ещё до совещания, позвонил Крючков, потом Бакланов, ещё кто-то. Все они просили не делать никакого заявления. Я отказался.

Последним позвонил генерал Варенников, герой войны, очень заслуженный человек, и сказал: «Юрий Анатольевич, пожалуй, ты прав. И давай будем держаться вместе, приближаются трудные времена».

Постскриптум

Первое, что сделали после прилёта Горбачёва из Фороса, это закрыли даже не ЦК, а Московский горком партии. Охрана была снята, меня об этом никто не предупредил. Просто позвонил дежурный секретарь и сказал: «Юрий Анатольевич, вы знаете, что вся охрана снимается?»

Тогда я попросил закрыть дверь, что выходила на Старую площадь, и всех сотрудников аппарата горкома вывели через двор ЦК на улицу Разина (Варварку), чтобы люди могли спокойно уйти. Сам я выходил позже из здания ЦК вместе с секретарём ЦК КПСС Валентином Михайловичем Фалиным, секретарём ЦК КП РСФСР В. И. Капиным и другими сотрудниками аппарата ЦК.

Нас встретила толпа – пьяные агрессивные люди. Было много журналистов, кино- и фоторепортёров: кто-то их предупредил, что мы будем выходить из здания. Меня спросили: «Как вы относитесь к происходящему?». Ответил: «Разве не видите? Это – фашисты».

Сначала я уехал к родственникам, потом домой. Встретила перепуганная жена: ей позвонил какой-то человек и сказал: «Всё кончено. Сейчас могут начаться погромы. Уезжайте». Предложил им покинуть Москву.

/.../ А я отправился к одному работнику горкома. Пару дней жил у него, и вдруг в воскресенье слышу по радио: сбежал Прокофьев, его ищут правоохранительные органы.

На следующий день поехал в прокуратуру России. /.../ Для меня 1991 год (после августа) был временем бесконечных допросов о причастности к ГКЧП. Вначале мною занималась московская прокуратура, а затем, когда она сняла с меня обвинения в причастности к антигосударственному заговору, специальная следственная группа прокуратуры России.

Всё это закончилось в декабре 1991 года после проведения в «Матросской тишине» очной ставки с бывшим Председателем КГБ СССР В. А. Крючковым.

В подвешенном состоянии я оставался до суда над членами ГКЧП, так как военная прокуратура обязала меня информировать её обо всех моих передвижениях, выездах

из Москвы. Это не подписка о невыезде, так как выезд разрешался, но о нём следовало информировать...

/.../ В течение нескольких дней были обыски. Искали документы, оружие. /.../ У меня оружия никогда не было, и вопрос об этом я не ставил.

Шли допросы. Но домой отпускали /.../. Все было проведено очень лояльно и тактично. Видимо, потому, что каких-либо документов у меня не нашли, членом ГКЧП я не был, заявлений в поддержку ГКЧП горком партии не принимал, каких-то действий тоже не осуществлял. Прицепиться вроде бы было не к чему.

Задача, как я понял, стояла другая: изолировать меня и не дать мне в этот момент заниматься политической деятельностью. Поэтому допросы длились по 12 часов, практически всё дневное время, захватывая вечер.

/.../ Моё дело из Московской прокуратуры изъяли – его взяла Российская прокуратура. Опять было возбуждено против меня уголовное дело, и весь ноябрь меня уже там допрашивали. /.../ Неприятно, конечно, когда тебя допрашивают. Пытался рассказать о мартовских событиях, то есть о роли самого Горбачёва, но тот, кто меня допрашивал, не хотел это слушать. Даже записывать не стал.

А вот о чём говорили с Крючковым, как проходили заседания, как вёл себя тот-то и тот-то, интересовались. Пытались поймать на каких-то неувязках, сличали с протоколами моих допросов в Московской прокуратуре. Но у меня хорошая память, и я нигде не ошибался.

/.../ Вернусь к тем тревожным дням, к кульминационному моменту следствия по моему делу – свиданию с В. А. Крючковым в «Матросской тишине». Это была очная ставка. Вообще очных ставок у членов ГКЧП было мало. Они все пишут об этом в своих воспоминаниях. Даже тогда, когда они на них настаивали, ставок не проводили. Думаю, встречу с Крючковым устроили чисто формально для того, чтобы закрыть это дело. А без очных ставок уголовное дело не получается.

Ехали мы в «Рафике»: адвокат Генрих Падва, адвокат Крючкова Юрий Иванов, мой следователь и следователь, который вёл дело Крючкова. Когда подъехали к «Матросской тишине», вспомнили, что забыли выписать на меня пропуск. Я показал удостоверение депутата Моссовета и прошёл в «Матросскую тишину» по этому документу. /.../ Ждали долго, минут 25-30, пока не пришёл Владимир Александрович.

/.../ Не знаю, кто, но, видимо, из группы работников, занимающихся ГКЧП, подготовили в те времена постановление о создании комитета по чрезвычайной ситуации в Москве, учитывая, что есть правительство – то, чего я и боялся. Поскольку я занимался Москвой, мне эту бумагу и положили. Я прочитал и сказал, что нет никакой необходимости и нет возможности, так как нет человека, который мог бы возглавить этот комитет. Мне назвали фамилию Никольского. Я сообщил, что с Никольским я уже беседовал, и он отказался. В их присутствии пошёл и позвонил Борису Васильевичу, спросил его при всех об этом. Он ещё раз сказал, что брать на себя такую ответственность не может. В свою очередь он предложил Белова, Воронина, но эти фигуры Москве не были известны.

На постановлении, которое мне показали, было что-то от руки приписано. Я вышел в приёмную и спросил секретаря, который там сидел: «Чей это почерк? Кто писал?». Секретарь ответил, что писал Владимир Александрович Крючков. Почерк был мне непонятен, и я попросил секретаря помочь прочесть. А там было написано, чтобы комитет обратил внимание на подготовку к зиме, на завоз овощей.

/.../ Вот об этом я и рассказал. Крючков был очень доволен моим добавлением. Следователь Крючкова спросил, о чём всё-таки шёл у меня разговор с Владимиром Александровичем: о вводе чрезвычайного положения или о принятии чрезвычайных мер. Я ответил: «Знаете, я в этих вопросах слабо разбираюсь. Для меня что чрезвычайное положение, что чрезвычайные меры – всё одно. Так что сказать точно, о чём шла речь, не могу. Возможно, о чрезвычайных мерах».

/.../ Когда окончилась очная ставка, стали думать, как мне выходить? Впустить-то впустили, а могут не выпустить. Владимир Александрович пошутил: «А чего вам домой торопиться? У меня в камере есть свободное место. Обеды здесь почти как домашние. Пошли ко мне, пообедаем».

/.../Оформили мне пропуск, объяснили начальнику, как я прошёл туда, и меня выпустили. Со следователем дошли до метро. Разговаривали. Я не думал, что это у меня с ним последняя встреча.

После этого меня не известили, что дело прекращено. А в общем-то его и не прекращали как уголовное дело, его и не закрывали, видимо для того, чтобы меня держать на крючке: ведь из свидетеля в обвиняемого превратить можно быстро.

Перестали вызывать меня на допросы, прекратились обыски. Но никаких официальных документов о снятии обвинений не было. Лишь в 1993 году пришла повестка, что я прохожу по делу как свидетель и что должен быть в Москве. Всё это время предполагал: был бы обвиняемым, сидел бы в тюрьме. А официального сообщения, повторяю, не было. Проскользнула как-то публикация в прессе, где сообщалось, что «уголовное дело прекращено против всех секретарей региональных комитетов партии, кроме двух». А кто эти двое – не назвали.

Только потом, весной, была пресс-конференция прокурора, и ему задали вопрос обо мне и Калинин (командующем военным округом, он вводил чрезвычайное положение в Москве): почему мы не проходили по делу ГКЧП как обвиняемые и почему мы не сидим. Прокурор ответил, что Калинин выполнял свой служебный долг и что оба к ГКЧП не причастны /.../.

Я однажды сказал Крючкову в глаза – он во многом виноват в том, что произошло в августе 1991 года. Этот человек обладал наибольшей информацией и полномочиями из всех других прочих.

Ельцин где-то в 1992 году или начале 1993 года в статье написал, что он обманул Крючкова. Видимо, была договоренность: он не будет активно выступать против ГКЧП. Не переиграл, а обманул.

Я иногда думаю: если бы не ГКЧП, каким бы был вариант? В конце октября – начале ноября 1991 года собирается внеочередной съезд партии. Горбачёва генсеком не избирают. Я убеждён, что съезд народных депутатов освободил бы его и от обязанностей президента. Спасло бы это ситуацию или нет, трудно сказать...

...А потом была амнистия. Я отнесся к ней, как к сделке. Почему Ельцин это сделал? Верховный Совет ликвидировал комиссию по расследованию событий 3-4 октября, а Ельцин объявил амнистию заключённым – членам ГКЧП и заключённым по октябрьскому делу. Это сделка. Если бы расследовали то, что было 3-4 октября, то сидеть бы в «Матросской тишине» совсем другим людям. Абсолютно точно. Он и прикрыл это дело, выпустив узников.

/.../Развязка событий 1991 года – страшное и не всегда понятное дело. Убийство Пуго, Ахромеева. Я всегда говорил, что это убийство. И того и другого.

Точно так же, как не были самоубийством смерти Кручины и Павлова. Ликвидация Кручины и Павлова понятна: все денежные документы подписывает Генеральный секретарь и управляющий делами. И Кручина и Павлов, если деньги переводились за границу, это знали. Не могли не знать. Без них это невозможно было сделать.

/.../ Пуго... Я хорошо знал Бориса Карловича /.../. Никогда не поверю, что это самоубийство. Пуго – последний из членов ГКЧП, кто встречался с Горбачёвым. Он отдыхал в Форосе. На аэродром ехал не на санаторной машине, а на машине из гаража Горбачёва. Не исключено, что Михаил Сергеевич дал ему какие-то наставления, просил присоединиться к ГКЧП, помня заявления Бориса Карловича о том, что он никогда не пойдёт на нарушение Конституции. Совершенно не ясно, почему он потом вдруг присоединился к ГКЧП, который не поддержан конституционно.

Пуго был у Горбачёва 17 или 18 августа. Я думаю, он знал больше. А может быть, это всё мои домыслы. Но я убеждён, что Борис Карлович никогда бы не покончил с собой. Он был очень сильным человеком /.../.

А Ахромеев – маршал, военный! У него-то уж точно было оружие! И он не стал бы вешаться, тем более таким диким образом – на батарее...

Было обращение Ахромеева к съезду народных депутатов, которое там, на съезде, ему не дали зачитать. Его точно не пустили на съезд. Он мог многое знать, так как был одним из ближайших помощников Горбачёва по военным вопросам. Язов мог с ним чем-то поделиться.

...А история с моим выступлением 19 августа 1991 года на совещании партийного актива получилась вообще детективной. Плёнка с выступлением исчезла. За ней долго гонялись в 1991 и в 1992 годах, чтобы меня каким-то образом обвинить.

В 1994 году её принес один человек. Он позвонил, меня дома не было. Тем не менее, он пришёл и отдал пленку Тамаре, моей жене. Сказал, что считал своим гражданским долгом сохранить её. И добавил: «А теперь, когда непосредственная опасность миновала, я отдаю Юрию Анатольевичу эту плёнку».

/.../Раз было по этому поводу столько шума, и выступление неоднократно цитировали и верно и неверно, стоит привести выдержки из него:

«Прежде всего, почему Комитет был образован в субботу, и почему было принято такое решение. Двадцатого августа должно было начаться подписание Союзного договора. С его подписанием Союз Советских Социалистических Республик прекратил бы своё существование. Речь идёт даже не о том, что вместо федерации мы получили бы конфедерацию. Но если бы подписали только три республики (а так планировалось: три-четыре республики на первый раз), то оставшиеся республики, в том числе те шесть, которые не собирались подписывать договор, оставались бы в составе Союза Советских Социалистических республик.

И у нас после 20 августа образовалось бы два государства – новое: Союз Советских Суверенных Республик и старое: Союз Советских Социалистических Республик. Республики, что оставались в составе Союза Советских Социалистических, имели бы полное право собраться вместе и распустить Союз.

Несмотря на неоднократное обращение внимания, в том числе и достаточно компетентных юристов, реакции на это никакой не было /.../.

Второе. Тот проект, который пытались подписать 20 августа, не был утверждён Верховным Советом СССР /.../. Он не был подтверждён и Верховным Советом Российской республики, который принял решение выносить договор на подписание только после повторного рассмотрения и утверждения.

То есть опять группа людей, облечённая государственными полномочиями, пыталась вне парламента совершить подобный акт /.../. Третье. Если брать экономическую сторону вопроса, то мы шли к катастрофе. Все это знали, но мер практически никаких не принималось. Сокращение производства нефти на 60 млн. тонн, угля – на 100 млн. тонн – это в сущности нехватка энергетических ресурсов для проведения даже зимы средней степени сложности. Произошло общее падение производства – на 12 %, продуктов питания – на 14–15%.

И падение продолжалось. Таможенные барьеры, которые разорвали все экономические связи между регионами, препятствовали поступлению продовольствия в другие республики.

Украина полностью запретила вывозить продукты со своей территории. Эстония, наоборот, повысив цены у себя, живёт припеваючи, потому что все везут в Эстонию товары, чтобы там их реализовать по повышенным ценам, а эстонцы едут в окружающие регионы, чтобы покупать товары по пониженным ценам.

Несколько наших товарищей отправились в Азербайджан с тем, чтобы организовать доставку оттуда овощей. Стоимость провоза одного трейлера с фруктами 30 тысяч рублей. Взятки на постах ГАИ. Прямо конкретно называют суммы: на каком посту 5 тыс. рублей берут, на каком – 3 тыс. за провоз и т. д.

На Севере продукты питания практически завезены где-то в пределах 40%. На Сахалине, который, к сожалению, наше телевидение так активно пропагандирует, на Камчатке уровень обеспечения продовольствием ниже, чем в годы Великой Отечественной войны. Все это видели, об этом неоднократно говорили, однако решительных мер по стабилизации в стране не проводилось.

Если взять нашу Российскую республику, при бюджете в 124 млрд. рублей дефицит – 80 млрд. По самым скромным подсчётам, дефицит российского бюджета должен составить 100–110 млрд. рублей к концу года. Это в условиях, когда раздавались всякие обещания.

Берём политическую ситуацию в стране. В первую очередь у нас в России был принят курс на свертывание всех демократических процессов. Пример – Москва. Полная ликвидация представительных, избранных народом органов власти и установление жёсткой исполнительной структуры с одним только выбранным человеком во главе. И указ о департизации – это свертывание работы общественных организаций по существу. Конечно, направлено в первую очередь против нашей партии, но формулировки никто не менял. В любой момент его можно повернуть против любой общественной организации.

Все моменты означали развал государства – это самое главное, потому что государство наше создавалось не только после 1917 года. Оно создавалось тысячелетиями.

В результате нарушается не только равновесие внутри нашей страны (а это могло привести и, безусловно, привело бы к югославской ситуации, поскольку сразу бы стал вопрос о границах, о разделе имущества и т.д.), это нарушает равновесие и в геополитическом масштабе.

Экономический кризис, из которого, к сожалению, несмотря на все заверения руководства страны и республики, выхода не находили.

И последнее. Свертывание процесса демократизации, которое неизбежно привело бы к авторитарной форме правления.

И по существу. Насколько я понимаю, Государственный комитет по чрезвычайному положению ставит перед собой цель не свертывание перестройки, а возврат к тем целям, которые были поставлены в 1985 году. Поэтому в Обращении есть призывы к предпринимателям, частному сектору с просьбой поддержать Комитет по чрезвычайному положению, его акции. То есть реформы будут продолжаться. Ситуацию надо рассматривать просто как замену персонального правления на коллективного руководителя.

Через десять дней – крайний срок – соберётся сессия Верховного Совета СССР, которая или подтвердит или не подтвердит – уже сессия будет решать – полномочия этого Комитета. /.../ Хочу ещё раз подчеркнуть, что всё делается в строгом соответствии с Конституцией – статья 127.3 Конституции СССР и статья 2 Закона о правовом режиме чрезвычайного положения.

Статья 127.3 предопределяет, при каких условиях вводится чрезвычайное положение и кто имеет право его вводить, а статья 2 конкретизирует порядок. Надо подчеркивать всячески, что все действия Комитета должны осуществляться в рамках Конституции и существующих законов, и при этом условии мы с вами будем их поддерживать.

Поскольку чрезвычайное положение есть чрезвычайное положение, оно, естественно, предопределяет, хотим мы или не хотим этого, определенные чрезвычайные достаточно жесткие меры».

/.../ А заключительная фраза была такая:

«...Если ГКЧП будет действовать в рамках Конституции, то мы станем поддерживать. Если не в рамках Конституции, тогда извините».

/.../ Следствие опросило 260 человек, присутствовавших на этой встрече. Все, кроме двух, привели по памяти мою заключительную фразу: будут действовать в рамках Конституции – поддержим, не будут – поддерживать не станем.

Были ли правы те двое, что утверждали, что я содействовал ГКЧП? Ведь я действительно говорил, что соглашения, которые будут приняты по новому Союзному Договору, фактически Союз ликвидируют; говорил, что в стране надо поддерживать порядок.

Когда мне расшифровали текст моего последнего публичного выступления, я прочитал его и даже изумился: а чего так долго искали плёнку, зачем её скрывали? Ничего нет там крамольного!

28 августа 1991 года я подготовил статью в «Правду», где писал:

«Я считаю, что это был политический спектакль, специально спланированный для того, чтобы подорвать партию, разрушить военно-промышленный комплекс и

ослабить в значительной мере Армию и правоохранительные органы. Всё это было решено очень быстро, по существу – одним актом».

Вот моя оценка ГКЧП и его действий, которую я тогда дал. Теперь так говорят очень многие. Статью опубликовали только в конце октября как интервью /.../.

В ноябре 1991 года я стал безработным. А еще 4 октября того же года я, моя жена Тамара и сын Дмитрий начали строительство собственного дома в подмосковной деревне, где ранее жила бабушка и другие родственники Тамары.

Это было время, когда строительные материалы не покупались, а добывались. И здесь помогли люди, многих из которых я ранее не знал, с другими были просто мимолетные встречи. Сруб мне собрали в совхозе «Красное Сормово» за Волгой, кирпич помог купить главный инженер кирпичного завода в Белых Столбах, когда узнал меня в длиннющей очереди. То же произошло, когда получал разрешение на провоз материалов. И таких примеров можно привести множество. Значит, работая в Москве, оставил у этих людей добрую память.

Жили, когда строили (а приезжали обычно на три дня – пятницу, субботу, воскресенье) в старом доме Тамариной бабушки. Он врос в землю в буквальном смысле слова, так как лаги сгнили и половые доски лежали прямо на земле. Из всех щелей дуло. Спали мы в свитерах, и по утрам были случаи, когда примерзший рукав приходилось отрывать от стены. После работы нас ждали «ножки Буша» и бутылка водки, а затем прогулки по морозному воздуху.

Радовались каждому купленному кирпичу, каждой прибитой доске. Дом процентов на семьдесят построили сами, только потом, приглядевшись к нам, стали помогать деревенские жители. Колодец выкопали, насос наладили, баньку соорудили. Сад подрос.

Дом, как известно, быстро не делается, особенно деревенский. То тут надо что-то прибить, то здесь подправить. Наконец, как мне казалось, мы закончили. Крепкий дом, удобный. И красивый. Осталось только налечники покрасить.

Это было жарким летом 2002 года. Уехал я утром в Москву, а вечером звонит жена: «Юра! Дом сгорел!» Слава богу, хоть все живы остались.

От тюрьмы и от сумы не зарекайся. Тюрьма меня миновала. А сума? Нельзя надеяться на случай. И стал я строить дом заново. Вот и внуки подрастают, надеюсь, тоже помогут.

А сына своего я назвал Дмитрием – в честь Дмитрия Донского, Великого Князя Московского и Владимирского – честно и мужественно служившего Родине.

Мысли об этом двигали и двигают мною все это время. Я был и остаюсь патриотом своей страны. А Дмитрий Донской – это собиратель земли русской. Государственный.

Переживаемое время

Эти стихи написаны на протяжении последних месяцев. Я путешествовал: летал на родину в Сибирь, ездил в любимую Белоруссию, на машине забирался глубоко в Рязанскую область и в который раз возил детей в Константиново... Был юбилей нашей Победы. Потом забушевали эти страшные пожары в Подмосковье и Мещере, да и чуть ли не по всей европейской России. Стихи написались тревожные, но уж таково переживаемое время.

Саяно-Шушенская ГЭС

До ГЭС теперь машину не пускают.
Шлагбаум, автоматчики... Госбез!
Теракты на плотине – «исключают».
Чубайс, страна чудес, РАО ЕЭС.

Тут утопили смену. Мне родные
сибиряки погибли. Не война,
а доллары поганые гнилые.
Саяны нависают, как стена.

В тайге бывает всякое. Веками
родившийся наизготовку жил.
Весь мир себя прикрыл сибиряками,
когда фашист Европу сокрушил.

Но что за шкуры вы в тот день прикрыли?!
Кто лез на горы с тёщей и женой?
Вы, мужики, затворы прикрутили.
Спасли людей. А с ними спасся гной.

Чу! кружат стаи над зубцами леса
и над плотиной. Нет, не вороньё...
А кто-то скажет: обнаглели бесы.
Вот пули бы серебряны в ружьё!

Юрий Иванович Минералов родился 30 мая 1948 в с. Калигорка Киевская области. Российский литературовед, поэт и критик, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Окончил филологический факультет МГУ. Пятнадцать лет преподавал в Тартусском университете, двадцать три года (1987–2010) работает в Литературном институте им. А.М. Горького – профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики.

Живёт в Москве.

Сентябрь в Сибири

Тут жил и умер друг. Тому уже пять лет.
Вдова, погоревав, сошлась, живёт с соседом.
В ворота не стучу: их видеть смысла нет.
Но чувствует пёс и плачет мне фальцетом.

Мы в детстве с Жучкой тут играли во дворе.
Щенок собаки той – он пёсику стал папой...
Ну, здравствуй, человек! Мы оба в сентябре.
Дай подружу чуток с твоей шершавой лапой.

Дай погляжу в глаза твои из-под ворот.
Нам к той игре пора готовиться серьёзно.
Нам впереди зима – хозяин твой там ждёт...
Мы дети там, и всем тепло и дед-морозно.

Вася Тёркин

(по ценным рецептам постмодернизма)

Был Тёркин с детства раскулачен.
Затравлен был в НКВД.
Штрафбат его перекорячил.
И плыл в Гулаг он по воде.

Но сбил он «Мессера» прикладом
и сало ел со старичком.
Слонялись особисты рядом,
и пахли фрицы чесночком.

А понял Вася, где злодеи,
лишь на том свете побывав.
Там уголовники сидели,
так ничего не осознав.

И шли матёрые троцкисты
в барак, а не в московский ЦИК.
И власовцам их флаг цветистый
шёл на портянки, чик-чирик.

А там опущенный и мерзкий
шпион парашу выносил,
утратя имидж суперменский,
и «ку-ка-реку!» голосил.

А там трёхзубые бандеры
смотрелись жертвами цинги...
И так несло парами серы!
И понял Вася, кто враги.

...Вольготно прохиндеям тёртым.
От них и стал наш мир хренов.
Нет спасу! Но вернётся Тёркин
и всем им скажет пару слов.

Детские игры

Станиславу Гайдуюкову

Уже фронтовики отвоевали.
Но добрых десять лет после войны
мы, пацаны, фашистов добивали
по всем дворам и пустырям страны.

Стратеги, как всегда, не доглядели,
расслабься и отцов разоружив.
Но сабли деревянные запели,
и наступило время новых битв.

Я немца бил в сибирском Черногорске.
За Сталина! врывались мы в Рейхстаг.
Незваные от нас бежали гости.
И польхал над миром красный флаг.

И сгнула под землю или в Лету,
или в Валгаллу и ко всем чертям
вся дрянь космогоническая эта,
колдуя напоследок по кустам.

Поконча с их оккультной свистопляской,
как рыцари, не ждали мы наград.
Былых мальчишек орден ветеранский
никто не приглашает на парад.

Но верю – нет, я знаю! – было это:
лишь дети не по силам духам зла,
и наша виртуальная победа
тот вражий дух под корень извела.

«Второй фронт»

Эта мятая банка по ленд-лизу досталась отцу.
По рассказам, там в студне копошился тушёнки ошмёток...
Но в войну не зажилось и мясцу, и тому холодцу!
Всё поели, а после стал из банки стакан для отвёрток.

Эта банка из Штатов у отца в гараже жила так:
только он отвернётся – солидол ей губная помада,
фраерок «Студебекер» газанул и вкатил на верстак,
и жуки колорадские так и лезут, куда бы не надо...

Из нее прёт Америка! Едва лишь отец отойдёт,
сразу детям та банка напокажет секретных соблазнов:
паучок – мистер-твистер, цокотухи танцуют фокстрот,
а комар саксофоном завис и поёт несуразно.

Она нас покупает, жестяным она вертит хвостом.
Она задницей вертит и бедром так ведёт, Мата Хари!
Я дошкольник ещё, не обязан и знать, что мы ей выдаём.
Но Валерка постарше, он мой друг, – молотком ей по харе!

Всё потом, как в тумане: эта ржавая банка, ручей...
И плыви до Чикаго, та шпионка, и нос её римский!
Эта банка тушёнки... А в ней и Бессмертный Кощей,
и несметное НАТО, и коварство, и гриб хиросимский.

Возвращение на Родину

Как отступила тайга!
Снижается старенький «ТУ»
на терриконы, пурга,
на промзону – на срамоту.

Тут мамонты мирно паслись.
Тут правнук Адама кострил.
А сегодня – не подавись! –
за доллар всё скупит дебил.

Сибирь повидала, но
такое и ей впервой.
Под снегом, по самое дно,
всей химии хлам и помой.

Зима гримирует век,
чернуху пока забелив.
Весной возопит человек,
но ТВ объяснит, что он жив.

Промоют мозги в политчас
из агитпроповских клизм!
Бессмертен в гробу Карла Маркс.
Беснуется капитализм.

Рублёв и МІР. 12 июня

Где-то здесь похоронен Рублёв, но могилу утратили.
Он был мнихом простым и не явлен. Теперь тут музей.
В нём сегодня сей мiр: и стяжатели, и толкователи.
Их экскурсия, праздник, их ценных свобод юбилей.

Тут заблудшие волки в овец на глазах превращаются.
У икон послоняются с гидом, и нету грехов!
И золотые кресты пребогато на шеях могаются.
Есть поселок Рублёвка, а вот сам Рублёв, хо-хо-хо...

Он, сей мiр, не рублёвый. Он любит валютное евро.
Он смакует доллары и фунты. Он в корень глядит.
Он имеет доход с ископаемых нашего севера
и над золотом дрожит... Он такой! ни рогов, ни копыт.

Зигзаг

Я еду через лес. Тут дядя честных правил
на сваях заложил на озере дворец.
И лютеранский храм на берегу поставил.
Сажает вертолёт. Он молится, храбрец.

Тут каждый зверь давно застрелен, но не больно.
Какой там лось, кротам не провести теракт!
А в озере ратан поел всех недовольных.
И пляшет олигарх, не попадая в такт.

А дамочки пицат с терассы, ждут обеда.
Там гости, спор ведя, на феню перешли...
Но щука из реки заходит, как торпеда!!!
Переполох, бинокль... Ха-ха. Охрана, пли!

Стреляют по воде, пируя на просторе.
До счастья олигарх успешно дорвался.
...В лесу на берегу был детский санаторий.
Но пионеров нет. В разрухе корпуса.

Зато есть эта дрянь повадки уголовной.
«Цивилизован» всяк, и спьяну пьют «шанель».
Я еду столько лет Россию огромной!
Страна вошла в зигзаг. В тупик летим ужель?

Витебск

Экуменистский, вязкий,
впрочем, бахтинский отвар...
Витебск – а все же славянский!
Даже «Славянский базар».

Войнами исковеркан
и восстановлен людьми,
дружит он с нашим веком.
Витебск поди пойми.

Кто тут сподобится рая –
спорно, и спор водянист.
Но партизанского края
здесь натерпелся фашист.

Да, Божий мир не измеряют
лавочника весы!
Полифонизм не изменит
голоса Белой Руси.

Красноречивее слова
красок безмолвный рассказ.
В небе летает корова.
Репин – их на луге пас.

Перевал в Саянах

От розоватых скал, зеленых ближних гор
до синих дальних гор, переходящих в небо,
картографы тут шли, наверно, добрый год.
Но карту сняли – вот, склоняюсь я над нею.

Состарился наш мир – а верен документ!
На нём весь перевал, такой румянолицый.
Теодолита нет, но через бездну лет
иду я по следам отцовских экспедиций.

Там тряпочки – шаман бил в бубен у куста.
Но род его пропал: Берлин мужчины брали,
вернувшись в орденах, все пили досыта...
Вот то-то и оно. Нет истины в бокале.

Змей огненной воды – он столько сжёт племён!
Обходятся без нас тайга и эти горы.
Река Она кипит, и дружит с нею Он.
А хищных скал верхи остры, как волчьи морды.

Живет себе зверьё, и чисты воды рек.
До ближнего жилья и с картой топтать месяц.
Тут не перекошил природу человек.
Верней, она его поставила на место.

Поль Робсон

Поль Робсон пел, и сотрясались горы.
Библейский бас, летевший до небес...
Он верил в нас. Не слушал наговоры,
и мыслил с госполитикой вразрез.

В Союзе окружали его дружбой.
Его любили дети всей страны.
А в Штатах за ним зырили спецслужбы
и звали «сталинистом» болтуны.

Он вышел всем. Не вышел чёрной кожей.
Расизм его терзал, что крокодил.
Поль Робсон пел, с Шаляпиным так схожий.
Наш парень о России говорил.

Ты широка была, страна родная!
Убавилось лесов, полей и рек...
Тебя разворовали. Хата с краю.
И боязливо дышит человек.

Старательный развал. В тупик дорога.
Все менее силёнок у страны.
Но если власть ведётся не от Бога,
она не власть, а служка сатаны.

От Бога ль пляшут видимые черти,
и жаждет «прав» содомский зоосад?
Не окормлять бы православной церкви
бесстыдный бесовской олигархат!

Сын пастора Поль Робсон – он на небе.
Он упокоен в Божием раю.
Россия на земле. Ты спи, мой бэби!
Бог не оставит Родину твою.

Божий гнев

Горит Мещёра. Божий гнев.
Дождя прогноз не обещает.
И некто, эполеты вздев,
на всю Вселенную болтает.

Столицу душит серый дым.
Угар сочится сквозь витрины.
Покуда судим да рядим,
горят моей страны руины.

В дыму у люда нет лица.
Беда пришла на землю нашу.
Горят народные леса,
назначенные на продажу.
Но до Канар не достаёт
наш дым Отечества кромешно...
Рублёвка не горит – цветёт.
Рублёвка пахнет зарубежно.

Легко гусарам в три вершка
играть, в песочнице возиться!
Всё развалив, кишка тонка
и побеждать, и застрелиться.

Где Сталин?! Все уйдём туда.
Но мы помрём во вражьих лапах.
И всем гореть нам от стыда,
такую Родину прошляпив.

Белая Русь

Я крещён, слова нет, но люблю сердцем всем
некрещёную нашу дуброву –
эти древние корни славянских морфем,
в белорусскую вросшие мову.

Поищите язычество, где Вавилон,
где ацтеки и культуры Гаити...
А в Полесье святом сотворите поклон
и болотных чертей не ищите.

Белорус терпелив до последней черты.
Примет гостя с питьём и закуской...
Но врага-супостата он примет в штыки
или встретит рогатиной русской.

Беловежская пуца. Жива на корню.
Роци Запада – те жидковаты.
Лишь родную Сибирь с Беларусью сравню.
Как приятель, подходит сохатый...

Охота

Я убил только рябчика и прекратил.
Больше я никого не убил.
И подаренный «Зауэр» мучил в чехле.
Я отца огорчил, рассердил.
После лишь по мишеням. Был тир МГУ.
Попадал и потом не слабё.
Только в птиц и зверьё я стрелять не могу.
Неохота. Их жаль, видит Бог.
Но вот в этого, в Гитлера, в прочую мразь
и в её расползучий фашизм
я б с охотой стрелял и попал бы не раз! –
Русский варвар. Тоталитаризм.

Сверхдержава

Эта мразь много раз нападала.
Князь Пожарский, Кутузов и Сталин –
Русь отбилась... Ждёт мразь генерала,
чтобы был и стратег, и батален.

Превзошли нас по боеголовкам.
С тылу выползли пятой колонной.
Подобрались всем натовским блоком
и бутылью манят алкогольной.

Не пропить ли и честь, и ракеты?
Шьёт мундиры Юдашкин гламурный...
Вместо древней советской анкеты
полиграф подбирает нам дурней.

Что ж, остались мы сами с усами...
Нет союзников – приняты в НАТО.
Только Белая Русь рядом с нами.
Белорус – это русский двукратно.

Изборск

За Городищенским озером Серая Шейка
вывела деток, и стайка скользит по воде.
С нашего берега люди ныряют с бревешка.
В озере небо синее, как в Божьей бадье.

Век двадцать первый еси вот за тем шеломянем.
Там иномарочный колониальный позор.
Здесь наши древности. Славу Изборска помянем:
так и не сдался, сдержал крестноносный напор.

Их командоры ломились в Изборск твердолобо.
Все уходили ни с чем – только срам и стыдоба.
Хоть затевали бой легкий на вид и неравный –
крест католицкий ломался о крест православный.

Ныне Россия уклончива и бледновата.
Там, за холмом, её учат ходить в батраках.
Здесь – хлынул дождь. В камыше затерялись утята.
Дети славянские только хохочут в волнах!
Нас не замочишь, и гитлеры нам не смертельны.
Лишь бы бояре не продали ключ от ворот.
И отобьётся ракетно, иль хоть огнестрельно
русский Изборск, да и ворог от злости помрёт.

Заброшенный рудник

Тайный поселок в горах.
Мимо грохочет река.
Штольни наклонной дыра.
Скалы торчат по бокам.

Мощью и злом обуян,
тут элемент залегал...
Чуден скалистый Саян.
Мерзостен рудный отвал.

Тайны хрущёвской тайги
не разболтает народ.
В Гейгера глянь и беги!
Счётчик навряд ли соврёт.

Нам страшновато ночью выходить
под небо Божие, лишённое завес.
Глаза незрячи: слаб, как волчья сыть.
В лесу и в поле угнездился бес.

Собака в страхе лает. Ей видней.
Перекрестись, и поспешай в свой дом.
Там космос, а тут мистика теней.
Отвлечься и забыть хотя бы днём.

Пантеистическое

Даждь нам дождя, наша мать Природа!
Мать-калека, спаси своих чад!
В жажде зайдясь, птицы долбят породы.
В реках последние рыбы кричат.

В тропиках крутит метель, стервенея.
Нагло торнадо по тундре катят.
Бойко в мутациях крысы умнеют,
и не берут их ни ласка, ни яд.
То-то всё больше и смрада, и пыли,
труса и глада, в груди метастаз!
Сколь мы разумно тебя загубили,
столь же стихийно караешь ты нас.

Сгинут селения под ледниками...
 Нами поругана, мстишь не шутя.
 И не щадишь – ты терпела веками...
 Матерь великая, дай нам дождя!

Божия воля

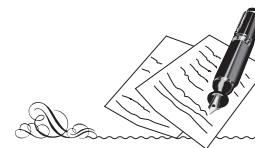
Зима была совсем, как в детстве, – русской.
 Ей-Богу, волк рысцою пробегал!
 Снег до небес... Мы шли тропинкой узкой,
 и внучек наш премудро лепетал.

А голос тот вплетался в симфонию
 природы Божьей... Взрослые, молчать!
 Мороз благословенный грел Россию –
 учёной чужью пуганую мать.

И я представил вдруг: дорога к аду
 усыпана миллионами статей
 про оттепель, потопы и торнадо...
 Но Бог спасёт и Землю, и детей.

Он даст мороз и Он обдаст жарою.
 От Бога всё. Он закалил славян.
 Родное нам приволье зимовое.
 До горизонта снежный океан.

«Глобальных потеплений» фантазёры
 идут, куда фантазии влекут.
 Не слабнут православные соборы.
 В лесу родятся ёлочки. Живут.

ПАМЯТЬ

Бор. ЛЕОНОВ

Раскрепощенье красоты

У каждого поэта можно найти откровение в виде признания, метафорического образа, сокровенной мысли, в котором сфокусированно выявляется суть его художественного освоения всего сущего. Для себя я открыл подобную формулу у Людмилы Константиновны Татьянической в её стихотворении 1961 года «Герань».

В нём вспоминается старый городок её детства, покосившиеся домишки, на подоконниках которых цвела герань. Цвела как-то вяло, безрадостно. И вот однажды оказавшись в молодом городке-новостройке, она увидела другую герань, радостную, открытую людям своим ярким цветом. Открытую, потому что не на подоконниках с подслеповатыми стёклами цвела, а в скверах под открытым небом. Она буквально была искрящаяся, блестящая, омытая только что прошедшим дождём и согреваемая солнышком.

*Ей тёплый дождик кудри вымыл,
 Расправил ветер ей листья...
 Ее запомню я как символ
 Раскрепощенной красоты...*

Это стихотворение помимо красочного образа, раскрепощённого влюблённостью в жизнь автора, ещё несёт в себе и немалый социальный подтекст. Такова она, русская поэзия, которая и красоту воспроизводит не ради красоты, а ради высокой социально-нравственной мысли о сути человеческой жизни. В самом деле, в нашем представлении о мещанском уюте, о душевной глухоте к окружающему, одним из самых распространённых символов кроме слоников на комод, гор подушек на кровати непременно выступает герань на подоконнике. Вот почему выход герани «в люди», выход на открытую взору поляну в городском сквере означал для поэта освобождение и раскрепощенье не только красоты цветка, но и человеческих душ от пут захолустья и мещанства. А для поколения Людмилы Константиновны задача одолеть мещанство была чуть ли не главной. Во всяком случае, в подобной мысли убеждает опыт советской литературы тридцатых годов, когда входила в большую поэзию талантливая девочка из городка Ардатов, что стоит на берегу быстрой речки Алатырь.

Борис Андреевич Леонов – доктор филологических наук, профессор. Родился в г. Одессе в 1935 году. Окончил Московский городской педагогический институт им. В.П. Потёмкина, историко-филологический факультет. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию «Лирика Л.П. Полонского». В 1985 году защитил докторскую диссертацию «Героизм, патриотизм, народность русской советской литературы». Работает на Кафедре новейшей русской литературы в Литературном институте им. А.М. Горького. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награждён орденом Дружбы Народов. Живёт в Москве.

В городке жило не более шести тысяч человек. Занималось население либо ремеслом в кожевенных мастерских, либо мукомольным делом на десятке работающих мельниц. В основном же люди трудились на земле, выращивая овощи и домашнюю живность.

В этом городке в декабре 1915 года родилась Людмила Константиновна. И в духе раскрепощённой красоты в день своего пятидесятилетия она написала похвальное слово декабрю:

*Снежных хлопьев тихое круженье,
Света усеченный полукруг.
Здравствуй, месяц моего рожденья,
Мой заступник,
Мой надежный друг!
Над моей суровой колыбелью
Наклонялся твой неяркий луч.
Закружи опять своей метелью,
В ноги брось
Медвежьёю полость туч.
В пыльный снег
Укутывай по плечи
Все мои поляны и кусты.
Берегам,
Тоскующим о встрече,
Подари зеркальные мосты.
Кровь мою
Ты обнови морозом
И счастливым чувством
Крутизны.
А берёзам,
Всем моим берёзам
Чуть добавь нежнейшей белизны.
Мой декабрь,
Мой сизокрылый голубь,
Ты опять пожаловал ко мне.
В льдистом небе –
Голубая прорубь
С золотистой рыбиной на дне.*

Мне повезло в жизни: я был знаком с Людмилой Константиновной. С этой красивой, гордой и доброй женщиной познакомил меня писатель Иван Григорьевич Падерин, когда я оказался среди гостей его дома. Была Людмила Константиновна со своим верным спутником жизни – литератором Николаем Давыдовичем Смелянским. Из того вечера запомнился такой эпизод. Гости попросили Людмилу Константиновну прочитать ее любимое стихотворение. Она засмушалась и спокойно ответила:

– Как это любимое? Они все мне дороги. Каждое по-своему.

После непродолжительной паузы начала негромко, но очень внятно, чеканя каждую строку, читать:

*И на току,
И в чистом поле
В войну я слышала не раз:
– А ну-ка, бабы,
Спляшем, что ли!
И начинался сухопляс.
Без музыки,
Без вскриков звонких,
Сосредоточенны, строги,*

*Плясали бабы и девчонки,
По-вдови повязав платки.
Не павами по кругу пляли,
С ладами чуткими в ладу,
А будто дробно молотили
Цепами горе-лебеду.
Плясали, словно угрожая
Врагу:
– Хоть трижды нас убей,
Воскреснем мы и нарожаем
Отечеству богатырей.
Наперекор нележкой доле,
Да так, чтобы слеза из глаз,
Плясали бабы в чистом поле
Суровый танец –
Сухопляс.*

Собственно «Суровый танец» и явился для меня открытием ещё одного замечательного русского поэта. С тех пор, с конца 50-х годов, я стал следить за стихами Людмилы Константиновны, отмечать для себя её подборки стихов в периодике. А однажды набрался смелости и оказался в её рабочем кабинете секретаря Союза писателей РСФСР на Софийской набережной. Мне захотелось узнать о ней подробнее, узнать от нее самой.

И тут хочу особо подчеркнуть простоту нравов в отношениях между людьми творчества в те годы. Никакого высокомерия, ни тени зазнайства и пресловутого «комчанства». Секретарь Татьянической пошла доложить обо мне и уже через несколько секунд из кабинета вышла Людмила Константиновна и, узнав меня, пригласила к себе на чашку чая.

Отвечая на мои вопросы, вела неторопливый рассказ о семье, об отце, которого она не помнила, потому что потеряла в три годика. А о маме, Агриппине Степановне – сельской учительнице, говорила особо тепло, ей посвятила немало дочерних благодарственных слов. «А стихотворство, – улынулась Людмила Константиновна, – это, видимо, у нас наследственное: ведь мама тоже писала стихи. К сожалению, я их не помню».

Была её мама с задумчивым красивым лицом, на котором ярко горели огромные глаза, и иногда скользила мягкая улыбка. Работала она в сельской школе, ведя занятия одновременно с двумя классами. И жили они с мамой в здании школы, в комнате рядом с классом.

А о своём стихотворстве Людмила Константиновна вспоминала так: с того момента, как осознала себя, всё время писала стихи, а точнее – рифмовала слова. Обидчиков своих высмеивала в складушках-частушках. И многие из них, не желая попадаться на её острый язычок, больше с нею не связывались.

Из какого роду-племени выходцами были родители, я не спрашивал. Ответ на этот вопрос был дан самой Татьянической в стихотворении 1964 года с исчерпывающим названием «К вопросу о родословной».

*Повинно в этом раннее
сиротство,
Иль, может, в том есть
и моя вина, –
Не уточнила с дедами
я сходства,
Прапрадедов мне темны
имена...
В одном лишь не могу
я усомниться:
Все родичи мои –*

Спокон веков! –
Гатили топи,
Сеяли пшеницу
И Русь обороняли
от врагов...

Ни в летопись,
Ни в громкие былины
Он не был вписан,
мой безвестный род,
Но он уходит в тот
массив глубинный,
Название которому –
Народ!

В 1926 году умерла Агриппина Степановна.

Это было в Казани,
В Казани,
У сиротства на самом краю.
Не по-детски,
С сухими глазами
Хоронила я маму свою...

На всю отпущенную Богом жизнь остался в сердце Людмилы Константиновны образ мамы. Свидетельством тому – множество стихов, посвященных её памяти. Среди них цикл «Память сердца» (1967) и «Баллада о доброте» (1973), откуда приведённые строки. В «Балладе» вспоминаются похороны мамы. Неожиданно в стихотворении потрясающая и потому сразу же запоминающаяся деталь: после того, как упокоили гроб с телом к земле, дочка «тонкий ствол примогильной рябины... цветным обвязала платком», чтобы потом прийти на свидание с мамой: и сразу найти родную могилу...

Людмилу Константиновну призрели дальние родственники, жившие в Свердловске, Константин Рафаилович и Мария Александровна Кожевниковы. Добрые по своей человеческой сути, они много сделали для воспитания в девочке интереса к жизни, к природе Урала. Сам охотник и рыболов, Константин Рафаилович брал Людмилу с собой на охоту, на рыбалку, водил в лес по грибы и ягоды. Влюбленный в мир уральской природы, Константин Рафаилович привил такую же любовь и Людмиле, научил ее читать живые страницы берендеева царства, слушать и узнавать голоса птиц и зверья, внимать говорливому лепету горных ручьёв и речек. Всё это, как то очевидно, затем оживёт, обретёт свою поэтическую жизнь в стихах Людмилы Константиновны, которые она по-прежнему продолжала писать. Пока для себя.

Это оттуда, из «уроков» Константина Рафаиловича, пришли в её стихи такие образы, как «чутким ухом слышу, как растут деревья», оттуда стремление «услышать земли сердцебиенье, горных рек подслушать разговор». Ей по-новому открывались картины природы: «Желтолобым оленёнком солнце смотрит из-за каждого ствола», или: «кленок осинку обнимал ветвями молодыми», «закатились солнышки ромашек в мокрую траву». В лесу она буквально ощущает, как «бродит тишина, сторожкая, как высь». И открылась ей красота «Осени в Зауралье»:

Осень-то какая молодая:
Ни грустинки,
Ни морщинок нет!
Ходит по округе,
Собирая
Все деревья в праздничный букет.
Ну, а если подойдешь к ней ближе,
То воочью убедишься ты:
У нее все дети ярко-рыжи,
Все в нее –

И травы и кусты,
Даже вон талийки-невелички
Быть стремятся ей во всё под стать.
Научились в тонкие косички
Огненные ленточки вплетать.
С ношей золотого урожая,
В Зауралье
И по всей стране,
Ходит осень,
Землю украшая...
Вот такую осень бы и мне!

А про юность свою она сказала просто и исчерпывающе: «Юность моя ничем не отличалась от юности многих моих сверстников – городских комсомольцев 30-х годов: школа – завод – рабфак».

Недалеко от дома был вагоноремонтный завод имени Воеводина. Познакомилась с ребятами, и они позвали её к себе в цех работать токарем. И эта работа, и рабочий коллектив тоже оставили «меты» на душе девушки. Побывав однажды на одном из заводов, поэтесса увидела в девчонке, работавшей на станке, себя и откликнулась на увиденное стихотворением «Грань резца».

Эта девочка
И словно время повернула вспять –
Передо мной моя возникла юность,
Она хозяйкой в гулкой цех входила,
Работе отдавалась до конца...
И я в своей ладони ощутила
Не карандаш –
Стальную грань резца.

Работу свою Людмила Татьяничева совмещала с учёбой на рабфаке. После его окончания поступила в Свердловский институт цветных металлов. Но тяга к поэзии всё сильнее пробуждалась в душе. Именно она позвала Людмилу Константиновну туда, откуда на всю страну гремела слава рождающегося металлургического комбината у горы Магнитной в Челябинской области. Вот где настоящая поэзия! И она делает свой, как окажется, окончательный выбор – оставляет институт, едет в Магнитогорск и устраивается работать в газету «Магнитогорский рабочий». А газета – это вечный поиск, встречи с людьми, возможность быть в гуще событий. Юная поэтесса оказалась одним из активных членов местного литературного объединения, в состав которого входили ставшие затем известными писателями, Б. Ручьёв, Я. Вохминцев, А. Авдеенко, В. Макаров и другие. Они издавали свой литературный журнал с претенциозным названием «За Магнитострой литературы».

«Мы чувствовали себя, – говорила Людмила Константиновна, – органичной частью всей страны, в которой наши сверстники вместе с отцами и дедами были строителями нового мира. Мы, дети страны Советов, возводили заводы и фабрики, прокладывали дороги там, где никогда не ступала нога человека, пробуждали окраины и побеждали темноту и безграмотность. Мы жили мечтой о золотом веке мира...»

И всё это было порушено дубиной фашистского дикаря. Вчерашние пахари и токари, журналисты и строители встали в ряды защитников Отечества. Началась страшная война с гитлеровскими захватчиками. Тыл жадно ловил вести с фронтов. Радость победы под Москвой сменилась тревогой 1942-го года, когда враг рвался к Волге. Пожалуй, этот год был самым кровавым в истории войны. Именно в этом году Людмила Татьяничева, ещё не известная стране поэтесса, пишет пронзительное стихотворение «Мы разучились плакать в этот год», совпадавшее по духу с такими известными, созданными в тот же год рассказами М. Шолохова «Наука ненависти», В. Кожевникова «Март–апрель», очерком Л. Леонова «Твой брат Володя Куриленко», пьесой К. Симона «Русские люди».

Мы разучились плакать в этот год.
 И наши песни сделались иными.
 Про этот год жестоких непогод
 Словами рассказать какими?
 Где их найти, точнейшие слова,
 Горячие, как зарево пожариц?
 То песня – что любовь,
 Она в душе жива,
 И эта песня о тебе, товарищ!
 Товарищ мой,
 Услышь меня, услышь!
 Не веры, нет могильного покоя.
 Пусть голос мой
 Дойдёт к тебе, как жизнь,
 Сквозь гул ветров,
 Летящих в пекло боя.
 Земля в огне,
 Земля кровоточит.
 О, как болят, как ноют в сердце раны,
 Когда шуршат сухой травой в ночи
 Родных могил безвестные курганы...
 Над ними птицы песен не поют,
 Над ними кружат вражьи самолеты,
 И чёрные оскаленные доты
 Родную землю яростно клюют.
 Но всё равно в твою не верю смерть.
 Тебе, живому, не скажу: воскресни!
 Крепчает бой.
 Зовёт на Запад месть.
 И скорбь слагает пламенные песни.

Война не забывалась ею никогда, диктуя суровые и горькие строки:

Пусть не в меня в прямом бою
 Вонзался штык чужой огранки,
 Прошли сквозь молодость мою
 Года,
 Тяжелые, как танки...

Или такие скорбные в своем величии слова, как в стихотворении «Плачущие руки» о женщинах-прачках, в мороз стирающих бельё для госпиталя.

Мы не часто друг к другу
 Бываем внимательны.
 Даже прошлое вспомнить
 И то недосуг.
 Но вовек не забыть мне
 Усталых, старательных
 Обожжённых морозом
 Плачущих рук...

А разве оставит равнодушным стихотворение «Минные поля»? Вот его финал:

Прозрачны дали.
 И ветра спокойны.
 От ржавых мин очищена земля.
 Но, отступая, оставляют войны
 Воспоминаний минные поля...

В годы войны Людмила Константиновна заочно окончила Литературный институт имени А.М. Горького. В 1944 году в Челябинске вышел первый сборник её стихов «Верность». В этом же году она была утверждена в должности директора Челябинского книжного издательства.

Вспомнила она и о том, что самое первое стихотворение у неё было опубликовано в молодёжной газете Свердловска в 1931 году, когда ей было всего шестнадцать лет. Затем стихи печатались в «Магнитогорском рабочем», в местном журнале. Помянула она и о встречах с маститыми писателями, приезжавшими к ним в Челябинск из Москвы и Ленинграда. К тому же ведь она была ещё и ответственным секретарём местной писательской организации. Большую помощь в работе ей оказывали А. Фадеев, Ю. Либединский, Э. Казакевич, а также поэты В. Инбер, М. Светлов, С. Щипачев, Яр. Смеляков. Они проводили встречи с читателями и местными литераторами, помогали Татьяничевой в её творческих начинаниях. Особенно в работе с молодыми, которыми Людмила Константиновна гордилась и всячески опекала.

Вспоминая те годы, яркий своей образностью русский поэт Валентин Сорокин, делавший тогда первые шаги в поэзии, в статье «Свет в пути», открывающей сборник стихов Л.К. Татьяничевой «Область личного счастья» пишет: «Мы, молодые в то время, никогда не испытывали на себе её «маститости», её назойливого опекуинства, её недоверия. Наоборот, она слышала, знала, понимала нас. И как нам это теперь не вспомнить! Вот и получается: в мастерство входят не только навыки стихотворчества, но и сама душа, сама судьба поэта».

Очень верные слова. Именно судьба поэта в её вечном стремлении к идеалу предстает всё более отчётливо и красиво в каждом новом сборнике Людмилы Татьяничевой после её маленькой по формату, но искренней по словесному месту и рисунку первой книжечки «Верность». В самих названиях сборников выступает существо поэтического отношения к миру людей и природы, коими полны ее лирические откровения. В самом деле, вслушайтесь в эти названия: «Синегорье», «Малахит», «Самое заветное», «Бор звенит».

Всё чаще стали появляться её стихи на страницах центральных изданий – в «Правде», «Советской России», «Литературной газете», в журнале «Огонёк».

Как и всяким художник, Л.К. Татьяничева жила жаждой безотрывно отдаться творчеству, дабы не тратить время на текущую суету. Но этого практически не получалось, потому как львиная доля временного ресурса, отпущенного человеку в сутки, приходилась на решение оргвопросов, когда она возглавляла издательство и писательскую организацию, подготовку материалов для «Литературной газеты», когда стала ее собкором по Уралу. И только в 1959 году, признавалась Людмила Константиновна, она наконец-то смогла ощутить счастье оказаться вольным художником. Да, семья занимала какое-то время: у неё было уже двое сыновей. Но тут помогал Николай Давыдович, профессионально понимая творческую жажду жены отдаться лирическому полководью в душе. Но... Видимо, так суждено вечному труженику: не удается ему надолго вырваться из должностной упряжки. В конце 60-х Людмилу Константиновну на съезде писателей России избрали секретарем Союза, отвечающим за дела поэтические в республике...

И, тем не менее, многое из написанного Людмилой Татьяничевой, пережило своё время, не покрылось пеплом забвения, как то произошло с некоторыми вчера ещё гремящими кумирами времени, вызывавшими немедленный отклик толпы на сказанное, а нередко и выкрикнутое слово с трибуны. Лирика Татьяничевой негромкая, сокровенная, рассчитанная на душевный контакт с читателем. И потому, видимо, каждый волен настраивать свою душевную волну на контакт с её миром, волен по-своему прочитывать её слово, оставленное нам в наследство. Лично для меня в её поэтической нервной системе была и остается центральная идея раскрепощения красоты. Процесс этого раскрепощения проявлен в стихах Татьяничевой очень разнообразно и разносторонне. То это своеобразный целостный характер, открывшийся в самой природе, каким, скажем, предстаёт в её стихотворении дождь:

Дождь работал, как вол,
 Не жалеючи сил.
 И поляны,
 И дол,
 И сады напоил.
 Без пустой похвальбы
 Сбил заносчивый зной.
 И ушёл по грибы, –
 У дождя выходной!

Или же это красавица заря, что в удовольствие купается в снегу:

Заря купается в снегу
 За рощицей березовой.
 И снег на утреннем лугу
 Цветёт гречихой розовой.
 Светлеют тёмные сады
 И ельники зубчатые,
 А чьи-то лыжные следы,
 Как две строки печатные.

Иногда красота в её стихах обретает силу манифеста, выговариваемого в прямых указаниях на самое себя, как в стихотворении «Высокие полдни»:

Красота не уходит, –
 Она переходит,
 Было бы только к кому
 Красоте перейти.

Красоту творит труд человека, особенно тот, что вдохновенно выявляет себя в деле, осенённом творческим началом. Таков, скажем, труд её чеканщика в одноимённом стихотворении.

Чеканом оживляет он черты,
 Отлитые литейщиком в металле,
 Чтоб красоту живой его мечты
 Мы в каслинской скульптуре увидали.

А ещё возможен и такой вариант, когда сама природа дарит поэту готовый образ красоты, неповторимое виденье, что напоминает вновь о сказочном, живущем рядом с нами. Просто надо узреть это сказочное и перенести в словесный рисунок. И тогда увидишь, как «под пушистым малахаем спрятал кудри чёрный бор», как «пламя лисьими хвостами подметаёт небосвод». А то вдруг окажешься свидетелем того, как

Большим ковшом,
 Как медной поварёшкой,
 Плотички звёзд повычерпала ночь.

Разве не может человек, влюбленный в красоту мира, не поделиться фантастическим виденьем?! И он делится:

Деревня двинулась на север,
 Где в бубен бьёт
 Полярный круг...

Вслушайся в окружающий тебя осенний мир... Чу!

Раструбили журавли по роцам,
 Будто осень замуж собралась,
 Верба платье в озере полощет,
 Лисью шапку примеряет вяз...

Да их, собственно, пруд пруди подобных превращений красоты, которые творит природа и дарит чуткому к красоте поэту. Не могу не поделиться отмеченным: «На ветках вязов завязала Весна зелёные узлы», «На взгорках первые побеги Торчат, как уши у зайчат».

Но соревноваться в многообразии образов красоты с природой, признаётся Людмила Татьяничева, тщетно:

Впервые встречаюсь с песней соловьиной,
 Я поняла тщету
 И силу слов.

Но ведь и у людей свои измерения красоты. Нередко в некрасивом, но добром, внутренне благородном человеке красоты душевной больше, нежели в писаном красавце. Об этом тоже никогда не забывала Людмила Татьяничева, напрямую выговорив это в стихотворении «Красота доброты».

Есть люди,
 Чья живая доброта
 И в старости
 Им прелесть придаёт.
 То, что тебе любо, что согревает тебя – всегда красиво:
 Любовь как солнце
 Созидает
 И утверждает красоту.

Гимном красоте звучит стихотворение «Красотой Зауралье славится». Да, по сути, вся лирика Татьяничевой настояна на красоте уральской природы, умноженной творчеством людей самых разных профессий. И особое место в иерархии творцов красоты занимает женщина-мать. Ей посвящены многие строки, сфокусированные в стихотворении «Мадонна». В самом деле, спрашивает поэтесса, почему художники на протяжении истории человечества славили не девушку, а женщину с младенцем на руках? И пытается ответить предположением:

Девичья красота
 Незавершённа.
 В ней нет ещё
 Душевной глубины.
 Родив дитя,
 Рождается мадонна.
 В её чертах –
 Миры отражены.

А само предположение опирается на личный женский опыт.

И лишь во сне мы повторяем: «Мама»,
 И наши сны оберегает мать.
 А ночь идёт, всю землю обнимая,
 Баюкая уснувшие дома.
 Но мать не спит.
 Я это понимаю
 С тех пор, как стала матерью сама.

И принципиально важным в контексте заглавной идеи её творческого признания: родина открыла ей не только свою красоту, но и людскую доброту. И потому-то увиденное и прочувствованное находит итоговый выдох:

Как ты прекрасна,
 Родина моя,
 Как велико
 Твоё очарованье!..

Как истинно русский поэт Людмила Татьяничева не могла не признаться:

*Для меня превыше нет награды
Словом-песней родину
Беречь.*

И она берегла так, как могла, как дадено ей было свыше. Даже тяжело больная, она свято выполняла свой долг, создавая прекрасные стихи – «В заброшенном людьми ауле», «Зёрна обиды в прах истолките», «Стук», «Рыжим кружится чёртом» и другие. Она спешила, как то было предвидено, предчувствовано ею самой ещё в 1973 году в стихотворении «Мне бы только успеть», когда до ухода из жизни оставалось семь лет.

*Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О России моей
Полным голосом спеть...
Чтоб за всю доброту
Отплатить ей добром,
Нужно песням звенеть
Серебром, серебром.
С ляписом пламенна медь,
Слишком празднична сталь,
Мою нежность излить
Они смогут едва ль.
Нежность к русской земле,
На которой росла,
Где цветам и ручьям
Я не знаю числа.
Виноватую нежность
К друзьям дорогим,
Что в боях заслонили
Нас сердцем своим.
Ведь покуда жива,
Я забыть не смогу
Кровь войны
На жестоком
На рваном снегу.
Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О народе своем
Полным голосом спеть!*

И второй раз мне довелось услышать ровный, спокойный голос Людмилы Константиновны в кругу друзей Василия Дмитриевича Фёдорова, который собрал нас, чтобы отметить выход в свет очередного своего избранного. И вновь попросили Людмилу Константиновну что-нибудь прочитать. Она откинула свою красивую голову, в смолянистых волосах которой прибавилось серебристых нитей, и начала читать стихотворение, которое я воспринимаю как нравственный устав её жизни и поэзии. Этими стихами я хочу завершить своё слово о прекрасном русском поэте, произнесённом с надеждой обернуть взор молодого и не очень молодого современника к миру раскрепощенья и раскрепощённой красоты в наследии нашей современницы.

*Я не ждала от жизни привилегий.
Считала счастьем быть такой, как все.
Весною холить робкие побеги,
Качать в ладонях веточку в росе.
В жару со всеми я томилась жаждой.
Сухарь последний другу берегла.*

*А вот в пути запела я однажды
Ту песню,
Что не петь я не могла.
Я рыла доты,
Строила заводы
И в зелень одевала пустыри.
С народом вместе прожитые годы
За мною встали, как богатыри.
Да, я не знала праздности и неги,
Но оттого не стала я бедней.
И то, что я живу без привилегий,
Считаю привилегией своей!..*

ПОЭЗИЯ

Наталья ПОНОМАРЧУК

Наталья Анатольевна Пономарчук – поэтесса.
Живёт в Подмоскowie

Я легко возвращаюсь в былое...

Предчувствие весны

Если снится ночами мне осень
 И не радует солнцем рассвет,
 Если друг неожиданно бросил,
 Есть сомненья, а счастья-то нет,
 Если странно, тревожно и грустно,
 Мысли тяжкие да через край,
 И еда не покажется вкусной,
 В отношениях полный раздрай,
 Бесплезно смотреть в окошко,
 Телевизор, компьютер, журнал,
 Лучше выйти расчистить дорожку,
 Чем искать подходящий канал.
 Надо сделать полезное что-то:
 Вымыть пол, заготовить дрова.
 И не важно, какая работа,
 Чтоб проветрилась голова.
 В снег пушистый нырну с головою,
 Сброшу груз не прощённых обид,
 Пусть исчезнут с сугробом весною.
 И уже ничего не болит.
 Я легко возвращаюсь в былое,
 Иногда забегая вперёд,
 На земле, что покрыта золою,
 Лучше новая поросль растёт.

Выставка Пикассо в Москве 2010

Как в зеркалах разбитых
 Изображений след,
 Осколки тесно слиты
 В немьслимый портрет.

Переплетенье линий,
 В которых явный сбой,
 Слагается в картины
 С неясною судьбой.

Смерть, нищета, пороки –
 Голубоватый цвет,
 Под серой поволокой
 Пугающий сюжет.

Парижские мотивы
 Рождают тёплый свет,
 Там циркачи красивы:
 Шар, девочка, атлет.

Коррида, пляж, скульптура –
 Презренье всяких норм,
 Где не важна натура
 Для искаженья форм.

Костюмы для балета
 И снова эпатаж,
 Здесь тайнопись сюжета,
 Иллюзия, мираж,

Фантазии, причуды...
 Художника рука
 Творит простое чудо –
 Наследье на века.

Благодарю лесное братство
 За буйство листьев и цветов,
 Грибов безмерное богатство
 Во мху болотном меж кустов,

Поляны спелой земляники,
 Малину с ароматом рос,
 Ковёр черники и брусники
 В тени осинки и берёз.

Простите, милая Чернушка,
Что мимо Вас я прохожу,
Мне шепчут веточки на ушко:
Смотри сюда, и я гляжу,

А там во всём великолепии
Стоит отменный Боровик,
Красивый, загорелый крепкий –
Он к невниманью не привык.

Спешу с почтеньем поклониться,
Любуюсь, а сама слежу,
Как расположена грибница,
Ищу вокруг и нахожу

Замаскированный под кочку,
Закрыт пожухлою травой,
Гриб белый с бежевым листочком
На шляпке, а за ним другой.

Маслята, рыжики, лисички,
Опята, грузди, глухари...
Охота на грибы – привычка,
Я снова встану до зари!

Небо смотрит на нас взглядом звёзд,
Деревенка глазами окон,
Мир бывает предельно прост
Для людей, завёрнутых в кокон

Из привычных житейских забот,
Из условностей и приличий,
Понедельников и суббот,
Меж которыми мало отличий.

Год за годом в делах земных,
Суетимся, меняя мысли,
Что витают в мирах иных,
Наполняясь духовным смыслом..

Души смотрят глазами людей
И в глазах отражаются сами,
Как и в окнах солнечный день
И созвездия с небесами.

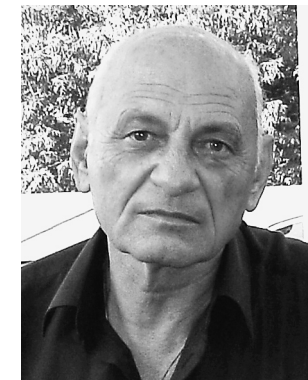

Дашутка

Большее всех на свете любила Дашутка свою маму. Вообще-то Дашутка всех любила: и отца, и старшую сестру Олю, и даже капризную Каву. Маленькая ещё, вот и капризничает. По правде-то имя у младшей сестрёнки было Клава, но Дашутка кусочек имени поначалу проглатывала, а за Дашуткой и все остальные тоже стали проглатывать.

Любила Дашутка и свой дом. Под островерхой железной крышей, в четыре больших комнаты, с запахом тёплым и вкусным, совсем не таким как в других домах. А двор! Просторный, со смородиновым палисадником, с качелями на старом тополе, с двумя сараями в глубине, а ещё дальше – садом и предлинным огородом аж до самого пруда, куда гоняли они с Олей гусей и уток. Замечательный двор, самый лучший на всём хуторе Чекуновском. Любила Дашутка и хутор, хотя на улице выходить одна побаивалась. Да ведь и делать там нечего – в сугробах улица, пусто на ней, разве что на санях кто проедет. А раздолья и во дворе вдоволь.

Правда, разгуливать особенно некогда. Маме да Оле помогать надо, а больше всего – с Кавой заняться, чтоб к взрослым по пустыкам не приставала. Но помогать Дашутке – не в тягость, все друг другу помогают, обычное дело. Вот летом Аникеевы дом обмазывали; весь хутор на толоку собрался. Шумно, весело, так и управились за день. Если вместе, то ведь и работа – не работа. А сенокос! Все на лугах; с детьми, с припасами. Днём – покос жаркий, работа, зато вечером – благодать. Костры, чай, песни с переливом по степи, звёзды... Зимой, конечно, не так, зимой всех-то и дел – по дому только, но у взрослых и дома забот хватает. Отец вот с утра куда-то отправился, Оля у коров убирается, мама блины затеяла – некогда ей – а у Дашутки нынче ещё беда: дёрнула да и надорвала Кава ручку у куклы, вот и думай теперь, как беде помочь. Каве – что, поелозила под столом и притихла, уснула, наверное. Стол в горнице большой, со скатертью кисейной, а под скатертью-то у них с Кавой – дом. Одеяло там ватное, две подушки, игрушек всяких полная коробка, лоскуты разноцветные и ещё всякое, в доме необходимое. Вздохнула Дашутка, и – под полог скатертный, к сопящей сестрёнке. Успокоила свою куклу, уложила и стала слушать шаги мамнины и шкворчание блинов на сковородке. Вкусные блины на коровьем масле, вот запах-то какой от них!

Владимир Анатольевич Глазков – русский, потомок донских казаков. Родился 15 июня 1949 года в городе Новоаннинский Волгоградской области. Пишет стихи и прозу. Публиковался в различных сборниках, в том числе во втором выпуске сборника стихов «Я вижу сны на русском языке» как лауреат Второго международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь!..», а также альманахах, журналах России и Украины – «Великороссы», «Камертон», «Склянка часу» и др.

Живёт в городе Черкассы на Украине.

Скоро отец вернётся, и сядут они все вместе за стол. На дворе зима колючая, а в доме у них тепло, чисто, да так уютно...

Разбудил её папкин голос.

– Ну-ка, малышня, вылезайте из своего шатра. Ёлку надо убирать.

Вот оно что, вот куда папка ездил: ЁЛКА! Потянула Дашутка Кава с мягкого одеяла, запрыгали обе, захлопали в ладоши.

Оля с мамой у стола хлопочут. На столе уж и хлеб ржаной пахучий, и щи со сметаной на пять тарелок, а блинов-то не стопка, башня целая. Кава – к столу сразу, а Дашутка растерялась: ёлка-то где? Поняла, выскочила в сени. Вот она! Большущая, разлапистая, с запахом не домашним – морозным. А в густых иголках не снежинки, слёзки поблёскивают.

– Не плачь, ёлочка, я тебя пожалею. Красной девицей нарядим, не плачь.

– Дашутка! – мамин строгий голос. – Сени студёные, заболеть хочешь?..

Поставили ёлку в горнице, укрепили надёжно, обложили крестовину ватой, набросали и на иголки пушинок ватных. Оттаяла она, отогрелась, запахло в горнице лесом. Вытащила Оля из сундука коробку картонную, и стали все советоваться, как игрушки развесить, чтобы ни одной веточке обидно не было. Всему место определили: и шарам, и баранкам маковым, и звёздочкам слюдяным, и цветным бусам. Не заметила Дашутка, как и сумерки в комнату поплыли – вечерять время...

Собрала Дашутка коту со стола – её это забота:

– Пикаш, Пикаш!

А его и звать не надо, тут как тут. Попили за разговором чаю мятного самоварного, поднялся отец, перекрестился.

– Слава Богу, прошёл день.

Прошёл день. На простенке лампа уж теплиться, а за окнами темно, давно пора ставни закрывать.

Спали они с Олей на полатах, на тёплой печке во второй комнате. Просторно там, и впятером не тесно бы, но Кава – маленькая, рано ей ещё по приступкам взлезать, высоко.

Разделась Дашутка и прошла по мягким вязаным половикам в тёмную горницу. Глянула в красный угол: икона в окладе медном, а под нею – огонёк лампадный. Малюсенький вроде, тусклый, а всё освещает. Знакомая комната, но стоит в ней не ёлка из леса, а вовсе непонятное что-то, загадочное. Тихо стоит, задумчиво, даже искорки лампадные на шарах и бусинках замерли. Подняла Дашутка глаза к иконе, прошептала тихонько «Отче наш», поклонилась низко – как мама учила – и пошла укладываться...

Праздники скоро. Рождество. Новый год. На всём Чекуновском к праздникам готовятся, по гостям будут ходить, песни петь. Придут Аникеевы с Алёшкой и Верой, бабушка Фрося соседская, дядя Петро, может и ещё кто. В их доме часто гости собираются, по всем праздникам, хоть зимой, хоть летом. Филимоновский дом работающий да хлебосольный, Дашутка сама слышала, как дядя Петро это говорил. Дядя Петро – хороший. И бабушка Фрося. И Ванюшка, и Катя... И все-все...

Заснул хутор Чекуновский. Угомонился. Засыпала Дашутка, покойно ей было и хорошо. Да может ли быть по-другому? Так и будет всегда.

Не ведала Дашутка, что не обычный грядёт год, что катится неумолимо и на неё, и на её дом, и на заснеженный казачий хутор, и на весь-весь людской род невиданная волна нового века.

Двадцатого.

... Через четыре года заворчит горизонт предвестными громовыми раскатами тяжёлых и непонятных слов: маньчжурия, революция, баррикады. Но стихнет всё до поры, уляжется. Весной четырнадцатого благословит Дашутку мама своей иконой, и увезёт её высокий красавец с певучим именем Митя к себе в дом – на хутор Красинский. Жить. А ещё через полгода ударит первая волна обвальная, заголосят жалмерки по мужьям-казакам, и покатится уже всё как с горы: войны, революции, тиф, расказачивание, голод... Зачем? Разве плохо жилось на земле, разве не желала Дашутка всем-всем на свете того же что и себе: здоровья доброго, любви, тепла и уюта?

Никто её не спросил.

И гулял полоумный век, скалил железные зубы, крушил, надрывался сиренами, накрывал то ударными армиями, то ударными темпами, рвал в клочья надежды, расшвыривал семьи. Для чьей лучшей жизни?

Не для Дашуткиной.

Столько испепеляющего было, что обуглиться бы душе, почернеть и потрескаться.

Не обуглилась. В семьдесят первом – уже в Черкассах – сунулся я в закрытую комнату и обмер: стояла она – маленькая и тихая – на коленях перед своей иконой. Никогда вроде и в церковь не ходила, и молящейся её никто не видел. А ведь никому и не нужно видеть. Обожгло меня стыдом, прикрыл дверь и отошёл тихонько. О ком молилась? Не о себе – точно. О нас. О моей душе, наверное...

В семьдесят пятом её не стало. И прошелестело по многолюдному городскому двору: «Доброты-то было – немеряно... Бабушка из сказки».

Бабушка Даша.

Дарья Ивановна.

Дашутка...

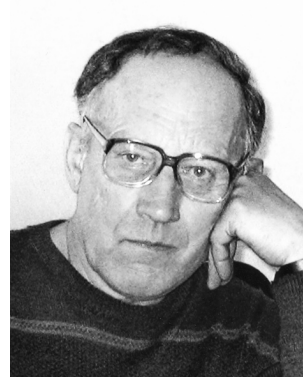
ПОЭЗИЯ

Александр СТАНИШЕВСКИЙ

Александр Дионисович Станишевский родился в 1940 году в Красной Поляне в семье учителей. Член Союза писателей России. Печатался во многих коллективных сборниках и альманахах, а также в «Боровских известиях», «Тихоокеанском комсомольце», «Пограничнике на Тихом Океане», «Лобне», «Московском литераторе», в «Литературной газете». Лауреат литературных премий имени Грибоедова, Некрасова, Чехова и Есенина «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии».

Живёт в городе Лобня.

Другим огнём горю...

Ладонь

Ты видишь – вот моя ладонь,
Мужская пятерня!
В ней разгорается огонь,
Встревоживший меня.

Наверное, горячий блин
Схватил я невзначай,
О сковородке подзабыл,
Размешивая чай?

Вполне картошка быть могла
В мундире, как огонь,
И кожа мне пальцы жгла
И жалила ладонь!

Но это всё не то, не то...
Другим огнём горю!
Я не забыл в духах пальто,
Потом ладонь твою.

Такая нежная была
И тёплая ладонь
И в кровь мою передала
Невидимый огонь.

Фермер

Коллеги – все учёные,
Такие молодцы!
А я лошадку чёрную
Хватаю под уздцы,

Овец гоню на пастбище,
Где свежая трава
Ничейная пока ещё,
И не нужны права.

Но чует лошадь верная
И щавель щиплет впрок:
Пришлют с «бумагой скверною»
Внушительный налог.

В углу – печати синие...
Жена мне скажет: Режь!
Но пенсия с субсидией
Нам не закроют брешь.

За ссудой мы не бегали,
Сводили все концы
И были пред коллегами
Такие молодцы!

Друзья мои – учёные,
В науке знаю толк,
Но дни настанут «чёрные» –
Кто денег даст мне в долг?

ПОЭЗИЯ

Гурген БАРЕНЦ

Гурген Баренц (Гурген Сергеевич Карпетян) родился в 1952 году в Ереване. Поэт, переводчик, журналист, литературовед. Кандидат филологических наук, специалист по русской и армянской литературе. Стихи и переводы печатались в таких антологиях современной армянской поэзии, как: «Лоза и камень», «Дух родного крова», «Современный армянский рассказ». Составитель сборника произведений русскоязычных армянских писателей «Лоза и камень» (Ереван, 1985). Автор нескольких сборников переложений сказок народов мира на армянский язык. В 2010 году вышла книга избранных стихотворений Гургена Баренца «Уроки Дороги».

Живёт в Ереване.

Мне нравится читать твои глаза...

Мне нравится
Читать твои глаза,
Читать, читать –
Страницу за страницей.
В них повесть жизни
Вьётся, как лоза,
В них между сном и явью
Нет границы.

Мне нравится
Читать твои глаза.
Я эту книгу
Знаю и не знаю.
В ней – пенье птиц,
В ней – благодать лесная..
Заснула книга.
Смолкли голоса.

Пчёлы исчезли:
Плачу по пчёлам.
Птицы исчезли:
Плачу по птицам.

Берегите поэтов!
Если поэты исчезнут,
Будет некому плакать
По пчёлам, по птицам..

Никогда не просил у Бога
Лёгкой жизни.
Время придёт – попрошу
Лёгкой смерти.

Дочери Ане

За тридевять земель,
За океаном,
Живёт кровиночка-дочь.
За тридевять земель,
За океаном,
Горит свеча,
И она согревает мне душу.

В этой жизни мне деньги не светят:
Не сумел, не успел преуспеть.
В голове только рифмы да ветер,
Для успеха – нехитрая снедь.

В этой жизни мне слава не светит.
Славе нравится шелест банкнот.
Окочурюсь – никто не заметит.
Может, Муза печально вздохнёт.

Везунчики

Бывают же в жизни везунчики... баловни судьбы... любимчики фортуны! Им всегда, везде и во всём везёт: и в мелочах, и по-крупному. А они подчас даже не замечают своего везения. Мало того, им ещё хватает наглости роптать на судьбу. Взять хотя бы мою приятельницу – Марусю. С ней мы каждый день штурмуем транспорт, начиная с электрички, и, кончая троллейбусом, когда добираемся по утрам до работы. Так-то она – девка ничего, но как начнёт перечислять все свои несчастья... с утра меня заводит – и то ей нехорошо, и это ей плохо, и этот сделал что-то не так, и тот не угодил ей чем-то. Если все её претензии к жизни вбирать в себя, можно стать, по меньшей мере, неврастеничкой, впрочем, как и она сама. Поэтому я слушаю её, честно говоря, в пол-уха, кидая ей иногда в ответ ради приличия два-три слова, но и это напряг. Мне хотелось бы подремать (час-то ведь ранний) или почитать что-нибудь, или просто посидеть подумать о жизни. А она всё лепит и лепит. Но что делать!? За всё в жизни приходится платить. У каждого есть выбор. Не хочешь полчаса в гордом одиночестве, стоя, читать книгу, а хочешь полчаса нежиться в мягком кресле (едем в экспрессе), сиди и слушай, что тебе люди говорят, пусть даже они и жалуются на судьбу. Вот я и сижу. Решила воспользоваться, так сказать, удачливостью другого, коль своей не хватает. Без Маруси мне никак. Её счастливая звезда помогает ей притягивать к себе двери транспортного средства: будь то электричка, автобус или троллейбус. Эти самые двери широко распахиваются как раз напротив Маруси, причём, где бы она ни стояла. В моём случае – наоборот. Сколько раз я пыталась обмануть судьбу – нулевой результат. И это не только касается транспортных средств. По жизни, мне также не удаётся ухватить судьбу за хвост, вечно он ускользает. И поэтому для меня было полной неожиданностью услышать от Маруси в одно прекрасное утро, когда она, кстати сказать, была на самом пике раздражения, что я – очень везучий человек. Услышав это, я очень долго не могла прийти в себя: «Вот это да! Со всем не ожидала!»

– Везёт же тебе, ни мужа у тебя, ни детей, ни внуков. Сама ты себе хозяйка. А тут хоть пропади. С утра настроение испортят, накрутят так, что хочется сковородкой по голове, а тыходишь в вагон спокойная, вальяжная, улыбающаяся – как королева.

Алла Александровна
Синьковская – прозаик.
Живёт в Подмоскowie.

Вот это да! Это для меня откровение!: «Эх, Маруся, Маруся! – думаю я, – знала бы ты, как мне хочется, чтобы вот так по утрам кто-нибудь раздражал меня». Но я молчу.

– Эти мои «свистульки» так просто никогда не позвонят мне, звонят только тогда, когда им что-нибудь надо...

«Эх, Маруся, Маруся, – думаю я, – как бы я была счастлива, если бы мне, хоть иногда, звонили маленькие "свистульки" и не просто звонили, а чего-то хотели от меня, я бы перед ними в лепёшку расшиблась». Но я молчу.

– Дача эта грё...я. Да видела я её, как негры на ней пашем, света белого не видим: то грядки делаем, то сажаем, то поливаем, то косим и всё быстрее, быстрее, быстрее, а то можно подумать, куда-нибудь опаздываем. Измучилась я вся.

– Но всё-таки хорошо, ведь целый день на свежем воздухе, – вставляю я.

– Да, на свежем воздухе, но сколько сил уходит на эти грядки, никакого свежего воздуха не захочешь.

«А я бы была согласна пахать на этих грядках, лишь бы они у меня были», – опять думаю я, но молчу.

– Или взять хотя бы машину... сколько эта прорва жрёт бензина, – продолжает проклинать свою судьбу Маруся, – опять же, ремонт, запчасти...

«Да, выходит дело, разнесчастнейший ты человек, Маруся», – иронизирую я в уме. Ей же говорю:

– Но ведь машина это чудесно. Как бы вы добирались без машины до дачи? – На этом наш разговор прерывается по причине прибытия нашего экспресса в место назначения.

В следующий раз мы встречаемся с Марусей месяца через полтора. Оказывается, они с мужем через день после нашего с ней разговора попали в аварию. В то время, когда они стояли на красном светофоре, откуда-то справа, им наперерез на бешеной скорости вылетел джип и со всего маху врезался в нос их автомобиля. Ещё бы чуть-чуть и... страшно себе представить, чем бы могло всё закончиться, но закончилось так, как заканчивается у везунчиков – муж отделался небольшим сотрясением мозга, Маруся же – переломом указательного пальца левой руки и несколькими ссадинами на лбу и носу.

– Вот теперь машину ремонтировать надо, всё не слава Богу, – сказала мне Маруся при встрече, не осознавая, вероятно, того, что они могли ведь просто-напросто погибнуть. Зато я осознала для себя, что я в какой-то степени тоже везунчик, хотя бы уже потому, что никогда не попаду в аварию на своей машине, потому как её у меня нет. И вообще, у каждого в жизни своё везение. Кто бы с этим спорить стал, не правда ли?

Странная женщина. Белая ворона

«Не странен кто ж?» – спрашивает поэт. «Странны не мы!» – с безапелляционной уверенностью можем ответить ему мы. Наши соседки, которые тусуются во дворе на лавочках, именно так и считают. У них свой, вполне сформировавшийся, так сказать, в их ареале взгляд на мир и, упаси Господь, если кто по-своему, отлично от них, мыслит – тому несдобровать, заклюют, как белую ворону. А кому хочется быть заклёванной, хотя бы и словесно, тем более что известно о великой силе одного единственного слова, которое может и вылечить, и убить. Лучше уж не связываться с остроумными, где-то промолчать, где-то согласиться, здоровье дороже. Многие так считают. Но вот Глафира Сергеевна Пономарёва не желала ни под кем прогибаться. Она имела свою жизненную установку, не особо афишировала её перед всеми, но неукоснительно руководствовалась. Причём даже на бессознательном уровне – то есть эта установка была как бы её, Глафириной, сутью, против которой Глафира Сергеевна не могла, да и не хотела идти в угоду даже нашим соседкам.

– Ненормальная она какая-то, да, да, совсем ненормальная, – судили да рядили её и наши соседки, – надо же, выдумала собак бродячих подкармливать, кошек собирала, а теперь ещё и бомжам угощение носит. Жила бы да жила себе спокойно – всех ведь не накормишь, не обогреешь...

Странная она, очень странная.

Глафира Сергеевна прекрасно знала (мир не без добрых людей) всё, что говорилось за её спиной, но это ни в коей мере не мешало ей заниматься благотворительностью. Ей было дико, она не понимала, как это не пожалеть ближнего: будь то человек или животное. Кстати, если соседок в чем-то припекало, она помогала и им, что, однако, не останавливало их в злословиях за её спиной.

Апофеозом всех чувств стал один случай, позволивший соседкам почесать языки и повеселиться всласть, на все сто. Причиной, конечно же, была Глафира. Случилось это где-то в начале ноября, когда первые заморозки уже чуть-чуть прихватывали ещё не совсем остывшую землю. Какой-то подвыпивший мужчина решил улечься (не специально, конечно, – но вот притянуло) в самый центр слегка подёрнутой тонким ледком лужи. Все соседки умирали от смеха при виде стараний, которые прикладывала Глафира Сергеевна по спасению несчастного утопающего. Все дружно хохотали, но ни одна не помогла Глафире, мало того, осудили её все по полной программе:

– Нет, она, положительно, сошла с ума... и не противно ей возиться с грязным алкашом? Фи, какая гадость!

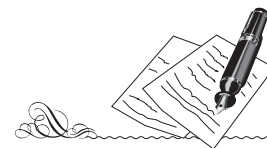
– Он же живой, замёрзнет... Если останется на ночь в холодной воде при минусовой температуре, замёрзнет, – как бы читая мысли соседок, оправдывалась Глафира. Её старания увенчались успехом. Ей удалось кое-как сначала выкатить его из лужи, а потом и вовсе поднять на ноги. Понемножку он пришёл в себя, смог даже говорить. Оказалось, что он живёт на ближайшей улице. Глафира проводила его до дома, позвонила по домофону его домочадцам... и, как истинная героиня, не дожидаясь похвалы, награды и славы, ушла.

Прошло несколько дней. Соседки в своих пересудах немного поутихли, а тут опять...

– Глафира даёт! Ну, Глафира и даёт! Вы видели, какой мужик её разыскивал!? Весь из себя красивый, хорошо одетый, с цветами и в шляпе. Представляете себе, это тот, из лужи. Не узнать, просто не узнать. Он её разыскивает, спрашивает у нас, а она как раз и идёт. Поговорили при всех. Оказывается, он совсем не пьёт, а в тот вечер был у приятеля на дне рождения, ну, и заставили... как он благодарил Глафиру, чуть ли не на колени встал, умолял взять цветы в знак признательности. А она, как истукан, вытянулась вся в струночку и так серьёзно, серьёзно ему: «Не возьму цветы, ни за что не возьму. Помогать ближнему – это долг каждого человека. Оно и в Библии так сказано. Если бы на Вашем месте был какой-нибудь бомж, я сделала бы то же самое...»

А он ей: «Странная Вы женщина, странная...»

– Ну и мы о том же – с т р а н н а я...

ПАМЯТЬ

Сергей ПРОХОРОВ

Две встречи в Овсянке

Встреча первая. Октябрь 1989 года

В первом номере журнала «Истоков» поместил фотоматериал «Один день с Астафьевым». Более 20 лет прошло. Какие-то обрывки встреч, разговоров, смытые уже в памяти лица.

Один из штрихов образа жизни Астафьева – он и говорил, и писал, и пел, как думал, как было на самом деле, а не как требовалось по тогдашней идеологии.

Видимо, эта, порой обнаженная, правда о нашей жизни, да преподнесённая к тому же великим мастером слова, и тянула людей к Виктору Петровичу. Тянуло всех, кто читал его удивительно жизненные книги. Всех – от простого слесаря, рыбака до президентов. А творческих людей – писателей, художников, актёров – особенно.

Вот и в тот день, 6 октября 1989 года, группа гостей, литераторов из Москвы, Новосибирска, Томска, Барнаула, Бийска, Иркутска, Читы, ехали в Овсянку – на родину Астафьева.

В автобусе, который вёз нас мимо мелькающих по обеим сторонам осенних пейзажей, было шумно. Кто-то обсуждал вчерашний благотворительный вечер «Памяти Шукшина» в Большом концертном зале, кто-то кому-то читал свои стихи.

Временами врубалась в автобусный шум-гам магнитофонная песня про «Катунь» – речку детства Василия Макаровича Шукшина на слова алтайского поэта с Белокурихи Виктора Ащеулова. Он сидел со мной рядом и объяснял мне, как дорого – в две тысячи рублей – обошлась ему запись этой песни. Но был очень доволен и собой, и песней, которую слушал уже, наверное, в сотый раз.

С удовольствием слушал её и я, и под мажорное звучание хора, исполняющего песню, вспоминал вчерашний вечер в Большом концертном зале, посвящённый Василию Макаровичу Шукшину.

Народу в зале было битком. К сожалению, он не мог вместить всех желающих – настолько интересен был красноярцам этот вечер. Интересен, в первую очередь, темой: «Россия! Русь! Храни себя, храни», чего уже давно не хватало им, всем нам, оглушённым эстрадными «супер-шоу», не хватало духовного общения, настоящего литературного слова.

Сергей Тимофеевич Прохоров – основатель и редактор сибирского межрегионального литературно-художественного журнала «Истоки». Печатался в журналах «Юность» (Москва), «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Рукопись» (Ростов-на-Дону), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Наше поколение» (Молдова)... Автор семи книг стихов и прозы. Член Международной Федерации русских язычных писателей.

Живёт в посёлке Нижний Ингаш Красноярского края.

Концерт начался с документального фильма красноярского кинорежиссёра Владимира Кузнецова «Русский узел». Я уже смотрел его раньше, и он меня потряс необычным ракурсом осмысления национальной трагедии, забытым русским колоритом и удивительным, не слышанным мною раньше такой высокой красоты звучанием гуслей. И игра гусляра уносила куда-то высоко-высоко, очищая душу от всего, что томило и отяжеляло её.

И вот на сцену поднимается группа писателей во главе с Виктором Петровичем Астафьевым. Сегодня он впервые надел звезду Героя Социалистического Труда, но, как мне показалось, испытывал при этом не гордость, а скорее стеснение...

Писатели читали свои произведения, делились со зрителями своими планами, вспоминали добрым словом Василия Макаровича Шукшина.

По счастливой случайности на этой сцене среди писателей оказался и я. Где-то и гордость распирала, но больше страх, потому что и мне предстояло впервые в жизни в таком переполненном зале (около двух тысяч зрителей), а главное, перед самим Виктором Петровичем читать свои стихи. Ноги были ватными, когда делал несколько шагов к микрофону. Голос сорвался при первом же слове. Я и сейчас, по прошествии стольких лет, не могу представить, как сумел тогда преодолеть этот секундный страх, сковавший мне горло, но вдруг голос вырвался из оков страха, зазвенел и я почувствовал, как открылась моя душа перед залом, и зал, казалось, понял меня...

А потом звучал объединённый церковный хор Покровского и Троицкого храмов. И уже за кулисами сцены Виктор Петрович, как бы мимоходом коснувшись моего плеча, сказал:

– Надо тебя, Серёжа, окрестить...

Это он, видимо, о строках моего прочитанного стихотворения:

*И я свой крест, с рожденья не крещённый,
по всей Руси с надеждой пронесу...*

Легонько так коснулся, а я то прикосновение до сих пор помню. Тогда я ещё не осознавал, какую удачу послала мне судьба, и не понимал в полной мере желания большинства литераторов попасться на глаза Астафьеву.

Поэт из Томска Михаил Андреев всю дорогу просил меня (я один из немногих был с фотоаппаратом) запечатлеть его непременно на плёнке рядом с Виктором Петровичем, что я и сделал. И вообще, мы много фотографировались, когда останавливались по пути в Овсянку в самых интересных местах: на фоне знаменитых красноярских столбов, любясь их затейливыми контурами, на смотровой площадке, откуда открывалась захватывающая панорама Красноярского моря и ГЭС. Так вот с разговорами, песнями, любованием красотой сибирской осени незаметно докатили до конечной остановки нашего маршрута.

Овсянка. Обычная, как и большинство деревень красноярского края. Не будь здесь усадьбы Астафьева, была бы равной среди бесчисленного множества Ивановок, Николаевок, Малиновок...

Покопавшись немного с замком, Виктор Петрович гостеприимно распахивает ворота своей усадьбы. Ограда выстлана деревянным настилом. Внутри её, у входа в избу, аккуратно сложенная поленница дров, слева – беседка. Внутри дома всё по-простому, по-деревенски: русская печь, стол у окна, на полу самотканые дорожки. Неприхотлив и кабинет писателя: книжный шкаф, рабочий стол, кресло. К месту вспомнились строки украинского поэта Микола Негоды:

*На енисейском берегу отлогом
Бревенчатых домов неровных строй.
После скитаний по чужим дорогам
Сюда приходит Мастер, как домой.
В свою Сибирь, в своё село родное,
К дымящим росам, к зорям золотым,
В закуток свой – приделец за стеною,*

*Скрывающий от мира суеты.
Здесь он за стол садится спозаранку,
Чтобы трудиться до заката дня.
Крестьянскую отцовскую Овсянку
Он в жизни ни на что не променял.
И если непокой вас кружит слишком,
Задумайтесь, на миг, умерив прыть:
Он там, в Овсянке. Он сидит и пишет.
Не помешайте Мастеру творить.*

Ознакомившись с сельским укладом жизни писателя, в котором он проводит значительную часть своего времени, идём в духовный центр Овсянки – астафьевскую библиотеку. На тот период, да, пожалуй, и сейчас это главная достопримечательность деревни. Такому «книжному храму», созданному на средства писателя, может позавидовать не один город. И каждый из литераторов, пришедших в тот день сюда, нашел на книжных полках своё творение.

А впереди нас ждал ещё пирог дружбы. Но прежде, чем отправиться туда, Виктор Петрович пригласил всех почтить память предков на местном кладбище, где покоились и его родственники, его, рано ушедшая из жизни дочь Ирина.

Как к алтарю в храме, троекратно крестясь, подходит писатель к заветным оградкам, поправляет венки, поливает из прихваченной из дому канистры цветы на холмике могилы. Скупое, но тепло и уважительно рассказывает о тех, кто покоится здесь:

– Тут вот бабушка с бабушкой лежат, здесь дочь Ирина... Все мы смертны на этой земле. Скоро, наверно уж, и я уйду. Вот и место себе рядом с доченькой любимой приготовил...

Большая железная узорнойковки ограда наводила на грустные мысли о бренности нашей жизни. Но скоро эти мысли улетучились, как только мы вывалили из автобуса и, разминая затёкшие от сидения суставы, увидели радушное, приветливое лицо хозяйки дома, где нас ждал загадочный пирог дружбы.

Дарья Ивановна, настоящая русская красавица, жена писателя Анатолия Ларионовича Буйлова, радостно улыбаясь, пригласила нас в дом откусать, что Бог послал.

Домик маленький, дачный. За столом, щедро уставленным дарами огорода и леса, все уместиться не смогли: кому-то пришлось лезть на чердак, который завсегда этого гостеприимного дома в шутку прозвали гостиничными «номерами», и довольствоваться обедами с «барского» стола.

Мне повезло. Я оказался на лавке у жарко натопленной печки. И хоть было очень тесно, не повернуться, я чувствовал себя превосходно. Главное, почти напротив меня, чуть-чуть наискосок, сидел раскрасневшийся от тепла и выпитой первой стопки коньяка сам Астафьев. И вступительный тост его за столом мне понравился. Все ожидали от него высоких, торжественных слов, а он сказал по мужицки просто:

– Ну, будьте здоровы, не болейте и живите долго!

Выпил два стакана с небольшим перерывом на закуску, опрокинул стакан вверх дном, сказав, как отрезав:

– Всё, норма!

Возвращались весело, с песнями. Вместе со всеми пел и Виктор Петрович. А я слушал и думал: и внешне, и разговором вроде мужик мужиком, а как пишет, как умеет в своих творениях, создаваемых в простой крестьянской избе за обычным письменным столом, раскрыть человеческую душу, вывернуть её наизнанку, показать характер, тонко, как самый чувственный лирик описать окружающую героя природу! И впрямь всё талантливое, гениальное, наверно, просто? Или, может, это просто-напросто Астафьев Виктор Петрович – человек в единственном лице и проводить здесь сравнения, аналогии просто нет смысла...

Встреча вторая. 2009-й год

На открытие Астафьевских дней в Красноярске наша творческая группа из Нижнего Ингаша и города Иланского опоздала буквально на считанные минуты. Путь неблизкий – 300 километров. Но на главные мероприятия успели.

Впечатляющие моменты: встреча с супругой писателя Марией Семёновной, с литературным критиком Валентином Курбатовым. Мария Семёновна сильно сдала, но держалась молодцом, отвечая на все вопросы неугомонных журналистов, облепивших старушку со всех сторон, чуть ли не в лицо тыча ей объективами телекамер и фотоаппаратов.

Выступление Курбатова было потрясающим. Раздобыл текст его речи для своего журнала. Удалось и обмолвиться с ним словом. Встретив в зале выставочного центра, попросил сфотографироваться на память. А потом представил ему свой журнал.

– Ну, хитрецы, – улыбнулся Валентин Яковлевич. – Попросили только сфотографироваться, а сами с журналом. «Истоки»? Читал, читал. Особенно понравилась статья Антонины Пантелеевой об Астафьеве. Интересна и ценна.

Курбатов торопился на очередную встречу, и мы не стали его задерживать. Да и самим не терпелось познакомиться со всем, что происходило в этот день на всех трёх этажах делового выставочного центра MixMaха.

Кстати, место проведения Астафьевских Дней многим пришлось не по душе. Об этом первым высказал своё мнение Валентин Курбатов. Почему? На этот вопрос красноречивее всего отвечали вывески вдоль здания, напоминавшие о далеко не литературных делах и проблемах, которые происходят здесь ежедневно, и вновь оживут через два дня, как ни в чём не бывало. И все эти многочисленные стенды о жизни и творчестве выдающегося сибирского писателя, подготовленные с любовью работниками Литературного музея, опять будут упакованы и отправлены восвояси.

Но пока труд людей, принявших самое активное участие в подготовке празднования 85-летия Виктора Петровича, волновал, радовал взоры пришедших.

Каждая площадка, где выступали литературные, театральные, народные коллективы, несла в себе определённый период, интерес, смысл жизни писателя. От удочки с картофелиной – до многоярусной полки с наградами, от первой тоненькой с пожелтевшими корочками книжки – до толстенной объёмистой, выполненной по последнему слову современной книжной печати книги стоимостью до тысячи рублей. Не знаю, поразился бы он, увидев такую печатную роскошь, или огорчился ценой, недоступной безденежному читателю.

Завершила наш творческий марафон в Астафьевских Днях поездка в Овсянку. Наш транспорт быстро катил по гладкой асфальтированной дороге. Мимо проплывала сибирская красота, которую хорошо понимал и любил своим щедрым всеобъемлющим сердцем великий писатель. Мелькали берёзы, сосны, проплывали доли, отроги Саян. И мне почему-то вдруг вспомнились слова Виктора Петровича из рассказа «Тельняшка с тихого океана». Вспомнились дословно. Я потом, уже дома отыскал это место:

«Я не изведал того пламени, какой сжигал Лермонтова, Пушкина, Толстого, не узнал, каким восторгом захлебывались они, какой дальний свет разверзался перед ними и какие истины открывались им. Но мне тоже светил вдали огонёк, звал, обещал удачу. Я тоже знавал, пусть и краткое, вдохновение, болел и мучился словом, и мои муки никому не ведомы, и моя радость сочинённой строкой, сотворением собственного чуда останутся со мною. Пускай не пламень, только огонь, даже отсвет его согрел и осветил мою жизнь, спасибо судьбе и за это. Спасибо и тебе, многотерпеливая бумага, и прости меня, лес живой – это из тебя, из живого, сотворили мёртвую бумагу, на которой, мучимый природным даром, я пытался оживить и лес, и дол, и горы, очиститься душою и чаем, всегда чайл, хоть немножко, хоть чуть-чуть помочь сделаться людям добрее...»

В заново построенном доме бабушки писателя, где разместился филиал музея Астафьева, я был впервые. Всё здесь сделано тоже с любовью и памятью к прошлому Виктора Петровича, его предков. И основательно, всё до мелочей продумано и воплощено.

А в доме-музее, где жил и работал Виктор Петрович, всё по-прежнему. Вот только нет в ограде поленницы дров, а на месте летнего круглого стола, за которым иногда отдыхал и, может, даже пивал чай писатель, возвышается памятник – отдыхающая чета Астафьевых: Виктора Петровича и Марии Семёновны. Когда я посмотрел на памятник из окна веранды через объектив своего фотоаппарата, на мгновение почудилось, что сидит живая отдыхающая пара, грея на солнце усталые босые ноги.

Два астафьевских дня пролетели, как два часа.

ПОЭЗИЯ

Екатерина ШИДЛОВСКАЯ

ЕКАТЕРИНА ШИДЛОВСКАЯ

Екатерина Владимировна Шидловская – поэт, прозаик, известная модель, общественный деятель, занимается благотворительностью. Член совета правления Фонда «Возрождения Народной Культуры». Член Союза Писателей России. Родилась в 1976 году в Москве. В 1996 году завоевала титул Мисс «Хрустальная Корона России» и вице-мисс конкурса «Miss International». Окончила РЭА им. Г. В. Плеханова (экономический факультет) и МГУ им. М. В. Ломоносова (философский факультет). Училась в Greenwich school в Лондоне. В 2003 году выпустила свой первый сборник поэзии «На осколках ночи». В 2011 году вышел сборник поэзии «Утро раннее».

Живёт в Москве.

И БЫЛО Слово, были День и Ночь...

Крещение

Морозный ветер, принеси
Народу всепрощение.
Великий праздник на Руси -
Крещение, Крещение!
И по церквам колокола
Взметнутся стаей первою.
Чиста Россия добела,
Сильна своею верою.
Застывший город, ломкий смех
Живое отомщение.
Простится всё, прощает всех
Российское Крещение.

И было Слово, были День и Ночь.
В пространстве пела золотая вьюга.
Века сменялись, уносились прочь.
Настало наше время –Кали-Юга.
Свинцовый вкус железа на губах,
Библейский змий, приникший к каждой ране,
Холодная апатия в глазах,

Сожженье старой веры в Божьем Храме.
И Тот, Кто жизнь свою отдал тогда,
В смирении надев венец терновый,
Несёт свой вечный крест...
Летят года... Его Завет давно уже не новый...
«Распят! Несётся праздная молва,
Пускай помолится за души наши!»
Давно утеряны Его Слова,
И опустела покаянья Чаша...
Так к Истине святой запутан след,
Затоптанный в крови и равнодушие.
Не искупить страданья стольких лет,
Погрязших в лицемерье и бездушие.
Лишь ветерок тревожит по углам
Размытые, запуганные тени.
И некому воскликнуть: Аз воздам!
И некому молиться о спасении.

Я чувствовать уже устала,
Всё смыто, выпито до дна
И мне осталось очень мало,
Чтоб эту жизнь прожить сполна.
Я умирать уже не в силах,
Парить, растерзанная в дым,
И быть крестами на могилах,
И губы греть ещё живым.
И возрождаться вновь из пепла,
В огне сгорая, не гореть,
И упиваясь болью пекла,
Бесстыдно, беспощадно тлеть.
Всё повторится снова, снова.
Безумный, безутешный век.
В полях проржавлена подкова,
В стенах потерян человек.
Всё повторится! Боже, милый,
Возьми меня под сень свою.
Весь мир, покорный и постылый,
За всё, за всё благодарю.

Пожухлые листья, осенний вокзал,
Пронзающий, стонущий ветер.
Он многое знает, и много видал,
Он лишь не терял и не верил.
Как рано, как рано уходят всегда,
С кем жили, кем годы дышали,
На землю сырую спадает вода
Слезой печальной вуали.

О, мудрый Господь, я безмолвно молю
 О душах родных и любимых,
 Водю святой зеркала окроплю,
 Всё в бликах, едва уловимых...
 Они возвратятся, вернутся сюда,
 Осколками прожитой боли,
 Иным будет время, иными года,
 У нас будут новые роли...
 Господь милосердный, ты путь приоткрыл,
 Туда, где рассвет зачинался,
 Дай благодати тем, кто оставил наш мир,
 Дай силы для тех, кто остался.

Я склонюсь перед сводами старой церквушки,
 По-родному ступени мне проскрипят,
 У ворот приоткрытых строго смотрят старушки,
 И над куполом, в небе, журавлята летят.
 А внутри всё намолено, а внутри все насвечено,
 И церковные зорюшки льются светом с икон,
 Облаченное таинство с тишиною повенчано,
 Образа золочённые, мой явившийся сон.
 Я прошу милосердия, я прошу покаяния,
 За дороги без отдыха и за ночи без сна
 Было много проклятия, было много отчаяния,
 То ли жизнь, то ли осень, то ли крыл белизна.
 Ты прости меня, Господи, всё, что прожито – пройдено,
 Всё со мною останется, повторится в судьбе,
 Только сердце открытое всё Тобою наполнено,
 Я склонюсь перед сводами и приникну к Тебе.

Метафизика добра и зла, культуры и цивилизации

Конечно, все знают и что такое культура, и что такое цивилизация, и что такое добро, и что такое зло. Но это знание не является строгим и теоретическим, несмотря даже на свою научность. Строгие метафизические или онтологические, что одно и то же, определения добра и зла, культуры и цивилизации важно иметь для того, чтобы не было неоднозначного и противоречивого их употребления в современном знании. Противоречивое и неоднозначное их употребление ведёт не только к непониманию между людьми, но и к столкновениям между ними. Причём к столкновениям, как между отдельными личностями, так и между группами людей, между государствами и цивилизациями.

«Метафизические», «онтологические» – это определения, основанные на первоначалах Бытия, на учении о Бытии и Сущем. Это учение Аристотель называл первой философией. Андроник Родосский (I в. до н.э.), систематизируя труды Аристотеля, поместил его первую философию после (мета) «Физики», в результате чего первую философию в дальнейшем стали называть метафизикой.

В XVII веке Р. Гоклениус и Х. Вольф для первой философии ввели понятие «онтология». Так что первая философия, метафизика и онтология суть одно и то же. Это основание всего философского знания – без него философия оказывается весьма плюралистичной и противоречивой, в связи с чем И. Кант, подразумевая под метафизикой всю философию, сказал: «в метафизике можно нести всякий вздор, не опасаясь быть уличённым во лжи». Об этом мы также говорили в нашем эссе во втором выпуске альманаха «Великороссь» за 2007 год.

Чтобы были ясными и прозрачными метафизика и метафизические определения понятий культура, цивилизация, добро, зло, мы даём их, основываясь на нашем теоретико-множественном учении о Бытии и Сущем, являющемся введением в онтологию и называющемся аритмологией (это наши монографии «Аритмология (Введение в онтологию): бесконечность и рефлексивная сущность Бытия» – Таганрог, 2003 и «Первопринципы познания и устройства Мира» – Ростов-на-Дону, 2007). Вот кратко те положения аритмологии (название аритмология происходит, вслед за

Олег Борисович Станишевский – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ГОУВПО «Таганрогский государственный педагогический институт». Живёт в Таганроге.

А.Ф. Лосевым, от греч. arithmos – число и logos – слово, закон, учение), которые нам здесь понадобятся.

Первое. Единственным исходным основанием аритмологии является Бытие до всякого знания, познания и структурирования. Это – Всеединое Сущее, Единое, «молчащее» Всё. Это – То, что Есть. Есть – значит находиться в отношении Быть. Вот это Быть есть второе, и последнее, основание аритмологии. В Едином Сущем Всё слито воедино и неразлично, в том числе и отношение Быть – «всё во всём», как говорил Парменид.

Второе. Структурная актуализация отношения Быть являет и порождает бесконечную иерархию структурных уровней Бытия. Структурная актуализация – это актуализация вне каких бы то ни было пространственно-временных отношений. Пространственно-временные отношения являются двумя различными сторонами отношения Быть и играют роль формообразующих отношений объектной, то есть множественной сущности Бытия. Каждый структурный уровень Бытия представляет собой множество объектов Бытия, а вся бесконечная иерархия конечных и бесконечных структурных уровней представляет собой одну из трёх ипостасей Бытия – ипостась множественной сущности Бытия (об ипостасях Бытия говорилось в нашем эссе «Филиокве» в четвертом выпуске «Великоросса» за 2008 год). Для каждого структурного уровня, как объектного уровня, нижележащий структурный уровень является субстратным уровнем, объекты которого – это субстрат-объекты объектов объектного уровня. Актуализация отношения Быть на каждом структурном уровне означает актуализацию межобъектных отношений на этом уровне, или, что то же самое, явление объектов самим себе и друг другу. Всевозможные совокупности объектов, находясь между собой в развернутом на данном уровне отношении Быть, образуют объекты нового, вышележащего, структурного уровня, становясь, таким образом, его субстратом.

Третье. Сущностью знания, согласно А.Ф. Лосеву, является «для-себя-бытие». В аритмологии оно есть отношение некоего сущего, или объекта, к самому себе, то есть рефлексия и отношение быть объекта относительно самого себя. Поэтому «для-себя-бытие» есть также «знание себя». То есть быть и знать – это одно и то же (еще Парменид считал, что мыслить и Быть – одно и то же). Если говорится, что объект «а» находится в отношении быть относительно объекта «б», то есть для объекта «б» объект «а» есть, существует, то это то же самое, что объект «б» знает объект «а». Если речь идёт о том, что объекты «а» и «б» находятся между собой в отношении быть, или, что то же самое, находятся между собой просто в межобъектном отношении, то это означает, что объект «а» знает объект «б» и объект «б» знает объект «а».

Рассмотрим метафизику добра и зла. В современной философии одно из их определений звучит так: «Добро и зло – категории этики, выражающие нравственно-положительную и нравственно-отрицательную стороны в действиях и поступках человека». Добавлением к нему может служить определение из БСЭ: «Добро и зло это нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщённой форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой – нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности». Из этих дефиниций нетрудно выявить самую суть добра и зла. Добро – это положительное в действиях человека, то есть именно человека, а зло – отрицательное. Однако затем встает вопрос: а что является положительным или отрицательным в действиях человека? И что собственно это такое – положительное, отрицательное? Пытаясь ответить на эти вопросы, приходится либо сказать, что положительное – это хорошо, а отрицательное – плохо, либо начать перечислять, что положительное – это то, что доставляет людям удовлетворение, удовольствие, радость, благоденствие, улучшает их жизнь и т.д. и т.д. Отрицательное же – это всё то, что, наоборот, доставляет людям неудовлетворение, неудовольствие, всевозможные тяготы и лишения и т.д. Здесь можно впасть в противоречия, потому что для одних людей нечто может быть добром, а для других это же нечто может быть злом. Например, выживание за счёт других или жить богаче за счёт обнищания других является добром для одних и злом для других. В онтологических определениях

подобные противоречия должны быть либо отражены, либо элиминированы из них. В современном определении добра можно усмотреть ещё одну суть, а именно, что добро есть также и благо. То есть добро – это некоторое конкретное благо. Благо же – это «высший предмет и содержание воли (практической сферы жизни). В философии всеединства благо – наряду с истиной и красотой – определяет существенный уровень «общественного организма» (В.С. Соловьев)... Основной, объединяющий признак (и критерий) блага – «гармония человека и природы». Оно также есть «понятие, обозначающее нечто положительное для телесного и духовного развития человека... Различают материальные и духовные блага, а среди последних – абсолютное благо, или Бог, и субъективные блага, то есть добро, красота, радость и т.д.» («Современная философия: Словарь и хрестоматия», «Аритмология...»).

В аритмологии мы опираемся на идею блага как Верховное Всеединство, то есть на платоновское понимание Блага и созвучное ему понимание Блага у В.С. Соловьева. А.Ф. Лосев так передает суть идеи Блага у Платона: «Но Единое, порождая всё, порождает не только идеи... Оно порождает ум, то есть абсолютное самосознание, оно порождает душу, оно порождает космос и всё, что в нём... Этим вся система Платона, на ее диалектической ступени, получает своё окончательное завершение, а всё здание диалектики ... увенчивается шпилем Первоединого, уходящего в высоту, в бездну небесного и донесного бытия. Этот шпиль, верхний исход и начало диалектики и всего бытия, включая ум, душу, космос и всё, что в них заключается, Платон называет идеей Блага. В этой идее последний смысл и скрепа всего сущего. Она уже не бытие и не знание, но то, где оба они слиты до абсолютной неразличимости, то, что есть рождающее лоно бытия и знания, а не они сами». Для нас здесь важно уловить главное, а именно то, что Благо – это Единое и незнание (знание в Едином слито с ним до абсолютной неразличимости, отсутствие же различимости – это и есть незнание).

Примерно то же самое и у Соловьева: «Если в нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если в области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то осуществление всеединства во внешней действительности, его реализация или воплощение в области чувствуемого, материального бытия есть абсолютная красота». Зло в философии определяется как противоположность добра: «от понимания зла зависит также и определение понятия добра. В манихействе зло выступает как метафизическое понятие у Плотина, в христианской философии, у Августина, Лейбница, Я. Бёме, Шеллинга, Гегеля – все они искали ответ на вопрос: каким образом зло пришло в мир, можно ли и следует ли его устранить, играет ли зло ту или иную роль и какую?». На этот вопрос в аритмологии даётся чёткий и исчерпывающий ответ.

Поскольку зло есть противоположность Блага и добра, а Благо есть Первоединое, или просто Единое, то зло есть многое. Расчленение Единого, распадение его на многое, уничтожение гармонии единства духа и тела, Бытия и Быть есть зло. Другими словами, в аритмологии Бытие как Единое Сущее есть Благо, а множественная сущность Бытия есть не что иное, как зло. На непостижимо бесконечных структурных уровнях Бытие есть предельно распавшаяся на непостижимо бесконечное число объектов сущность Бытия. На этих уровнях бесконечно мало как единства, так и добра, а множественности и соответственно зла бесконечно много. Но что такое многое? Многое определяется отношением различения. А различение есть не что иное, как актуализированное отношение быть и знание (см., например, соответствующие наши статьи на сайте filosofia.ru). Чем выше структурные уровни Бытия, тем больше на них объектов, тем глубже и шире степень актуализации отношения Быть, тем больше знаний и зла на них. В Бытии как Едином Сущем, в Бытии до всякого знания нет ни зла, ни знания, Оно есть Благо и незнание. Такое незнание Лосев называл экстатическим знанием, экстазом, при котором субъект и объект слиты в единое до полной неразличимости.

Таким образом, мы видим, что благо и добро – это незнание. Чтобы из единого получить многое, надо его расчленить на части. А расчленить его можно только с помощью силы. Поэтому в аритмологии сила рассматривается как противоположность блага. А то, что знание есть сила, заметил еще Ф. Бэкон. Суммируя сказанное, с необходимостью приходим к следующему выводу: «благо и добро это незнание и единство,

а зло – знание, сила и множественность», или, что то же самое, «знание это сила и зло, а незнание – благо и добро». Его отражением являются художественные образы первочеловека и древа познания в библейском мифе, Мефистофеля в Гётевском «Фаусте», Воланда в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». А древние говорили: во многом знании много печали. Данная парадигма позволяет адекватным образом разобраться в том, где больше добра или зла – у Запада или у Востока? Для этого достаточно взглянуть на карту земного шара и увидеть, что, где и когда происходило и происходит. И окажется, что самые сокрушительные бедствия и разрушения принесли те, кто имел и имеет больше знаний (работоторговля, уничтожение индейцев, первая и вторая мировые войны, Хиросима и Нагасаки, наконец, являющие собой третью мировую войну военные акции знания и силы конца XX и начала XXI веков). Однако в действительности с добром и злом не всё так прямолинейно. Мы сказали, что чем выше структурный уровень Бытия, тем больше на нём объектов и тем больше зла на нём. Это с одной стороны. С другой стороны, объекты данного уровня представляют собой соответствующие подмножества объектов нижележащего уровня. В этих подмножествах субстрат-объекты связаны отношением быть в единое целое и потому в них наличествует добро, а не зло. Так что на самом деле имеет место следующий параллелизм: вместе с явлением зла на каждом новом множестве объектов Бытия имеет место и явление добра внутри новых объектов.

А это есть не что иное, как диалектика добра и зла, знания и незнания. Вместе с рождением нового зла рождается и новое добро. И от этого никуда не деться, что подтверждают и современные реалии. Так, когда-то империи были благом, а сейчас это зло.

Таким образом, метафизика добра и зла состоит в следующем. Добро – это единство и незнание, а зло – сила, множественность и знание. Посмотрим теперь на культуру и цивилизацию.

С определением понятия культура в современном знании всё обстоит достаточно однозначно и определено: «В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Культура, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа».

Не так всё просто с определением цивилизации. Например, философы говорят: «Цивилизация (от лат. *civis* – гражданин) это многозначное понятие, употребляющееся: 1) как синоним культуры, как её ступень, следующая за варварством, и 2) как особый тип органической целостности, являющийся либо симптомом упадка культуры, либо её высшей стадией».

В культурологии понятие цивилизации также считается неоднозначным: «Слово и понятие цивилизация столь же многозначны, как и «культура». Зачастую лексемы «цивилизация» и «культура» толкуются как синонимы, в литературном и публицистическом языке они часто взаимозаменяемы, хотя стилистически и различны»; «Наиболее краткое определение цивилизации таково: «цивилизация – социально-культурные комплексы, складывающиеся в разное время в различных областях Земли и несущие в себе черты социального и культурного своеобразия. Именно поэтому встречаются выражения «цивилизация инков», «греческая цивилизация», «древняя цивилизация» и др.». Из приведённых определений не ясно, что такое цивилизация: это люди или форма их бытия?

С одной стороны, утверждается, что «различие между культурой и цивилизацией состоит в том, что культура – это выражение и результат самоопределения воли народа или индивида, в то время как цивилизация – совокупность достижений техники и связанного с ними комфорта» и что соответственно означает, что цивилизация не есть люди или общество, народ. С другой же стороны, известно, что цивилизацией, всё-таки, называют определённое общество, сообщество или народы с определённой культурой, что означает, что цивилизация – это люди с определённой культурой.

Например, академик В.С. Стёпин говорит: «цивилизация – это социальный организм, генетическим кодом воспроизводства и развития которого выступает культура». Когда говорят «западная цивилизация», то имеют в виду общность людей с христианской культурой. Под «восточной цивилизацией» подразумевают общность людей, объединённых культурой традиционных жизненных устоев. Спрашивается – зачем нужна путаница между понятиями культура и цивилизация? Ведь ясно же, что культура – это форма, отношения, а цивилизация – люди, живущие в этой форме, в этих отношениях. Поэтому нет никаких оснований использовать понятие «цивилизация» как синоним понятия «культура». Им мы даём следующие онтологически, а точнее, аритмологически ориентированные определения. В них культура представлена как форма, а цивилизация – как субстрат (люди) в этой форме и вместе с формой. Итак, цивилизация – это сообщество, или общность, или совокупность, или просто множество людей или индивидов, объединённых одной культурой как формой и единством. То есть цивилизация – это общность людей, находящихся между собой в отношениях, определяемых одной культурой. Аритмологически, то есть на теоретико-множественном языке, определение цивилизации Ц записывается следующим образом: $C = \{x, K(x)\}$, что читается как «цивилизация Ц есть множество индивидов x таких, бытие и жизнь которых подчинены отношениям культуры K ». Культура – это выражение (идеальное, то есть духовное, и материальное) цивилизацией, или просто людьми, своего бытия и своей жизни в своём ином. Иным цивилизации является природа, то есть Земля и вообще всё мироздание. Поэтому можно и так сказать, что культура является отражением людьми своего бытия в окружающем их мире. Например, музыка – это одновременно и звук, и музыкальные инструменты, и ноты, и музыкальные тексты и т.п., то есть музыка существует в окружающих человека вещах. А что такое «выражение»? Выражение – это созидание цивилизацией всех форм своего существования. Другими словами, выражение – это создание культуры. Культура, ведь, является не застывшей, а непрестанно изменяющейся формой. А что такое созидание? Созидание – это взаимодействие, то есть активное и динамичное отношение субстрата цивилизации с самим собой и со средой. Субстрат цивилизации – это, естественно, люди, а среда – их иное.

Вот такова, на наш взгляд, метафизика добра и зла, культуры и цивилизации.

ПОЭЗИЯ

Михаил ГАРЦЕВ

МИХАИЛ ГАРЦЕВ

Михаил Исаакович Гарцев родился в семье военнослужащего в Москве. Окончил ВГИК, работал на студии неигрового кино директором съёмочных групп. После окончания ВГИКа служил в зенитно-ракетных войсках под Севастополем, а по завершении службы вернулся на студию. Офицер запаса. Автор поэтических сборников «Венок сонетов», «Сколорох Божий», «Ну, вот и всё...». Серебряный лауреат литературной национальной премии «Золотое перо Руси», член МГО СП России, награждён медалью «За верное служение отечественной литературе».

Живёт в Москве.

Реальное непостижимо...

Ты – Дом Моего Бытия

По правде, эпитет «великий»
навряд ли ласкает мой слух,
Отчизны моей светлоликой
смущая помпезностью дух.
У Родины вечно на страже
стоим, за Отчизну моля...
Но кто же о матери скажет:
ВЕЛИКАЯ МАМА МОЯ?
Хотим её видеть здоровой,
разумной и сильной, как встарь...
Но отзвуки русского слова –
горящий любовью янтарь.
Сбиваю сомнений оковы,
гоню понимание вспять...
ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ СЛОВУ
эпитет «великий» подстать.
Скучаю с тобою в разлуке,
мне тяга к другим – не с руки.
Все иноязычные звуки
ведут к созреванию тоски.
Я стал бы отшельник, молчальник –
мирской суеты мне не жаль –
но я берегу изначально
твою вековую печаль.
Стою часовым на границах
твоей непорочной красоты
в сполохах вечерней зарницы,
и в утренних каплях росы.
С тобой я отважный воитель –
в ладье неземного литья.
Ты – друг мой и ангел хранитель,
ТЫ – ДОМ МОЕГО БЫТИЯ.

Я спешу по утрам к метро-по-литену,
забиваюсь с другими людьми в автобус.
Ускоренье придаст нам крутящийся глобус.
За окном замелькают дорожные сцены,
я хочу осознать алгоритмы замены,
торможу, скрежеща, ибо сам себе тормоз.

Кадры жизни пойдут, как при съёмке рапидом,
и предметы рассыплются вмиг на части.
Вряд ли важно, какой они стали масти,
вычленять не хочу я подвиды и виды...
Только вижу арену кровавой корриды,
где все судьбы в руках анонимной власти.

Я спускаюсь в метро, подхожу к вагону.
Вспышка бьёт по глазам отражением ада.
И уже ничего, ничего нам не надо.
Сверху смотрит на нас, сострадавая, Мадонна:
видя наши тела, слыша вскрики и стоны,
в пропасть рушится с нами небосвода громада.

Жизнь абсурд – по Камю нас учили и Сартру.
Меня нет – я разъят на молекул цепочки,
а в ответ разбежится по траурным строчкам
весь мой мир: от цветущих фиалок Монмартра
до заношенной шапки из убитой ондатры,
продолжая свой бег в этом круге порочном,

пищевые цепочки пополняя собою.
Ну, а правда сатрапа и ложь правдолюбца
проливными дождями нам на головы льются...
Мы гордимся планетой своей голубою,
и, бродя по трущобам звериной тропею,
громко воем, завидев абрис лунного блюдца.

Реальное непостижимо,
но сон, фантазии, игра,
порой, нам представляют зримо –
во что мы верили вчера;
а то, во что сегодня верим,
вдруг нам предстанет в неглиже,
и тайные раздвинув двери,
вплотную подойдёт к душе.
Архетипическое рядом:
неясных смыслов слышим речь –
из шифров, символов тирады –
мы их должны понять, сберечь.
Мы их должны очеловечить,
наполнив вечное собой,

идя на зов неясной речи
той первобытной тропой,
которой пращурь ходили.
Инстинкты надо подкормить...
Пронесутся автомобили...
...взыграла кровь, прибавив прыть.
С сигарой сидя в грандотеле,
роскошно прожигая жизнь,
мы вдруг услышим птичьих трели,
увидим солнце, неба синь.
И мы поймём: вся наша драма
в том, что роднее нет земли –
где нас вынашивала мама,
где нас любили, берегли.
За отчий край свой, за Отчизну,
как в омут с берега нырнув,
солдат готов расстаться с жизнью,
мгновенно, глазом не моргнув.
Мы все – солдаты, неконфликтны,
реликты чтим своих торжеств...
И это главные инстинкты
всех человеческих существ.

Это было у моря... Рассказ-притча

Был вечер, какой часто бывает в маленьких провинциальных городках. Жара, стоявшая весь день, уже отступила, и далекие звёзды тихо мерцали над горизонтом. Улицы пустели, дневная суета отступала, а маленькие уютные ресторанчики наполнялись тихими разговорами, такими обычными для приморских городков. Сирены автомобилей замолкали, и особый вечерний шум, похожий на плеск ленивых волн или шёпот морской раковины, укрывал весь городок.

Ресторанчик «Даль», расположенный у самого золотисто-песочного берега, был полон посетителей, настроенных на неторопливый, приятный разговор. У городка этого было одно неоспоримое преимущество: он находился на берегу Лазурного побережья. Но так распорядилась судьба, что у него даже не было точного названия. Его жители привыкли к размеренной жизни обывателя. Они были счастливы и довольны такой своей жизнью.

Ничего особого здесь не случалось. Ветра, скользя к берегу по тёплым пенистым волнам, каждый день продували маленькие тенистые улочки, принося дурманящий бриз Средиземного моря.

И вот однажды всю эту идиллию нарушили события, казавшиеся невероятными даже тем чудакам, кто безоговорочно верил в чудеса.

Это случилось в июле, может быть, и в начале августа, сейчас уже никто точно не скажет когда. К городскому берегу прибило небольшую лодку. Казалось, что она отбилась от съёмочной группы, снимавшей фильм о морских сражениях. Форма лодки была причудлива. Старое, промоченное соленой водой дерево, тенью легло на серебристый песок.

Ну, а уж вид человека, лежащего в ней без сознания, ввел бы в недоумение самого искушённого знатока прошлого. Изможденное лицо мужчины с потрескавшимися губами хранило печать внутреннего страдания и напряжения, его сильные, мускулистые руки были натружены, а ладони сбиты и в кровавых мозолях. Красный, с подбоем плащ прикрывал золотые доспехи, все в следах от ударов меча и наконечников копий. Его лицо, обожжённое солнцем, было красиво какой-то древней мужественной красотой. Светлые

Юлия Альбертовна Санникова родилась в Санкт-Петербурге. Поэт, прозаик. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов по специальности лингвист-переводчик. Аспирантка кафедры Экономики и Управления социальной сферой. Писать начала в школе в старших классах, в возрасте 16 лет выступала со своими стихами на радио в программе «Заячий остров». Член Международного клуба православных литераторов «Омилия» (Украина).

Живёт в Санкт-Петербурге.

волосы, которые были заплетены в хвост, выбивались из-под повязки, наложенной умелой рукой лекаря.

Лодку прибило к берегу. Луна, уже шедшая на убыль, освещала пляж серебряным, холодным светом, стирая с песка его желтизну и отбирая у волн их прозрачность.

Как и любой другой пляж маленьких провинциальных городков, этот был излюбленным местом встречи влюблённых. Их первых свиданий и первых поцелуев, робких объятий.

Городок был пуританских нравов, четыре христианских базилики украшали его извилистые узкие улочки. И, к слову сказать, они никогда не пустовали.

Софи и Жерар, молодые люди, приехавшие в родной город на каникулы, сидели на прогнившем корпусе старой лодки и, любуясь прекрасным звёздным небом, что по линии горизонта сливается с синевой моря, болтали о всех тех милых пустяках, которые кажутся важными сердцу молодых людей.

Первым лодку заметила Софи. Дернув Жерара за руку, она воскликнула:

– Милый, посмотри, там лодка... Она не пришвартована, странно...

Со стороны лодки ветер донёс тяжёлый стон. Взвзвись за руки, молодые приоблизнились к ней.

– Господи, он ранен, – воскликнула девушка, – что будем делать?

Тут мужчина стал приходить в себя, он приподнялся на руках и устремил на них взгляд своих пронзительно-голубых глаз.

Странно, но в это мгновение они услышали плеск бушующих волн и скрежет металла, рёв обезумевшей толпы. Синяя безграничность океана окружала рвущуюся вперёд на лобовое столкновение эскадру греческих кораблей. Мышцы гребцов наливались яростной силой, необузданной ничем в тот момент. Вода кипела, и лишь тихий свет луны покрывал серебром и холодом эту картину.

– Что это было?

– Ты тоже это видел? – спросила девушка.

Воин заговорил. Язык, на котором он говорил, не был им знаком. Но молодые люди неожиданно осознали, что они понимают его. И даже не язык, а человека, говорящего на нём.

– Я три дня провёл один в море, – говорил человек, – после того последнего сражения, когда я потерял всех своих друзей, и она была похищена...

– Кто она?

– Моя жена, мать моего сына. Я поклялся временем, что было отпущено мне судьбой, найти её. Где я нахожусь?

– Вы в городке, что находится рядом с Ниццей.

– Но почему вы так странно одеты? – спросил мужчина.

– Да? Но и вы тоже, незнакомец...

– О каком сражении вы говорите? – спросил Жерар, – здесь не было никаких сражений уже... десятки лет.

– То сражение было самым страшным в моей жизни, металл и дерево выжигались огнём и охваченные жадными языками пламени остовы двух армад, нашей и вражеской, шли ко дну. Люди пытались выжить, уповав только на Господа.

– Жерар, мне кажется, этому человека нужна помощь, давай вызовем полицию.

– Да, иди к автомату и позвони, я останусь здесь.

Девушка побежала в сторону дороги, где стоял телефон-автомат.

– Я потерял сознание, – продолжал мужчина, – очнувшись, понял, что пробыл в таком состоянии очень долго, так как течение отнесло меня в сторону от сражения. Звёздное небо заполняло собой всё кругом, оно плясало на волнах, от горизонта до горизонта было только оно – огромное, бездонное и спокойное. Я снова потерял сознание и пришёл в себя только тогда, когда последняя звезда исчезла в наступившей утренней прохладе, и жаркий огненный шар уже касался своими лучами волн, пробиваясь в глубину огромной чаши под названием море.

Со стороны дороги раздались легкие шаги.

– Они сейчас приедут, быстро заговорила Софи, – я вызвала их.

Раздался вой сирен и две патрульных машины остановились на дороге. Торопливыми шагами оттуда выбежали трое полицейских.

– Что случилось? – спросил один из них.

– Вот, мы нашли его в лодке на берегу.

Полицейские остановились рядом.

– Как вас зовут? – спросил один из них, – что с вами случилось?

– Меня зовут Александр, – заговорил воин на странном языке, который снова самым чудесным образом был понятен всем, – я очень устал и ослаб, я прошу у вас помощи и крова.

– Его нужно отвезти в госпиталь.

– Вы можете встать? – спросил второй полицейский.

– Да, я думаю, что да, с вашей помощью.

Мужчина, опираясь на плечи, подставленные ему, встал. Его кожаные сандалии, туго стягивавшие ноги, закрипели, а полы красного с подбоем плаща заколыхались на ветру, обнажая золотые доспехи воина, хранившие следы прошлых битв. И он снова потерял сознание.

Этой же ночью в местный госпиталь поступил странный больной. Проверка отпечатков пальцев не дала никаких результатов. Его не было ни в одной картотеке.

Но самой странной была история этого человека. Как выяснилось, он говорил на странном греческом диалекте, который считается мёртвым и наполовину утраченным, но поразительно то, что его понимали все, не знавшие этого языка.

Записанный с его слов протокол был невероятен и абсурден, он рассказывал историю древнего воина, посвятившего себя войне и морю.

Иногда в перерывах между походами воин возвращался домой, в скромный дом на краю золотого поля, которое почти до самого горизонта прорезала дорога.

Здесь ждали его жена и ребёнок, сын, мечтавший о холодном солёном море, что вспенивается от кормы корабля, море, что под звёздным небом, огромным, бездонным и спокойным, словно сама тишина, шёпотом своих волн зовёт смелые души в поход мужества. И разве можно быть одиноким среди этого звёздного простора, особенно с верой в Господа?

В короткие мгновения встреч эта семья понимала всю ценность их любви, и, понимая, находила силы для нового ожидания, для веры.

Весь маленький городок, чью размеренную жизнь нарушили странные события, объяснить которые вряд ли может разум современного человека, был заинтригован тайной.

Возможно, её просто придумали нежные романтики – одиночки, верящие в любовь. Или, может быть, она просто выплыла из памяти какого-нибудь чудака.

Но так или иначе, иногда с нами случаются необычные вещи, и хоть и не так часто или даже очень редко, но они происходят вопреки разуму и неверию.

На следующий день в городе только и разговоров было, что о странном незнакомце в красном с подбоем плаще.

Кто-то говорил, что это – русский, решивший получить французское гражданство, или серб, который скрывается от мести какого-то высокопоставленного хорвата или даже от правосудия Гаагского трибунала. Многие просто ничему не верили и считали, что найденный человек сбежал из какой-то больницы и проблема в том, как узнать, из какой именно он исчез.

Одним словом, было много досужих размышлений, сплетен и невероятных историй.

Наступил новый вечер. Море было спокойно как никогда. По его кромке медленно шла женщина с ребёнком лет семи. На ней было лёгкое белое платье, подпоясанное чёрным с золотой вышивкой ремнём. Её руки украшали браслеты в форме нежных цветов с лепестками из хрупких драгоценных камней. Чёрная копна волос ниспадала мягким водопадом на её точёные плечи. Мальчик был одет в белую тунику с таким же чёрным, вышитым золотом поясом.

Они медленно шли вдоль линии прибоя и говорили о море. Казалось, что это их обычный путь, прогулка по родным местам в минуты вечернего отдыха. Но странно, иногда в море вместе со звёздами отражалось золотое поле, на кромке которого стоял маленький дом, к которому вела дорога, прорезавшая пространство до самого горизонта.

Много было разных толков после того вечера. О том, что появлялся из синей глубины моря странный корабль с гребцами по двум его сторонам с резными нишами для орудий. Внезапно поднявшийся ветер доносил до города плеск от десятков вёсел и скрип деревянной палубы, наполненной монотонным гомоном человеческих голосов, уставших от долгой морской дороги. И ещё видели в первые минуты предрассветных сумерек вдали, на линии горизонта всё тот же корабль, который вдруг, словно мираж, растворился в первых лучах восходящего солнца, привычно скользящего по водной глади и рассыпающего своей щедрой рукой сотни маленьких искорок, пляшущих на устремлённых к берегу, чуть пенящихся волнах.

На следующее утро не было в больнице уже никакого воина, как будто бы ничего и не случилось, и это был лишь странный сон, который приснился сразу нескольким людям. Куда-то исчезли протоколы его допроса, и недоумевающие полицейские не знали, как выпутаться из столь щекотливой ситуации.

Всё приписали массовому гипнозу или выдумкам подростков.

И ещё. На следующий вечер Софи и Жерар, прогуливавшиеся по берегу моря, нашли в песке золотой браслет в виде маленькой нежной лилии с тонкими хрупкими лепестками. А в плеске волн нет-нет да и слышался счастливый женский смех и радостный голос ребёнка.

Что это было? Может быть, время, что неумолимо отсчитывает порой секунды, часы и дни, вдруг сбилось, открыв настоящему дорогу в прошлое. Или это действительно был сон, странно и непонятно приснившийся сразу стольким людям... Одно было понятно всем. То, что море полно загадок, как полно загадок человеческое сердце, которое имеет силу изменять окружающий мир или наполнять его волшебством безраздельной Любви, освящённой верой.

Но с той поры в этом городке только и разговоров было, что о корабле и море, да о том, как порой звёзды, устремленные к Господу, отражаясь в волнах тёплого моря, посеребрённого светом луны, танцуют свой вечный танец на границе прибоя и человеческой жизни, то ли выдуманной, то ли подслушанной в их шёпоте.

Иннокентий Петрович Медведев родился 20 марта 1963 года в деревне Банциково Нижне-Илимского района Иркутской области. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010» им. Н. Рубцова (Москва). Лауреат международного литературного конкурса «Прекрасные порывы-2010» в номинации «А.С. Пушкину» (Симферополь). Автор шести поэтических сборников.

Живёт в городе Братске Иркутской области.

Тревожные струны Души

Стоны

Слышишь стоны, тяжёлые стоны,
Это стонет от бед наша Русь.
В унисон им церковные звоны,
В них веками заложена грусть.

Эти стоны вчера простонали,
Понесли их с собой журавли.
Стоны скорби и стоны печали,
Они рядом и где-то вдали.

Лишь душевно глухой не услышит,
Не увидит, как горбится Русь.
Как со стоном прерывисто дышит
Безутешна душевная грусть.

Эх, душа

Эх, душа... буду пить и напьюсь,
Что-то тяжко в груди, что-то тяжко.
Может быть, я во тьме растворюсь...
Отпоёт меня певчая пташка.

На могилку мою пусть сирень
Пустоцвет свой печально роняет.
И стихи все мои – дребедень,
Пусть их вовсе никто не читает.

Толк ли в том, что я жил или пел,
Крест судьбы Бог взвалил мне на плечи.
Не хотел я взлетать, но взлетел –
Время лечит и тут же калечит.

...Эх, душа, хмель тебя не берёт,
То есть пить не к чему, и не буду.
Смерть за мной в этот миг не придёт
И о ней я сегодня забуду.

Деревня Банциково*

Есть дорога одна к Усть-Илиму –
Пахнет мятой, травой резедой.
Поворот там к деревне родимой,
К той, что скрылась давно под водой.

Наверху только волны гуляют,
А под ними нашла свой приют
Та деревня. О ней уж не знают.
Там в домах только рыбы живут.

Там мой дом. Там мы в прятки играли.
Там поля, моё детство и луг,
И туда птицы к нам прилетали,
И мужик там осваивал плуг.

Но кружитесь, кружитесь над морем,
Мои ласточки, чайки, стрижи...
Пусть слезами не выплакать горе,
Но хоть память дано освежить.

Как вы гнёзда заботливо вили
И растили под крышей птенцов.
Это, милые, вы не забыли,
Как и я своих дедов, отцов.

Вот и я здесь стою на дороге,
Той дороге, что в воду ведёт.
Волны моют мне босые ноги,
И там будто меня что-то ждёт.

Веет холодом прошлое в душу.
Скорбь и боль, и тоска, и печаль.
Мир тебе. Твой покой не нарушу.
Отчей родины, сгинувшей, жаль.

* деревня, которой нет

Берёзка

Сколько ж лет, скажи, берёзке этой,
Под которою сейчас лежу.
На траве, что солнышком согрета,
В небеса далекие гляжу.

Сколько лет тебе ещё осталось
Шелестеть зелёною косой,
Чтоб земля все так же улыбалась
Радую всех нас своей красотой.

Ветер где-то в листьях затерялся
Шелестит весёлою листвою.
Будто ангел это рассмеялся
Над моей белёсой головой.

Может быть, какой-нибудь повеса
Под тобой, берёзонька, лежал.
И когда он уходил из леса
Белый стан твой нежно целовал.

Так прими ты и мои объятья!
Так прими и мой ты поцелуй!
И подолом ситцевого платя
На ветру немного побалууй!

Вывавшись из жизненного плена
Знаю я, нам нет пути назад.
Как и я, и ты, берёзка, тленна, –
Оттого я встречи нашей рад.

Да, конечно, деревня мне ближе
И её золотые поля.
Я живу, и поэтому слышу,
Как зовёт меня стоном земля.

Я пройду по деревне родимой,
Брошу куртку свою на плетень –
Вот она!... всех дорожке и зримей
В этот солнечный, ласковый день.

Здесь черемуха пахнет дурманом,
Взгляд слепит белоснежный наряд.
Здесь берёзки с загадочным станом
Привлекают прохожего взгляд.

Пусть завязла она на ухабах,
Пусть калитки висят на боку.
Как живётся в ней девкам и бабам
Мне расскажет гармонь на лугу.

Пусть пропахла веками навозом,
Пусть дерётся мужик за межу.
Пусть давно распрощалась с колхозом –
Я деревню за то не сужу.

Только жаль, что поля без потребности...
У калитки мне жаль мужика, –
Просит, нищий, у нищего хлеба,
Вместо плуга – бутылка в руках.

Я от солнца рукою прикроюсь –
Что-то птичек в лесу не слышать...
И деревне я сердцем откроюсь –
Только сердцем поля не вспахать!..

Прохожу мимо деда – горюет:
– Ты бы дал мне, сынок, закурить...
Сколько вас, городских, тут гостюет...
Навсегда бы приехали жить...

– Слушай, дед, Расскажи-ка на милость
Что толкает Россию на край?
– Это, паря, похоже на сырость,
Видишь, сгнил у болота сарай...

Прохудилась над Русью-то крыша.
Да не вам, городским, залатать...
Сколько лет уже только и слышно,
Что Россию пора возрождать...

– Слушай, дед, я же ваш – деревенский
Банщикковский, Петра средний сын.
Покажусь с виду, может быть, дерзкий,
Но скажу, я с деревни один,

Тот, кто наши поля воспевает,
Тот, кто нашу деревню бодрит.
Но не каждый про это узнает...
Слушай, дед! – Только дед уже спит.

– Ну и ладно,... ты спишь или умер?.. –
Храп услышал, – так, видно, живой...
Вот такие они наши думы
И от них хочешь пой, хочешь вой.

Да, конечно, деревня мне ближе
И её золотые поля...
И поэтому часто я слышу,
Как зовёт меня предков земля.

Как белорусы «Жизнь замечательных людей» создавали

И сегодня, когда книжный бум давно миновал, многие хозяева личных библиотек, как и 20–30 лет назад, гордятся полочками серийных томиков с традиционным факелом на корешке и тремя буквами «ЖЗЛ». У известного, пожалуй, всему миру проекта – две даты рождения. Первая – 1890 год, когда Флорентий Федорович Павленков затеял издание биографической литературы в серии «Жизнь замечательных людей». И вторая – 1933, когда по предложению великого пролетарского писателя «ЖЗЛ» начала свою новую жизнь в «Журнально-газетном объединении». В 1938 году серия перешла в «Молодую гвардию». Что примечательно, даже в непростые военные годы «Жизнь замечательных людей» продолжала приходить к читателю. Перерыв – 1941, 1942 годы. У 14 томиков, изданных во второй половине 1944–1945 годов, – другое серийное название: «Великие русские люди». Пожалуй, в этом была своя идеологическая логика. Кому же посвящены книги «ВРЛ»? Льву Толстому, Петру Чайковскому, Матвею Казакову, Михаилу Лермонтову, Виссариону Белинскому, Дмитрию Чернову, Николаю Миклухе-Маклаю, Ивану Сеченову, Николаю Гоголю, Ивану Крылову, Николаю Лобачевскому, Александру Попову, Илье Мечникову, Василию Баженову.

Автором одной из книг выступил уроженец Минска писатель, музыкальный педагог Осип Чёрный. В соавторстве с женой – доктором искусствоведения Еленой Чёрной он написал для «ВРЛ» книгу «Пётр Ильич Чайковский». Несколько слов о писателе и музыковед, чьё имя, кстати, и сегодня обходят стороной белорусские энциклопедии. А между тем, Осип Чёрный, родившийся в 1899 году, за свою долгую творческую жизнь создал настоящую библиотеку художественной и документальной прозы. «Музыканты», «Опера Снегина», «Пути жизни», «Пути творчества», «Франц Шуберт», «Мусоргский», «Римский-Корсаков», «Повести о музыкантах», «Забывшие мотивы» – названия далеко не всех книг О.Чёрного.

Но участвовать в «ЖЗЛ» наши земляки начали еще в довоенные годы. В 1934 увидела свет биография «Дантон». Автором выступил уроженец Минска профессор МГУ Цви Фриндланд. Видный историк, он отличался

Алесь Карлюкевич (Александр Николаевич Карлюкевич) родился 6 января 1964 года в деревне Затитова Слобода Пушковичского района Минской области (Беларусь). Директор редакционно-издательского учреждения «Литература и Искусство», главный редактор газеты «Литература и искусство». Окончил отделение журналистики Львовского высшего военного-политического училища (1985), Академию управления при Президенте Республики Беларусь (2002). В 1981 – 1995 гг. – в Вооруженных силах СССР и Республики Беларусь. Подполковник запаса. Литературный критик, публицист, краевед, детский прозаик. Пишет на белорусском и русском языках. Издал двадцать книг.

Живёт в Минске.

удивительной работоспособностью. К своим тридцати годам (а родился Фридрих в 1897 г.) написал «Историю Западной Европы: 1789 – 1923» (первая часть увидела свет в 1926 г. А вторая – в 1928 г. вместе с переизданием первой). Ушёл из жизни талантливый исследователь в конце августа 1941...

А профессора, доктора технических наук Михаила Яковлевича Лапирова-Скобло (родился в Витебске в 1888 году) привлекла судьба Эдисона. Книга о великом учёном вышла в «ЖЗЛ» дважды – в 1935 и 1960. Сам же автор умер в июле 1946 года. Наверное, судьба американского изобретателя и предпринимателя не случайно привлекла внимание учёного. Ведь и сам Лапиров-Скобло деятельные занятия наукой совмещал с внедрением своих открытий в практическую жизнь. Михаил Яковлевич – один из участников составления знаменитого плана ГОЭЛРО.

Дважды доктор наук (в 1934 защитился по истории, в 1943 – по филологии) Соломон Лурье родился в 1891 году в Могилёве. Уже в 20 лет окончил Петербургский университет. В 1918 году – профессор теперь уже Петроградского университета. Лурье исследует античную историю. По всей видимости, в отличие от поэта, учёный знал, «что надо творить для спасения века». Впрочем, готов ли был сам 20-й век к спасению?.. В условиях гражданского противостояния, когда войны и революции душили мысли, Лурье заглядывал в давно минувшие века. В 1914 выходит первая книга – «Беотийский союз». Затем – «История античной общественной мысли», «Теория бесконечно малых у древних атомистов», «История Греции», переводы Плутарха, Ксенофонта, Генриха Манна. В «ЖЗЛ» в 1937 году выходит книга «Демокрит» Лурье. Жаль, что больше эта книга о древнегреческом философе-материалисте не переиздаётся... В 1949 году Соломона Яковлевича отлучили от университетской кафедры, обвинив в «космополитизме». Только в 1953 удалось найти достойную работу – приняли заведующим кафедрой классической филологии во Львовский университет. Во Львове учёный и умер – в октябре 1964...

По крупицам собирая информацию об участии уроженцев Беларуси в создании многотомной «Жизни замечательных людей», я уже знал, что автором многих биографий является профессор кандидат исторических наук мозырянин Анатолий Петрович Левандовский. С помощью московских знакомых разыскал адрес земляка. Написал. К моей радости Анатолий Петрович вскоре ответил. Левандовскому было тогда давно за 80 (родился 8 июля 1920). Писатель рассказал о своём детстве, о родителях. Отец – красный командир. Уже в 1920-е годы командовал бригадой. Мальчишка с матерью жил в Мозыре у бабушки. В 1927 году переехали в Москву. Вскоре отец погиб в авиационной катастрофе. Анатолий окончил истфак МГУ. Одно из главных научных увлечений – история картографии, изучение древних атласов.

А ещё – французская история... Как результат – более двух десятков книг. Целый ряд из них переведены на самые разные языки. А в «ЖЗЛ» А. Левандовский выпустил «Робеспьера», «Жанну д'Арк», «Дантона» (помните: о Дантоне была и жэзэловская книга Фридрихлянда – почти за 30 лет до издания Левандовского), «Сен-Симона». Причём, две первые из них выдержали и повторные издания.

Всегда рад письмам, что приходят с московской улицы Фестивальная. Пишет Яков Невахович Кумок. Родился он в Минске в 1932-ом... И сейчас вспоминает Беларусь: «Самое сильное впечатление детства – горящий свечой столб на улице Коммунистической 24 июня 1941 года. Мы бежали, воспользовавшись передышкой между налётами: мама, сестра и я. И успели – 26-го кольцо вокруг города замкнулось, и вся наша многочисленная родня осталась в нём и погибла. До сих пор душа тоскует по бабушке, хотя сам уже – дед, и годами её пережил. Война отшибла память о счастливом детстве, в самом деле – счастливым... Но долго ещё мечтал я вернуться в Минск, как мечтают вернуться в детство. А это никому не дано»...

Эвакуация в Средней Азии, учеба в Ташкентском государственном университете, работа в геологических экспедициях – оттуда пришли первые сюжеты. А как вдруг появилось увлечение биографическим жанром?.. С конца 1950-х Яков Кумок живет в Москве. Поначалу литературную работу совмещал с занятиями геологией. Это, наверное, повлияло и на выбор героев для «ЖЗЛ». Но, впрочем, давайте предоставим слово писателю: «Документально-художественное постижение частного, единственного,

самобытного, что и есть предмет биографии, полно захватывающего интереса и сулит неожиданный выход на эпоху. Жизнеописание – жанр древнейший (Плутарх, библейские сюжеты и прочее), но удивительно пластичный и, пожалуй, неисчерпаемый. Я сделал попытку разгадать его тайну в статье «Биография и биограф», опубликованной в своё время в журнале «Вопросы литературы» и вызвавший большую полемику. Отклики её нахожу в прессе до сих пор... Три жэзэловские книги мои посвящены учёным: Губкину, Евграфу Фёдорову, Карпинскому. Признаться, я считал книги подзабытыми. Но недавно телевидение сняло по ним (точнее: с широким использованием их) сериал, приуроченный к дате 300-летия горного дела в России. Режиссер Игорь Николаев наговорил мне о них много лестных слов»...

В Бобруйске родился Владимир Александров – автор книги «Петровский» (вышла в «ЖЗЛ» в 1963 г.) В деревне Слобода Полоцкого района – автор повествования о писателе Вячеславе Шишкове Николай Еселев. В Минске – Владимир Зимянин. Он создал для «ЖЗЛ» книги «Перу» и «Поль Робсон». О своих встречах с Владимиром Михайловичем и его отцом, известным политиком советских времён, в поездке по Случчине рассказывал мне замечательный русский поэт и прозаик Юрий Михайлович Лоциц. Работая в «Молодой гвардии», он участвовал в подготовке к изданию работ Зимянина. Лоциц, также – автор нескольких книг в «ЖЗЛ», с Минщиной связан родовыми корнями. В случкой деревне Лопатичи похоронен его прадед. Лопатичи – и родина деда Юрия Михайловича. Такая вот «белорусская генеалогия» всемирно известной серии «ЖЗЛ»!..

Следовало бы ещё вспомнить слонимчанина Илью Пешкова – автора книги «Аносов», витебчанина Бориса Росина, написавшего биографию Вадима Николаевича Подбельского. В Минске живёт Эмилия Луканская, долгое время редактировавшая детскую газету «Зорька». Для жэзэловского сборника «Правофланговые комсомола» написала очерк о студенте Михаиле Морозе, который вынес с картофельного поля снаряд и сам погиб при его разрыве. А литературовед минчанин Олег Лойко издал в «ЖЗЛ» «Янку Купалу» и «Скорину». Мечтал ещё написать для «ЖЗЛ» о Максиме Богдановиче. Но не сбылось... И Олега Антоновича, к великому сожалению, уже нет среди нас. Писал заявку на создание биографии Александра Грибоедова брестчанин историк и писатель Николай Калинин. К сожалению, теперь и его уже нет среди живых... Намерение его было не беспочвенным. В архиве Николая сохранилась повесть о брестском периоде в жизни и творчестве Грибоедова. Частями она была опубликована в брестской областной газете «Заря».

Кстати, в Минске в издательстве «Мастацкая літаратура» уже несколько лет работают над серией «Жизнь замечательных людей Беларуси». Герои красочно изданных, богато иллюстрированных биографий – писатель Владимир Короткевич, создатель легендарных «Песняров» Владимир Мулявин, народный писатель Беларуси Иван Шамякин, председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец, художники Александр Кищенко и Евгений Чемодуров, кинорежиссер Михаил Пташук.

ПОЭЗИЯ

Ольга Сергеевна Давыдова родилась в 1983 году. Кандидат искусствоведения, художественный критик, старший научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, член АИС. В 2005 году окончила МГАХИ имени В.И. Сурикова, в 2008 году защитила диссертацию на тему «Образы садов и парков в интерпретации русских художников (от предромантизма к символизму)». Специализируется в области изучения русского и западноевропейского искусства XVIII-XXI веков, теории, философии и синтеза искусств.

Живёт в Москве.

Ольга ДАВЫДОВА

Наш голос тих, как ветра звук...

Сент-Женевье-Де-Буа

Памяти И. Бунина

Последние вестники жизни.
Дрожащие пряди травы.
Ресницы зелёные выжмут
По каплям остаток души...

Как вспомнить начало, стремленья,
Далёкую милую глушь,
Колосьев горячие звенья
И тихую мамину грусть?..

Четыре коротких предела.
Вся жизнь улеглась под цветы.
Россия... Она уцелела...
Могилы... кресты и мольбы...

Я видела во сне весну.
Чуть смешанная с немотою
Она кружила над землёю,
Преображая тишину.

Я видела во сне весну.
Небес касалась невесомость
Знакомых уличных проёмов,
Воздушной осеняя кроной
Старинной крыши белизну.

Я видела во сне весну.
И на знакомые предметы
Ложились мягко пятна света,
Приоткрывая глубину.

Страстная пятница

Смещение часов и вечности.
Кадильный сумрак полон дум.
Плывут по волнам белой млечности
И сон, и мысль, и стон, и бунт.

Смиренье кроткое и пение...
А за окном другая жизнь.
Но с той же мерностью терпения
Взлетает маятник под высь.

Какое странное молчание...
И даже в звуках – тишина.
Ослепшим голосом страдания
По ходу ветра бьёт волна.

Сквозь запах с привкусом рыдания
Сияет в небе жёлтый свет.
Протянут нитью фиолетовой
Наш похоронный вечер-след.

И холод стынет неизбежностью,
Но в этом медленном кругу
Ненастье будет перевешено,
Воскреснет дух, чтоб жить в миру.

По мотивам А. Шнитке

*Concerto Grosso № 2 for Violin,
Cello and Orchestra*

Как светел воздух... Пелена.
Снежинок марево в покое.
Поверю ль, что волны струна
Вдруг скроет вид пургою?

Наш голос тих, как ветра звук.
На белом саване простора
Поговорим хоть пять минут,
Хоть нет следов от нас с тобою.

Тропинки голубиный свет
Оставлен вдавненной стезёю.
Как строен погребальный век,
Когда ты слит с концом душою.

Июнь-41

Суть такие кадры кинохроники, которые иной раз показывают в связи с началом войны. Последние секунды перед тем, как на нашу страну обрушится удар невиданной силы. Уже снаряды досланы в казённые оружий. Уже механики снимают брезентовые чехлы с двигателей самолётов. Танкисты рассаживаются по боевым машинам... Вот-вот свершится!.. Так вот, те кадры, о которых шла речь. На экране курит немецкий солдат. На заднем плане виден брезжащий рассвет, и буквально ощущается, как просыпается природа к новому дню. В движениях солдата видна напряжённость – как у любого человека перед боем.

Объективы кинокамер военных корреспондентов навсегда запечатлели множество лиц людей, у которых неведомо как сложилась дальнейшая судьба. Но того солдата я представляю всякий раз, когда речь идёт о 22 июня. Он уже знает, что произойдёт через несколько секунд. Но он не знает, чем чревата начинающаяся война лично для него. И потому он напряжён.

Я не думаю, что в тот момент он думал об идеалах национал-социализма или своей верности лично фюреру. Как не думает о высоких материях любой солдат, который идёт в бой. Он просто выполнял приказ. Претворяя в жизнь одну директиву за другой, он уже прошёл всю Европу. И вот теперь ему приказано идти дальше, на восток. Испытывал он, лично этот солдат, ненависть к моим дедушкам и бабушкам, к моим родителям, которые в это время ещё спали где-то впереди, в той сумеречной дали, в которую он сматривался? Нет, конечно. Он просто выполнял приказ.

Как выполняли приказ тысячи немецких офицеров, которые в те минуты следили за секундной стрелкой, равнодушно бежавшей к роковому мгновению. Кто-то из них, несомненно, был пропитан идеологической убеждёностью, что неумолимо надвигавшееся многомиллионное смертоубийство – это правильно и целесообразно. Однако большинство офицеров не испытывали ненависти к людям, которых шли убивать – они тоже просто выполняли приказ. Даже генералы, и те далеко не все были убеждены в необходимости начинавшейся войны, однако и они просто выполняли приказ.

...Странное всё же это чувство – видишь на экране кинохроники какое-то событие, чьё-то лицо, и знаешь, что это уже далёкое прошлое, что дальнейшие события

Николай Стародымов родился 24 февраля 1956 г. Донской казак, потомственный офицер. Окончил факультет инженерных войск Донецкого высшего военного политического училища. Служил в Афганистане. Совершил более 20 боевых выходов. В 1987 г. переведён в Ашхабад, на должность редактора газеты «За Родину» 61-й мотострелковой дивизии. В 1995 г. получил звание подполковника. За освещение хода Первой Чеченской кампании награждён орденом «За военные заслуги», удостоен премии Союза журналистов России. За освещение событий на Северном Кавказе награждён медалью Суворова. Член-корреспондент Международной академии духовного единства народов мира. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Сотрудник аппарата Исполкома Международного сообщества писательских союзов. Живёт в Москве.

уже произошли, и ничего исправить невозможно. А вот хочется же что-то остановить, что-то переиначить, кого-то спасти...

Впрочем, хватит о хронике. Июнь 41-го года в нашем восприятии разделился на две неравных части. Причём, первая, более продолжительная, словно как и не видна вовсе, напрочь затенённая пламенем пожарищ, вспыхнувших на рассвете 22 июня.

Между тем, в первой половине месяца каждый день приближал для нашей страны войну. О том, что война будет, знали или догадывались многие. Однако никто не хотел в это верить.

Передо мной сейчас лежит интересный документ. «Календарь сообщений агентов Берлинской резидентуры НКГБ СССР «Корсиканца» и «Старшины» о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.». Документ был подготовлен к 20 июня. Однако нарком госбезопасности Всеволод Меркулов отказался подписать «Календарь» и представить его на доклад Сталину. Побоялся гнева вождя.

Говорить о том, что было бы, «если бы» – дело бесперспективное. Причина проста: мы не можем на практике проверить самые умные логические построения. Большинство планов, подготовленных в кабинетах, выглядит вполне убедительно, пока в процессе их реализации не проявляются упущенные при составлении документов овраги.

Так что особо и развивать предположительное направление не стоит. Скажу только вот что.

Гитлер и его окружение прекрасно понимали, что сохранить в тайне подготовку к войне просто невозможно. В германских органах безопасности работали отнюдь не дураки, и понимали, что и агентура советская у них в тылу имеется, и любители сболтнуть лишнее найдутся, и людей, сочувствующих СССР, в приграничной полосе немало... Потому соответствующие службы рейха работали не только по пресечению утечки информации, но и по распространению дезинформации.

Сегодня, по прошествии семи десятилетий после войны, мы знаем, кто из советских агентов присылал верную информацию, а кто «гнал дезу». Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», который я использую при подготовке данных обзоров, – великое подспорье в этом деле. Однако ведь и в нём подобраны именно те документы, которые отвечают замыслу составителей книги. Реально же их имелось куда больше.

О том, что война готовится, Сталину докладывали неоднократно. И сроки называли. Эти сроки проходили один за другим (несколько чисел в мае, 8 июня, 15-е, 20-е...) – а война не начиналась. Сейчас принято считать, что Сталин попросту уверовал в собственную прозорливость, был уверен, что переиграл Гитлера, а потому и слышать не желал о грядущей войне. Кто знает, может, и так. Только мне думается, что причина кроется в другом. Сталина раздражала ситуация не потому, что он утвердился на некой точке зрения, и не желал с неё сойти, а по той причине, что из-за потока разноречивой информации он не мог сформулировать эту собственную точку зрения! Непреодолимость – вот что являлось причиной его раздражения. Он слишком привык управлять ситуацией, а тут пребывал в неведении, а потому не знал, что предпринять. Думаю, что Сталин был попросту растерян – насколько эти слово и понятие применимы к данному человеку. Потому он сознательно или бессознательно старался оттянуть момент принятия решения, так как не знал, как следует поступить, и потому надеялся, что какое-то событие подскажет ему правильное решение.

Именно этим объясняется знаменитое сообщение ТАСС, которое в разных источниках датируется 13 или 14 июня, в котором безапелляционно говорилось: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Вполне очевидно, что Сталин рассчитывал, что и со стороны Германии последует подобное же заявление, однако этого не произошло. Более того, данное сообщение германские газеты даже не опубликовали. В результате данный жест Кремля имел результат совсем не тот, на который был рассчитан. А именно: противник его проигнорировал, и в то же время он дезориентировал своих.

В половине десятого вечера 21 июня народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов принял приглашённого посла Германии Вернера фон дер

Шуленбурга. Разговор шёл, по сути, о том же: Вячеслав Михайлович констатировал, что, судя по всему, у германского правительства имеются какие-то претензии к советской стороне, что Кремль готов к переговорам по их урегулированию... Хотя скорее всего, Молотов попросту пытался вызнаться, что день грядущий готовит... Однако Шуленбург обещал лишь передать содержание беседы в Берлин. Что он и сделал той же ночью.

Между тем, Шуленбург уже знал, что нынешней ночью начнётся война. Лично он был против неё. Однако, будучи имперским чиновником, поделаться ничем не мог.

...Таким образом, когда мы говорим о 22 июня, о моменте начала войны, на мой взгляд, нужно непременно учитывать следующие моменты.

Наша разведка провела грандиозную работу, добыла великое множество ценнейшей информации. Однако точную дату начала войны назвать она не смогла. О причинах говорить не будем: аналитики с Лубянки не допросчитали ситуацию, гитлеровская контрразведка сработала – сегодня это уже не принципиально. Факт остаётся фактом: точное время «Ч» Сталину доложить не смогли. Второе. Даже если бы (ох уж это «если бы», как я его не люблю, да только сейчас от него не уйти) 21 июня Сталин поверил в информацию о начале войны, коренным образом ситуацию это не изменило бы. Да, потери у группировки вторжения гитлеровцев оказались бы выше, однако общий сценарий начального периода войны остался бы таким же. Причина очевидна – нападающая сторона всегда имеет преимущество. Гитлеровская армия на начальный момент войны была объективно сильнее советской – она была полностью отоброшена и укомплектована, имела громадный опыт наступательных войн, личный состав морально подготовлен к вторжению... А потому так или иначе, слишком близко придвинутые к границе части и соединения Красной армии оказались бы расчленены, окружены и уничтожены. Разгром западных округов был предопределён – как неудачной дислокацией советских войск, так и тщательно спланированным вторжением войск гитлеровцев!.. Другое дело, что потери наши не оказались бы столь ужасающими. И отступали бы мы не до Перхушково, а, скажем, до Гжатска или до Можайска...

Что касается гитлеровского «плана Барбаросса», то в нём, опять же, на мой взгляд, допущены три самые главные ошибки. С точки зрения военной он разработан блестяще – лето 41-й года тому подтверждение. Однако оборонный потенциал государства включает в себя не только собственно военную составляющую. Так вот, генерал-майор Эрих Маркс и другие разработчики «плана Барбаросса» не учли в первую очередь патриотизм, моральный дух, психологию бойца Красной армии. Сколько бы нынешние хулители истории ни пыжились, а только и патриотизм, и моральный дух оказались высоки, и дрались в окружении, и с лопатками на врага шли отнюдь не потому, что сзади стояли заградотряды с пулемётами. Да, многие сдавались в плен, но многие и дрались – гитлеровские стратеги делали ставку на первых, и не брали в расчёт вторых. Как показало будущее – напрасно.

Второй пункт, чего не предусмотрела «директива №21», тесно связан с первым. И лично меня он удивляет куда больше.

В будущем году Россия будет отмечать 200-летие наполеоновского нашествия. Та, первая, Отечественная война тоже вызывает много споров, и оставляет немалое поле для недоумения, и фальсификаций вокруг неё тоже немало. В частности, у многих укоренилось убеждение, что Бонапарта победили морозы. Чуть ли не как! Он признал поражение и начал движение из Москвы к западным границам, когда до холодов ещё было достаточно далеко. Главное, что погубило непобедимую до того армию – это, по выражению Льва Толстого, «дубина народной войны».

Так вот, это может показаться невероятным, но в документах, которыми руководствовались гитлеровские войска на момент вторжения в СССР, нигде не предусматривалось наличие сил для борьбы с партизанами. Сама по себе вероятность появления в тылу организованного сопротивления даже не предполагалась. Имели место указания, как организовывать вывоз продуктов и молодёжи, как уничтожать комиссаров и евреев, как организовывать местное самоуправление – а вот о партизанах речи не шло. Всё же недопустимо стратегам не знать истории!

Ну и третий пункт, который, как показали дальнейшие события, не предусмотрели в Берлине. Это способность перебазировать производственную базу на Восток и в кратчайшие сроки наладить там производство.

Впрочем, пожалуй, нет, не три пункта – ещё до одного чрезвычайно важного момента не додумались нацистские теоретики. Речь идёт о том страхе, который внушили Гитлер и его политика западным странам и в первую очередь Англии. Гитлер, судя по всему, и предположить не мог, что западный мир станет оказывать большевистской стране столь активную помощь в борьбе против нацизма. Между тем, сразу после начала Великой Отечественной войны английский премьер Уинстон Черчилль высказался прямо и недвусмысленно: «Опасность, угрожающая России, – это опасность, угрожающая нам и США».

...По большому счёту, всё, о чём написано выше, уже говорено и писано куда более маститыми авторами – так что не стоит и повторяться.

А потому я процитирую сейчас несколько показательных документов – не злоупотребляя своими комментариями, в чём, думается, нет особой нужды, настолько они очевидны.

1 июня даны «Указания статс-секретаря Министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии Бакке в отношении поведения немцев на Востоке и их обращения в русскими». В документе сказано: «Ввиду того, что вновь присоединённые территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там... Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жёсткие и беспощадные мероприятия... Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирождённый диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное – действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женствен и сентиментален...».

6 июня в Берлине подписана «Директива об обращении с политическими комиссарами». В ней говорится: «В борьбе против большевизма не следует применительно к врагу считаться с основными законами о правах человека». Правда, главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич всё же рекомендовал расстреливать комиссаров не публично, а «незаметно».

10 июня определена точная дата и время нападения на СССР – 3.30 22 июня. Время подтверждения времени «Ч» – 13.00 21 июня.

20 июня отдано распоряжение о создании диверсионно-подрывной организации «Тамара» из числа грузинских эмигрантов для подготовки восстания на территории Грузии и проведения подрывной деятельности в целом в Закавказье и особенно в районе нефтепромыслов.

В тот же день 20 июня с программной речью о политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения выступил один из главных идеологов рейха рейхслайгер Альфред Розенберг. «Задачи нашей политики... органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы... (Далее названы эти «образования» – Финляндия, Прибалтика, Украина, Кавказ)... Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым порядкам и повернуть лицом снова на Восток... Обеспечение продовольствием германского народа... будет главнейшим германским требованием на Востоке... Мы не берём на себя никаких обязательств по поводу того, чтобы кормить русский народ...».

9 июня посол Японии в Москве Иосицугу Татекава писал своему коллеге в Софию: «Я думаю, что каким бы превосходством ни обладала германская армия, победить или же разгромить Советский Союз в течение 2-3 месяцев, как об этом циркулируют слухи, будет невозможно. Более того, не исключена даже возможность того, что Германия окажется в состоянии затяжной войны... Обстановка в Москве весьма спокойная, незаметны также признаки подготовки к войне...».

Вот ведь были же люди, которые предупреждали о том, что война с Советским Союзом чревата для Германии неожиданностями!.. Не слушали их...

19 июня посол Италии в Финляндии Винченцо Чикконарди сообщил в Рим, что в Суоми завершена мобилизация и страна находится на военном положении. А его соотечественник и коллега в Москве Аугусто Россо в тот же день запросил у своего руководства инструкции о своих действиях при начале военных действий.

Июнем 41-го года датировано великое множество документов, в которых сообщается о военных приготовлениях вдоль западной границы СССР, об активизации разведывательной деятельности со стороны Германии, Румынии и других государств, об активизации националистического подполья в приграничной полосе... Например, о том, что на территорию Львовской области направлено примерно 100 агентов из числа украинских националистов, и что примерно 40 из них подтвердили своим хозяевам факт прибытия в указанный пункт пребывания. Имеется документ, что на территории Западной Украины в мае 1941 года националистами проведено 58 терактов, в результате которых убито 57, ранено 27, пропало без вести 4 человека – среди них как активисты советской власти, так и члены их семей, и простые граждане... В общем-то подобные донесения схожи между собой – разнятся только даты, участки границы, да фамилии участников.

Однако в этом потоке имеются донесения, которые выделяются среди остальных. Например, о том, что у задержанных германских агентов обнаружены ампулы с болезнетворными бактериями. Или, например, о том, что в стране резко активизировалась деятельность сионистского националистического подполья, которое вело активную антисоветскую пропаганду.

...И вот наступило 21 июня 1941 года. День, превеликое множество раз показанный в советском и российском кино – как последний день мирной счастливой жизни советской страны. Понятно, что тогда никто ещё не знал, когда-то именно этот день станет символом именно счастливой довоенной жизни. Потому что он, как и любой другой день, был для разных людей очень разным.

Именно в этот день для руководства Красной армией стало ясно, что грозная година надвинулась вплотную. В войска пошла директива за подписью Семёна Тимошенко и Георгия Жукова. Документ совсем короткий, на одну страницу, приказная часть содержит только пять пунктов. Приходится признать, что директива получилась невнятная какая-то, нерешительная, противоречивая... Она предписывала в течение ночи на 22 июня привести войска в боевую готовность, выдвинуться в укрепрайоны, «встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников». В то же время противоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Содержится в документе и вовсе уж вызывающий выпадающий из контекста и потому недоумение пункт: подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов... А в конце – «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

В общем, такое ощущение, что бумага написана впопыхах, чтобы хоть как-то предупредить командиров о возможной войне, однако при этом не вызвать паники. Как известно, даже эта директива не дошла до войск.

...Стрелка часов судорожно прыгала от деления к делению, неумолимо приближаясь к роковой отметине. Бескрайняя советская страна, из-за которой навстречу из готовившемуся агрессору разгоралась заря, ещё спала, предвкушая солнечный воскресный отдых.

Немецкий солдат сунул в губы сигарету и поднёс к её кончику зажигалку. Это его последняя сигарета перед войной. В этот момент и поймал его объектив киноаппарата.

Они истлевали одновременно – сигарета и последние мгновения перед войной.

ПОЭЗИЯ

Ольга СУХАНОВА

Ольга Георгиевна Суханова сорок семь лет учила ребят Коростелевской, Абрамовской и Борисовской школ Боровского района Калужской области. Писала стихи, вела кружок поэзии и, занимаясь краеведением, была внештатным корреспондентом районной газеты «Боровские известия». 29 июня 2008 года перестало биться сердце очень хорошего человека, учителя, доброго наставника и матери... Ольгу Георгиевну всегда будут помнить её ученики, и пусть её стихи оставят частичку радости, тепла и добра у всех тех, кто знал её, и кто лишь прикоснулся к её творчеству...

Сколько глаз в своей жизни я видела...

Звонки из детства

В косынке в синюю горошину,
С глазами ярче василька
Мне детство милое, хорошее
Вдруг позвонит издалека.

И укорит за настроение,
За то, что устаю стоять.
А я и с грустью и с волнением
Здесь начинаю вспоминать

Землянки, каски и развалины –
Послевоенное моё
Родное, грустное, желанное
В полынной горечи житьё.

Глаза моих учеников

Сколько глаз в своей жизни я видела!
Ласковых, красивых и жестоких...
Как я их любила, ненавидела
И копалась в жизненных истоках!

Вот два брата с синими глазами:
Мать их пьёт, и всё им безразлично.
Как умеют – выживают сами.
Звать на помощь – знают, неприлично.

Неприлично им, почти мужчинам,
Унижаться и просить защиты.
И змей ползут по лбу морщины,
И соседи шепчут «Уходите!

Уходите от хороших деток,
Отойдите и не замажьте!»
У обидных слов прицел так меток...

«Мы уйдём, конечно, отдыхайте!»
Дождь идёт над миром, солнце ль светит,
Радуга ль цветёт под небесами, –
Ходят необласканные дети
С синими усталыми глазами.

Зелёная нитка
(Стихотворение «Узоры»
как дальний пролог к поэмам
Юрия Кузнецова о Христе)

В последнее время мою дремоту тянет к
строгой русской классике. ...Однако все её корни
остаются в народном эпосе.

Юрий Кузнецов

Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист. Родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. В 1993 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького. В 1980-90-е годы был звукооператором театра драмы, электриком, сторожем, заведующим литературной частью в Экспериментальном театре Вячеслава Спесивцева, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время – ответственный секретарь журнала «Подъем». Автор книг «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011). Член Союза писателей России.

Живет в Воронеже.

Кузнецовские «дремоты», или назовём их более широко и привычно – видения, отличаются от почти всего поэтического массива, наработанного русской литературой за минувший век.

Можно отражать реальность в узнаваемых формах, рефлексировать по поводу и без повода – но при этом поэт будет неизбежно идти рука об руку со своим временем и обществом, в котором он живёт.

Напротив, Кузнецов отделён от реальности той прослойкой мифа, о которой так много говорят в связи с его поэзией, и о чём писал он сам. Этот способ связи поэта с действительностью будто проходит через некий волшебный ящик, в котором непрерывно рождаются сюжеты, соединяющие в себе художественную волю певца, его человеческую повадку и отжатые до штучности приметы мира социального.

Если вспомнить больших поэтов, то практически у каждого есть произведения, о которых можно говорить как о небывалых прежде литературных сюжетах. У Кузнецова, особенно позднего, почти все стихотворения – такого качества. Он непревзойдённый сказитель XX века, соединивший христианское предание с народным эпосом.

Сколько было с упреком говорено о «двоеверности» русского народа церковными публицистами, однако никто как будто не отметил это свойство как особенную черту художественного сознания наших великих поэтов. Именно они брали образ русского человека как некий идеал, в котором живёт волшебная архаика древнего славянства и православная этика нового русского времени.

Более того, в поэзии трудно найти положительного героя, который не соединял бы в себе черты народности во всём её неканоническом многообразии и черты души христианской – в той её ипостаси, которую принято обозначать словом «престец». Именно престец с мудрой

рассудительностью и сердечной мягкостью воспримет как народную мистику, так и поэмы Юрия Кузнецова о Христе, в которых светятся образы народной духовной поэзии. А также – удивительные кузнецовские стихи-сказки, напоминающие пушкинские по свободе развёртывания небывалой истории.

Вместе с тем, сказочные кузнецовские сюжеты обладают редкой словесной компактностью. Это связано с тем, что у Кузнецова в таких сюжетах важен не столько сам герой, его характеристики и развёрнутая картина происходящего, а глубинный смысл того, что возникает перед читательскими глазами. И потому авторский слог лаконичен, но не в ущерб пристальной точности описания предметов и событий.

Каждое слово у Кузнецова значимо в каком-то объёмном, надмиромном значении. Нет ни одного определения, которое выполняло бы только функцию внешнего ряда. Это говорит даже не об огромности кузнецовской мысли о мире, а о невероятной интуиции поэта, которая улавливала взаимосвязь вещей и действий. И в результате появлялось стихотворение, которое, по существу, затрагивало мистические мировые струны, пронизывающие наше бытие и нашу очевидную жизнь.

Стихотворение «Узоры», написанное в 1998 году, есть отголосок библейского сюжета о первом грехе. Его можно назвать дальним прологом к кузнецовским поэмам о Христе. Примерно таким же, как стихотворение «Красный сад» – интонационный пролог к незавершенной поэме «Рай», о чём вскользь упоминал и сам автор.

В «Узорах» показано, что ветхозаветное падение происходит постоянно, будто эхо, повторяющееся в веках. Хотя смысловое зерно сказочной истории отодвинуто на второй план и, по видимости, теряется в необычных коллизиях происходящего.

Сидя на крыльчке, девка вышивала тёмной ниткой на белой холстине «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной». Ничего не получалось, и светлый Ангел бросил ей три волоса из голубиной книги. Девка сплела их в «радужную нитку» и три дня вышивала «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры». А потом призвала «на погляденье» народ. Люди назвали увиденное счастьем, дети – радостью, самый старый – Божьей тайной. Сатана покусился на чудо и зачернил зелёную нитку. И в «узорах» это повреждение осталось навсегда. Духовно зоркий человек его видит – глаза счастливых тёмного следа не замечают.

Перед нами не совсем понятная по смысловой отсылке история, и потому для её верного истолкования так важны мельчайшие детали.

Прежде героиня стихотворения была кроткой и простодушной, жила бедно («крыльчко», «низкая ступенька»), вышивала при свете дня на пороге родного дома. Мечтала об удачном замужестве, о робком вхождении в мужний дом, тревожилась о будущей доле – трудной и уступчивой. Но терпения у вышивальщицы не хватало, и она заливалась слезами. Примерно так можно пересказать «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной».

Но вот окончена чудесная вышивка («мудрые священные узоры»):

На четвёртый день вставала девка:
Всё готово! Где хвала и слава?..
Распахнула душу и ворота
И сказала: – Вот мои узоры!..*

Как меняется поведение героини: теперь ей требуется «хвала и слава», она говорит гордо, громко и призывно. В горести ей помог Ангел, осенил её труд, но в торжестве эта божественная помощь забыта: «Вот мои узоры!..». Тут определённо слышится ветхозаветное эхо: «...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). А ведь вышивала девка «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры».

Прежде она «не могла увидеть даже нитки, а не то чтоб ангела на небе», у неё даже не было мольбы и надежды на помощь, лишь одна кручина. И этого оказалось достаточно для того, чтобы «светлый ангел порадел о девке»:

* Примечательно, что по Преданию, на Четвёртый День создал Бог светила и поставил их на тверди небесной, чтобы управлять днём и ночью и отделять свет от тьмы.

*Постучал по голубиной книге –
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Пользали тихие зарницы.*

Лишь когда смотрела на золотой волос, напоминающий о колосьях в поле, сотворила героиня «свят-молитву» и «отпустила душу» – то есть освободилась от забот, предав себя воле Божьей. Когда же смотрела на серебряный волос, о котором напоминали ей «месяц, зимний снег и седина разумных», перекрестилась и «облегчила душу» – то есть попросила прощения за прошлое. Перед странным волосом, в котором играло синее с зелёным, закрыла глаза и затворила душу – будто иконописец, сосредоточенный на своей задаче.

К слову, в стихотворении заключён и образ художника-творца, крайне опрощённый и сниженный автором совершенно сознательно, дабы патетика земного творчества не заслоняла размышления о человеке как таковом.

Третий волос – самый загадочный, его цвет меняется, видимо, в зависимости от внешних действий и слов. Чертёнок, что «прошмыгнул между хвалой и славой», царапает зелёную нить, и она темнеет. Однако, по существу, именно «заблудшая воля» героини «чернит» ангельский подарок.

Таинственный волос игрой своих оттенков похож на описание Древа познания добра и зла в поэме Кузнецова «Рай»:

*Крона играла цветами. Они волновали
Красным, оранжевым, жёлтым отливом в начале,
А фиолетовым, синим, зелёным – потом.
Каждый узор выступал то цветком, то плодом.*

*Рядом стояло, мерцая плодами познания,
Вечное древо – таинственный знак мироздания.*

Обратим внимание на изменение цвета волшебного волоса: зелёное становится более тёмным, попутно и голубизна неба теряет свою просветлённость. Таким образом, богатство красок в результате духовного падения героини сужается, а в пределе – стремится к черноте. Она уже была показана вначале в образе тёмной нитки на фоне белой холстины – как символ нелёгкой и скудной жизни. Девичьи очи в слезах не видели этой земной нити. «Глаза счастливые» в упоении «хвалы и славы» и в отречении от ангельской помощи не различают уже нить небесную, в которой частично погашен цвет: «...и царапнул по зелёной нитке. / Где царапнул, там и след оставил, / Где царапнул, там и потемнело...».

В стихотворении скрыто присутствует постоянно возобновляющийся роковой цикл: человеческая кручина; божественный дар; ангельская помощь; просветление жизни; человеческая гордыня; потемнение жизни; почти неизбежная будущая кручина.

Словесно волшебный сюжет выписан Кузнецовым филигранно, смысловые переключки пронизывают стихотворение повсеместно.

Вместе с тем, необходимо сделать некоторые оговорки.

В традиционном народном костюме чёрный цвет не несёт однозначно негативного оттенка, напротив – это краски земли-кормилицы. Помимо отсылки к тьме, печали, отрешению и даже трауру, в нём содержится символ покоя, постоянства, плодородия. У Кузнецова в определении нитки, которой вышивает девка белую холстину-рубашу определение «чёрная» заменено характеристикой «тёмная». При этом не подвергается сомнению народная символика цвета, прикрепленная к земному распорядку и к одушевлению природных сил. Поэт поднимает взгляд вверх – и в сопоставлении небесного начала с земным показывает «тёмное» как опрощённое до смертного предела

«светлое». Как одну из примет отпадения человека от Бога, и земли – от неба, как знак слепоты земного счастья.

Это почти впрямую подчёркнуто совпадением первой строки «Узоров» с началом лермонтовского «Ангела» («Светлый ангел пролетал по небу...» – «По небу полуночи ангел летел...») и совпадением духовного акцента стихотворения Кузнецова с заключительными строками шедевра Лермонтова: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

Говоря о печальной цикличности событий, показанных у Кузнецова, сто́ит иметь в виду их некую временную привязку: это случилось однажды, и с тех пор в мире что-то безвозвратно изменилось? Но тогда можно сказать, что до описанных событий человеческая жизнь была более высока, чем в дальнейшем, после того, как «зелёная нитка» «потемнела». В этом случае земная история предстаёт как неустойчивое стремление к апокалипсическому финалу.

Однако мы знаем, что есть на свете необъяснимая удерживающая сила. Её олицетворением является и кузнецовский Ангел, который, откликаясь на кручину человека, вносит в мир светлую поправку и, образно говоря, тормозит его сползание во тьму.

Прежде и потом в духовном отношении происходило нечто подобное кузнецовской истории. Она множится в слоях времени и присутствует в нём всегда – как развёрнутый образ человека, беспомощного в отсутствии Бога, самонадеянного в чудесном успехе и слепого в конечном и эгоистичном земном счастье.

ПОЭЗИЯ

Юрий САПОЖКОВ

Юрий Михайлович Сапожков родился 16 марта 1940 года в селе Ильинка Пронского (ныне Скопинского) района Рязанской области. После окончания средней школы работал слесарем-инструментальщиком на заводе светотехнической арматуры, служил в армии. В 1967 году окончил Белорусский государственный университет, отделение журналистики. Работал в газете «Советская Белоруссия», журнале «Неман», собкором АПН по БССР, в Информцентре АПН в Дели. Переводчик поэзии с белорусского и английского языков. «Серебряный» лауреат Первого международного турнира литературного перевода (Лондон, 2009). Автор пяти книг поэзии и книги литературной критики. Работает в журнале «Неман».

Живет в Минске.

Незримая есть в жизни полоса...

Нежность

Девочка с муравьиной талией,
Первое мое вдохновение.
Вся ты – словно проталинка
Среди снежного окружения.
И не думал, слепой от нежности,
Что с годами дороже станет
Островок последнего снега,
Который все тает, тает ...

Расплата

Я птиц любил.
А их ловили кошки.
Но кошки ластились,
и я им все прощал.
Скворечни вешал, не жалел и крошек,
Но все же птиц и небо предавал.
И вот итог моих ошибок прежних:
Сам ненароком когти проглядел.
Живу один, пустой, как та скворечня,
В которую никто не прилетел.

Не застал

Опустил я в автомат монету,
Тайну цифр доверил проводам:
– Если можно, позовите Вету.
– Дома нет. И ... не звоните нам.

Жизнь летела с быстротою света.
Но сберег я номер прежних лет:
– Пригласите к телефону Вету ...
И ответил бас с тревогой:
«Нет».

Время шло. И как-то выпал случай –
Снова завернул я в город мой.
Позвонил.
Услышал голос-лучик:
– Мама не пришла еще домой!

Бессмертие

Невзгоды ищут нас усердно
Покоен будь – не обойдут.
И вот, не вынося из сердца,
Нас на плечах уже несут.

Пусть все кричит, что мы не вечны.
Но надо так стараться жить,
Чтобы никто не мог на плечи
Из сердца
нас
переложить.

Дни рождения

Незримая есть в жизни полоса,
Подвластная закону ускорения,
Когда очередные дни рождения
Начнут мелькать, как спицы колеса.
Становится вместительней твой дом,
Обильнее питьё и угощение.
А разговор о возрасте твоём
Искусен, будто мостик над ущельем...

Ночная тишина

Жизнь катится, чуть прогибая оси.
Сентябрь, октябрь, ноябрь на перелом.
В который раз уже трёхтомник осени
Выходит в свет огромным тиражом.

Вновь так желанна в городе большом
Мысль о побеге в деревеньку дальнюю –
Там звуки носят мягкие сандалии
Или бесшумно бродят босиком.
Очнулся дождь и перешёл на шёпот.
Он что-то шепчет мне о ноябре.
Морозец ночью сможет ли заштопать
Зияющие лужи во дворе?
Я привожу в порядок мысли давние
По праву возраста...
Я очень тороплюсь:
Вдруг, как минёр, не выполнив задания,
На тишине бессонниц подорвусь!
Какая ночь!
С одной звездой-пробоиной.
Мне говорил знакомый старшина:
«Страшна, конечно, тишина до боя.
Страшнее – после боя тишина...»
Жизнь катится...

Лесорубы

Мы уставали до предела –
Тайга стояла, не редела.
Была еда не дорога,
И в каждом мускуле гудела,
В распухших жилах сатанела
Непокоренная тайга.
Мы пробивали в ней дорогу.
На черта брали и на бога –
Тайга стояла.
По ночам
Мы в чем одеты, в чем обуты
Храпели зло, храпели, будто
Тайгу пилили пополам.

Березка

Бесхлопотно – даже прическу
Не потревожив свою, –
Шофер у дороги березку
Срубил и швырнул в колею.
И тем был он счастлив нисколько,
Что слышать душа не могла,
Как долго о жизни кричало
Бескровное тельце ствола.
Пришел он домой, раздевался,
Сидел, выбивая мундштук,
И тихо над тазом ругался,
Что грязь не смывается с рук.

Море

Грустное, конечно, это дело –
Уезжать в хорошую погоду.
Море к нам ещё не охладело,
Но последний раз мы входим в воду.
Что ж, прощай.
Горячей солью буден
Душу берedit уже и полнит.
Грустно, что море не забудем
Так же, как оно нас не запомнит.

Поздний мёд

Чья-то кошка под нашим окном
Поселила котят-голышат.
На стихах, на диване моём
Двухэтажные мухи сидят.
Поучительная пора.
Скоростная отдача тепла.
Укрепление мышц и пера.
Вот такие-то, друг мой, дела...
Торопливей и злей от забот
Собирает пчела поздний мёд.
Поздний мёд – память первых цветов,
И последних скупой аромат.
И предчувствие холодов.
Ничего, что он чуть горьковат.

Творчество

Я нынче бог, я наверху блаженства.
Мне удалось нестройность победить,
Почти физическую жажду совершенства
В четверостишье утолить.
А завтра...
Боль, обида, униженье
Творят свой праздник весело и зло:
Опять души тончайшее движенье
Невольно исказило ремесло.

Город

Столичной жизни маета,
Она гигантская воронка.
Цветов и запахов ворожка.
Души стесненной маета.
Все это так.

Но отчего
Перед судом своим верховным
Я чувствую себя виновным
От оправданья своего?

Флейта

Виктору Гину

Так светится душа её,
Изранена для звука,
Что всё, о чём она поёт,
И чистота и мука.
Вдохни поглубже, милый мой,
Грусть дней незабываемых
И сокровенное пропой
Устами ран открытых.

Наталье Гончаровой

Я камня на неё не поднимал.
Не убивал язвительною речью.
Поймите, наконец, – на Чёрной речке
Ведь он её под пулей оправдал!
Наедине подумайте об этом.
И острый камень да минует цель.
Не суесловьте о жене поэта:
Он вас не может вызвать на дуэль.

Твои уже недетские успехи
Я принимать и понимать устал.
Мне остаётся в том искать утехи,
Что я в тебе утехи не искал.
Нет, не искал. Что за нелепость
Брать приступом уловки и речей?
Ведь красота, она совсем не крепость –
Не брать её, а – сдать перед ней!

Нам надоело по углам
Слоняться здесь, мотаться там,
И, потеряв терпенье,
Мы в самый лучший ресторан
Идем, как будто на таран
Общественного мнения.

Какой блистательный уют!
 Знакомцы водку лихо пьют
 И в танце медленно страдают,
 И речи кольцами пускают,
 Глазами чутко зал стригут,
 Поспешно нас не узнают.

Ясность

Целый день вчера ходило тенью,
 Ночью долго плакало навзрыд,
 А теперь на утреннюю землю
 Небо с чистой совестью глядит.
 Становлюсь спокойней понемногу,
 Достая походный чемодан.
 И беру тебя с собой в дорогу,
 Как берут в дорогу талисман.
 Ночь прошла, теперь намного легче.
 Светел путь, который предстоит.
 И на нас, обман преодолевших,
 Небо с чистой совестью глядит.

Западнизм и вестернизация с позиций цикличности цивилизационно-исторического процесса

1

Проблеме вестернизации посвящено множество трудов именитых авторов – историков, филологов, культурологов. Исследовался и феномен Запада, и то, что покойный ныне А.А. Зиновьев назвал «западнизмом»*. При этом в литературе постоянно подчёркивается историческая уникальность Запада. О ней говорили и говорят такие мыслители, как В. Зомбарт, Р. Гароди, тот же А. Зиновьев. Не оспаривая уникальности конкретного, современного Запада, отметим, что к феноменам западнизма и вестернизации можно подойти и с точки зрения, основывающейся на парадигме цикличности цивилизационно-исторического процесса. Если встать на данную точку зрения, то западнизм и вестернизация предстанут как явления, периодически возникающие и исчезающие в ходе эволюции различных социокультурных формаций, явления типологические, характерные для определённых ступеней каждого формационного цикла.

Первой фазой развития цивилизационных формаций, понимаемых как следующие одно за другим поколения (генерации) обществ, принадлежащих к разным культурно-историческим типам**, можно считать эпоху выработки каждым из этих обществ собственной, своеобразной и специфической социокультурной системы, эпоху построения духовно-религиозного, экономического и политического фундамента такого рода систем, формирования основ сословно-иерархического строя. В это время складывается довольно элементарное аграрное общество, поэтому данный период можно назвать также эпохой раннего аграрного общества, или, ориентируясь на историю Западной Европы после крушения Западной Римской империи, эпохой «раннего феодализма».

* Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

** Подробнее о цивилизационных формациях в авторском понимании этого феномена см. Хатунцев С.В. Этапы освоения цивилизационных ниш и перспективы исторического процесса // Социс (Социологические исследования). № 9. 1996. С. 126–127.

Станислав Витальевич Хатунцев родился в 1967 г. в Воронеже. Кандидат исторических наук. Печатается с 1992 г. Автор монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)». Автор гипотезы южноуральской прародины индоиранских (арийских) племён, соавтор развиваемой В.Л. Цымбурским цивилизационно-геополитической концепции «Великого Лимитрофа». Редактор нескольких сборников научных работ и коллективных монографий. Автор двух поэтических сборников. Преполагает на кафедре истории России ВГУ.

Живёт в Воронеже.

Второй фазой всякого формационного цикла вслед за Константином Леонтьевым признаем эру «цветущей сложности» – период наивысшего развития «традиционных» структур, образовавшихся на предыдущем этапе. Общество эпохи «цветущей сложности» ориентируется на сакральные ценности, сверху донизу пронизано определяющей всю его жизнь религиозной вертикалью, расслоено на сложно структурированные сословия. Назовём эту эру эрой позднего аграрного общества, «позднего», «зрелого» феодализма – опять-таки отдавая дань столь знакомой нам европейской истории.

Третья ступень – период надлома, кризиса, отмирания «традиционных» структур, эра драматической трансформации позднего аграрного общества, эра «городской революции», формирования и функционирования, скажем так, раннего городского общества. Именно на этой ступени и начинается возникать феномен, который, исходя из современных реалий, мы называем феноменом западнизма.

В этот период, на котором мы остановимся подробнее, происходит следующее. Общество утрачивает высшие, трансцендентные, ориентиры и ценности, которыми оно руководствовалось ранее, происходит его тотальная материализация. Сословия, процветавшие в позднеаграрном обществе – важнейшими из них являются крестьянство, родовая военно-служилая знать и духовенство (жречество) – растворяются в атомизированной эгалитарной стихии, главным социальным различием становится различие в материальном благосостоянии индивидов. Экономика теряет натуральный и приобретает товарный характер, превращается в важнейшую сферу человеческих интересов. Все остальные сферы, особенно – политическая, оказываются зависимы от неё; политика срывается с экономикой. Начинается массовое, индустриально-промышленное, производство самых разнообразных продуктов, необычайное развитие получают торговая и денежно-финансовая системы. Жизнь урбанизируется, темп её ускоряется. Культура и искусство лишаются сакральных основ, переходят на индустриальные рельсы, становятся орудием манипулирования общественным мнением.

Данные, а также многие другие, не упомянутые выше процессы, тесно взаимосвязаны и являются элементами единого, более общего процесса, подготавливающего рождение того, что, исходя из реалий нынешнего Запада, можно назвать «западнизмом», а весь этот процесс – процессом «западнизации». Основой западнизации является детрадиционализация, а её конечный этап знаменует выход на арену истории зрелых западнистских сообществ. Их дозревание завершается тогда, когда в результате длительных и весьма болезненных трансмутаций вырабатываются такие системы посттрадиционных социальных, политических и экономических учреждений, дальнейшее развитие которых протекает без революционных изменений и катаклизмов, то есть относительно мирным, эволюционно-реформационным путём.

После появления западнистских обществ наступает четвёртый, заключительный, этап цивилизационно-формационного цикла, эра «позднего», или же – «зрелого» – городского общества, эра «усталых от жизни» «мировых городов». Её определяют процессы медленной дестабилизации и постепенного разложения западнистских социумов, эта эпоха – время растянутого на столетия кризиса – долгого, порой – мучительного «умирания», затрагивающего все сферы общественной жизни, кризиса, ярко проявляющегося в частности, в области демографии; в то же время начинается регенерация – на уровне отдельных элементов и подсистем – «аграрных», традиционалистских моделей, возникают и обретают массовую поддержку новые харизматические религии фундаменталистского толка, а старые конфессии отмирают. Заканчивается формационный цикл серией катастроф, уничтожающей господство выродившихся западнистских структур; рождается очередная генерация, новое поколение цивилизованных обществ.

Таким образом, западнизация является ярким показателем наступления формационной «зрелости», формационного «пожилого возраста», а утверждение западнистских обществ – важнейший признак начала формационной «старости», знаменующий наступление финальной стадии того или иного цивилизационного цикла.

Данная концепция основана на обобщении и схематизации исторического опыта трёх поколений обществ, последовательно сменявших друг друга: архаического (древнейшего), античного и новейшего. Социумы древнейшей формации существовали

примерно с середины IV по середину II тысячелетий до н.э. (это, например, Хараппская цивилизация, Шумеро-аккадский мир, Древний Египет до наступления эпохи Нового царства, Крито-микенский мир), античной (Средиземноморье, Древний Восток, Древняя Индия, Древний Китай, мир кочевников евразийских степей и др.) – с середины II тысячелетия до н.э. по середину I тысячелетия н.э., а социумы нынешней генерации возникли в V – VII вв. н.э.

2

Эпоха, в которую мы живём, в целом является временем перехода к четвёртой, последней, фазе актуального цивилизационного цикла, так как во многих регионах планеты западнизация завершилась или же близка к завершению. Однако феномен западнизации нужно отличать от феномена вестернизации, а общества западнистские не следует смешивать с обществами вестернистическими.

Общество западнистское – это общество, продолжающее определенную социокультурную линию, общество, неразрывно связанное с той или иной цивилизационной традицией и являющееся одним из звеньев её истории. В этом смысле каждое действительно западнистское общество органично, обладает выраженными цивилизационно-культурными особенностями и признаками, достаточно заметно отличается от других окружающих его обществ – как западнистских, так и незападнистских, соответствует социогеографической специфике того региона, в котором функционирует. По мнению автора, в настоящее время полностью сложившиеся западнистские общества имеются в Западной Европе и в некоторых странах Восточной Азии, в античную эпоху они занимали всю Ойкумену – пояс цивилизаций от Жёлтого моря до Лузитании и от Эфиопского нагорья до Среднего Урала, просуществовав с начала до середины I тысячелетия н.э.

«Вестернистическое» общество, в отличие от общества западнистского – общество-эфемер. Чаще всего оно создаётся в «цивилизационном вакууме», то есть на территории, цивилизацией ещё не освоенной, усилиями представителей «западнизирующихся» социумов. Поэтому в устройстве своём оно повторяет формы и институты, вырабатываемые западнизмом. Вестернистические общества – там, где они существуют, не имеют местных корней, связаны с аборигенной средой лишь географически, однако практически вовсе чужды ей культурно; они не продолжают по-настоящему какой-либо социокультурной традиции, а лишь гипертрофируют, порой – уродуют ту, которая послужила фактическим их истоком. Институты вестернистических социумов лишены чёткой цивилизационной специфики, являются предельно нивелированными, утилитарными, космополитическими – и по происхождению, и по сути. Вестернистические общества чрезвычайно эгоцентричны.

Античная эра знает лишь один «вестернистический» социум – карфагенский, раздавленный уверенно «западнизовавшимся» Римом. В настоящее время вестернистические модели, весьма однотипные – можно назвать их «англо-саксонскими» – функционируют в странах так называемого «переселенческого капитализма» – Соединённых Штатах Америки, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, к типу вестернистических обществ близки ЮАР, Израиль, Бразилия, Аргентина, Чили, Уругвай, многие государства, расположенные на островах Карибского моря.

Что касается западнизации, то это, как говорилось выше, процесс объективный и на определенной ступени цивилизационного цикла неизбежный – процесс эрозии учреждений и ценностей традиционного общества и замены их посттрадиционными формами, приспособленными к особенностям тех или иных социумов, формами, вырабатываемыми в конечном счёте самими этими социумами, хотя и не без отбора и адаптации ими пригодных элементов со стороны.

Под вестернизацией, в отличие от западнизации, можно понимать, во-первых – процесс образования вестернистических обществ на землях, лишённых собственных цивилизационных (но не обязательно культурных) традиций и колонизованных западнизующимися пришельцами (классический «случай» – США, Канада, Австралия и

Новая Зеландия), во-вторых – культурную и идеологическую экспансию вестернистических или вестернизирующихся общественных организаций, в третьих – попытки западнизирующихся и даже вполне западнистских стран скопировать образ жизни, а также социо-экономические институты, сложившиеся в странах вестернистических. Кроме того, как акты вестернизации следует рассматривать любые шаги западнизирующихся обществ, направленные на прямое заимствование форм культурной, политической, экономической и общественной жизни, порождённых обществами, более «продвинутыми» по пути детрадиционализации, но принадлежащими к иной цивилизационно-культурной линии, чем социумы-реципиенты.

Вестернизация является негативом западнизации, её назойливым спутником; очень часто она подменяет западнизацию, происходит за счёт неё и вместо неё.

Процессы, подобные процессу вестернизации, наблюдались уже в античную эру, выступая в виде эллинизации или карфагенизации культур и народов в поясе от Инда до Португалии. Карфагенизация происходила исключительно в Западном Средиземноморье, эллинизация же затронула почти всю Ойкумену от берегов Атлантики до границ Древнего Китая, дав название целой исторической эпохе – эпохе эллинизма.

Показательно, что с выработкой культурами и народами обществ античной формации, не принадлежащих к средиземноморскому миру, к древнеевропейской цивилизации, собственных посттрадиционных систем, их эллинизация/карфагенизация прекратилась. Античные аналоги вестернизации стали терять наступательную активность ко II – I векам до н.э. Чуть позже маятник качнулся в противоположную сторону – началось вытеснение карфагенских и эллинистических форм формами хотя и отмеченными их влиянием, универсализованными, однако не в меньшей, если не в большей, степени продолжающими местные культурные ветви. Эти метаморфозы стимулировались появлением могучих империй – Римской, Парфянской, Кушанской, и проходили под их державной эгидой. Таким образом, «вестернизация» античных обществ было лишь хронологически ограниченным этапом их исторической эволюции, хотя существенным образом сказалось на их культуре, на её формах и, в определённой степени, на её содержании. Глубинные, цивилизационные начала античных обществ оказались сильнее «вестернистических» влияний, создав – на культурном, политическом и социально-экономическом уровнях – надёжные механизмы самозащиты.

3

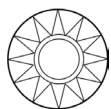
Тяга к вестернизации основана на игнорировании цивилизационно-культурной и региональной специфики, на мысли, что по мере развертывания глобализации, научно-технического прогресса, данная специфика исчезает и возникает некий однородный «общечеловеческий» социум. Однако это не так. Исторические материалы свидетельствуют о том, что, например, в эпоху бытования древнейшей (архаической) формации имелось по меньшей мере пять типов в той или иной степени детрадиционализированных обществ: месопотамский, древнеегипетский, эгейский, харрапский и древнетуркменский, время существования которых охватывало конец III – первую треть II тысячелетий до н.э. Можно сказать, что все они соответствовали отдельным цивилизациям.

По нашему мнению, в античный период образовалось восемь типов детрадиционализированных обществ: средиземноморский, древнеиранский, аксумский, древнеиндийский, древнекитайский, континентально-степной (турано-скифо-сарматский), древнемексиканский и древнеперуанский. В пределах каждого из них, в свою очередь, функционировало несколько социокультурных моделей. Все эти типы отчетливо дифференцировались по цивилизационному признаку, отличались друг от друга степенью потери традиционных черт и выраженности черт «западнистских». Наиболее «продвинутыми» в плане западнизма были модели средиземноморского типа. Пожалуй, только в Средиземноморском бассейне сформировалось тогда по-настоящему посттрадиционное общество. В то же время модели древнекитайского и древнеиндийского типа остались довольно близки к моделям традиционным.

В современном мире также не существует какого-либо единого типа западнистского общества, тем более – единой посттрадиционной модели. Как говорилось выше, западнистские социумы, имеющиеся в настоящее время, можно разделить на две группы – европейскую и дальневосточную. Каждую из них породила соответствующая цивилизация, каждая объединяет по нескольку различных моделей, отражающих уже не цивилизационные, а региональные культурно-географические особенности. Так, например, в рамках европейской группы выделяются британская, французская, скандинавская, германская, пиренейская, швейцарская, нидерландская, итальянская, австрийская модели, в рамках дальневосточной – японская, тайваньская, южнокорейская и гонконгская. В добавление к уже имеющимся типам западнистских обществ складываются и другие, в том числе – российский.

Таким образом, даже в условиях разложения традиционного общественного мироустройства, в условиях всеохватной унификации и нивелировки, цивилизационно-культурная и региональная специфика сохраняется, хотя внешне она достаточно существенно «затирается», становясь менее заметной для неискушённого наблюдателя. Эта специфика диктует неизбежную многотипность и многовариантность посттрадиционных моделей, детерминирует их качественные различия между собой, делает принципиально невозможным появление не только единой, «общечеловеческой», модели западнистского социума, но и единого, приемлемого для нескольких различных цивилизаций, типа такого рода моделей. Исторический опыт говорит о том, что каждая цивилизация создаёт свой собственный тип и собственные вариации посттрадиционных сообществ, что западнистские модели невозможно заимствовать у иных культур и цивилизаций – они вырабатываются самостоятельно, в ходе долгой и весьма мучительной трансформации того или иного социального организма.

Всё вышесказанное непосредственно касается проблем, которые испытывает постсоветский мир в целом и Российская Федерация в частности. Её западнизацию – выработку собственного, самобытного типа посттрадиционных учреждений и институтов – нередко подменяют вестернизацией – попытками прямого заимствования североамериканских и западноевропейских общественно-экономических форм. Однако, как показывает история, вестернизация обществ, обладающих собственной цивилизационной традицией – дело бесперспективное, оно в конечном итоге лишь искажает и затормаживает процессы западнизации, происходящие в них – тем более ощутимо, чем более упорно стараются осуществить этот курс. Поэтому подлинными врагами западнизации России являются, пожалуй, не столько коммунисты и национал-патриоты, сколько осевшие в правительстве и в околоправительственных кругах махровые «западники» – Кудрин, Греф, Чубайс, Гайдар и иже с ними, как это ни парадоксально на первый взгляд. Будущее нашей страны, нашей цивилизации – в отказе от потуг на вестернизацию и в доработке нового – российского – типа посттрадиционных моделей.

**Умираю
и опять рождаюсь...**

Димчо Дебелянов (1887-1916) – признанный классик болгарской поэзии. Родился в 1887 г. в городе Копривштица в семье ремесленника. Учился в гимназии в Пловдиве и в Софии, позже – на юридическом, а впоследствии на историко-филологическом факультете Софийского университета. Работал чиновником метеорологической службы, стенографистом Народного собрания, корректором, журналистом. Впервые выступил в печати в 1906 г. Был близок кругу молодых болгарских символистов – Л.Стоянова, Н.Лилюева и др. На начальном этапе своего творческого становления испытал влияние прославленных болгарских поэтов П.Славейкова и П.Яворова, а также весьма влиятельных в то время французских и русских символистов. Этот период творчества Д.Дебелянова отличает обречённость и безысходность тональности его поэзии, тоска по несбыточному, скорбь по несовершенству мира, неприятие мелочных обывательских радостей. Со временем, под влиянием жизненных обстоятельств и достижения творческой зрелости, Д.Дебелянов заметно эволюционировал в направлении традиционных, реалистических форм и мотивов. В творчестве Д.Дебелянова отчётливо просматривается влияние русской поэзии – как классического периода (А.Пушкин, М.Лермонтов, Е.Боратынский, Ф.Тютчев), так и «Серебряного века» (прежде всего, А.Блок). В целом поэзию Д.Дебелянова характеризует напряжённость ритмов, контрастность образов, красота поэтического голоса.

В 1914 г., с началом Первой Мировой войны, Димчо Дебелянов ушёл добровольцем на фронт. Погиб поэт в 1916 г., совсем немного не дожив до тридцати лет.

Впервые отдельным изданием стихи поэта были изданы в 1920 г. Книга «Стихотворения» была восторженно принята болгарским народом и впоследствии выдержала несколько переизданий.

На русский язык стихи Д.Дебелянова переводились такими корифеями отечественной школы художественного перевода, как В.Соколов, Д.Самойлов, А.Арго, А.Гатов. Однако полноценного представления российскому читателю творчества Димчо Дебелянова пока не было, хотя ряд поэтов-переводчиков уже проделали значительную работу в этом направлении. Предлагаемая подборка является одним из фрагментов этой работы. Большинство переводов, представленных здесь, публикуется впервые.

Посвящение

I.

Той, что кромешной ночью заглянула
В мой бедный дом, как призрак неземной,
И жизнь иную в грудь мою вдохнула,
Блаженством райским дух наполнив мой!

Что в сердце расцвела моём, как роза,
И, как звезда, мне озаряет путь,
Что утлый ялик мой ведёт сквозь грозы
Навстречу счастью, вдаль, куда-нибудь!

Той, что, объята скорбью беспросветной,
Когда паду в неравном я бою,
Придёт к моей могиле в час заветный
Оплакать жизнь пропавшую мою!..

II.

Когда цветёт младая вишня,
То, одурманенный весной,
Лежу под ней, и ветер дышит
Пыльцой душистой надо мной.

Но нынче утром, на рассвете
Смерть победила красоту.
И не пыльцу вздымает ветер,
А почерневшую листву.

III.

О, запах уст, малиной напоённых,
О, сладкий, о, весенний запах их!
И тот блажен, кто первым в час влюблённый
Отведает малину уст твоих!

Подснежник в волосах твоих смеётся,
Что бриллиант, сияя в дёбрях кос...
О, тот блажен, кто ночью обовьётся
Душистым золотом твоих волос!..

IV.

Солнце утонуло за горою,
Над землёю тишина плывёт;
Бледный месяц тёмною порою
Серебро с небес пустынных льёт.

Странник упокоился навеки,
Издалёка к дому воротясь –
Тихо шепчут молодые ветки,
Над моей могилою клонясь.

V.

Всё храню его я – первое письмо,
Что тебе писал я, свет души моей,
До того, как сердце холод пронизал!
Всё храню его я – каждый день и час
Всё его читая в грусти и слезах!

Написал тебе я – первые слова,
И связал словами – огненным пером
Раненое сердце, что пустынный храм –
С жизнью беспросветной, что глухая ночь –
То, что и донныне всё сияет там.

Здесь и схоронил я – первую мечту,
Что тобой зовётся, ей зовёшься ты.
Схоронил её я в дальнем уголке,
В одиноком сердце, и уже взошли
На её могиле грустные цветы!..

Шумит поток в долине где-то,
Тревожа память давних дней –
По этой тропке неприметной
Я шёл когда-то рядом с ней.

Шёл дождь неслышно, безучастно,
А нас объял восторг немой
Перед волной большого счастья,
Перед влюблённою весной.

Но пусть несказанными будут
Слова, печальны и горьки,
О том, что мы познали чудо
И снова стали далеки.

Люблю созерцать я сквозь тёмные ветки
Деревьев, склонившихся передо мной,
Как тени бегут, уплывая навеки
В далёкий пылающий зной.

И чутко внимая небесным заклетьям,
Испуганным звёздам ответить спеша,
Великую тайну хочу разгадать я,
Которой во мраке томится душа.

И снова роняю в ночные колени
Слезу о покинувшей мир красоте,
Слезу о своих безответных молениях
И рано погибшей мечте.

И все деревья верили сначала,
Что солнце вновь лучи на них уронит,
Но этой ночью небо ликovalo,
И снег засыпал их пустые кроны.

Умолкли и в тоске окаменели
Под бременем сменившейся одежды –
И грёзы их в рассветный час созрели
В бесплодности несбывшейся надежды.

Мечты

I.

В ранний час рассветный конь молодой
В поле скачет, гривую сверкая –
То юнак спешит к родному краю.
Ах, но где же мой родимый дом?

В поле путеводною звездой
Огонь пылает – путники ночуют, –
Весело по родине тоскуют.
Ах, но где же мой родимый дом?

Третий день кончается дождём,
Злая осень землю полонила –
И страданье душу опалило.
Ах, но где же мой родимый дом?

II.

Берёзы сладко задремали
В объятьях трепетных ночных,
И ветки их невзрачны стали,
Листву золотую уронив.

Один под этим небом тёмным,
Смотрю на звёзды и молчу,
И там, с тоской в душе бездомной,
Во тьме звезду свою ищу.

И вдруг душой овладевает
О дне несбыточном мечта,
Где вечно счастье пребывает,
Где вечно правит красота.

Где жизнь во всём согласна с Богом,
Где молодость всегда права...
С берёз осенних на дорогу
Летит увядшая листва...

Смерть

Лишь тихо веет ветер ароматный,
А мир, замороженный, крепко спит.
Лежат просторы дали необъятной,
И светлый ангел сон на них кропит.

Последний возглас дня, что умирает,
В невидимые волны упадёт...
Крыло меня святое осеняет,
И сладкий голос в даль меня зовёт.

На беспредельном небе звёзд бессчётно,
Что призваны на этот пир святой.
И вот уже душа в восторге кротком
Уснула в бесконечности златой.

Видения

Доносятся из рощи рыданья и проклятья,
Там смерть крылом скользнула по кронам и траве –
В тоске неутолимой и в ледяных объятьях
Берёза горько плачет о сброшенной листве.

В груди моей блуждают проклятья и рыданья,
И сердце наполняют бездонной пустотой –
Здесь, посреди погоста, под голубым сияньем,
Душа моя рыдает над детской мечтой.

Отдохновение

Ты приди, и влюблено, и чутко,
Дорогая, меня разбуди,
В час, когда пробуждается утро
На затерянном в бездне пути;
Ты приди и болезненно-нежно
Ароматы разлей над душой,
И о счастье далёком, безбрежном
Сладкозвучную песню запой.

Пробуждённый тобою, я встану,
Прогоню омертвляющий сон,
И с тобою, зарёю желанной,
Голубою мечтой вдохновлён –
Устремляясь к созвездьям небесным,
Смело глядя на диск золотой –
Полечу над равниной и бездной,
Полечу над печалью и тьмой.

О, тогда лишь желанным явленьем
Сновиденья мои разгони
На лазурной заре, без смущенья,
И полночный мой сон не брани.
Но куда лучи не пробились,
Пусть хранит примиряющий сон
Заплутавшего в тёмных глубинах,
В чёрных безднах застывших времён.

Отошедшая

И молодость, и белые цветы
Вечерней страсти жара не познали.
Идёт она в сиянье красоты,
Чтоб радость пробудить в чужой печали;
В её очах восторженные грёзы,
Как две новорождённые звезды,
И две младые, жаждущие розы
Раскрылись ярко на её груди.

Однажды ночью, посмотрев едва,
Она меня на встречу пригласила,
Но, грешные отвергнувши слова,
Моя душа невинность сохранила,
Ведь в ней томилась в чистом сне блаженном
Весна, цветами белыми полна –

А ныне всяк взирает с сожаленьем:
Они цветут, но отцвела она...

Полёт

*Par delà le soleil, par delà les éthers**
Ch. Baudelaire

От мерзости дней, суеты повседневной
Блажен, кто достойно свой дух отвратит,
Порвёт он вериги постылые гневно
И в небо пылающим вихрем взлетит.

* За солнцем, за эфирами. Ш. Бодлер

Там, жаждущий смерти, бесстрашно и твёрдо
Над вечным покоем свершая полёт,
Средь звёзд повстречается с молнией гордой,
И, царственным счастьем убитый, падёт.

Nevermore

Нас разделяют тоска и сомнение,
Знаю, далёк ты, как в небе звезда,
Но снова, как луч векового затмения,
Жду, ты придёшь... Но придёшь ли ты?
– Нет, никогда!

Рано проснувшись, блуждаю в смятении,
Глядя во мрак, где чернеет беда,
И с клятвами, с муками, в переплетении,
Жду я рассвета... Придёт ли он?
– Нет, никогда!

Сад мой Неволя засыпала жадная
Снегом, и он опочил навсегда,
А гимны и смех в эту ночь непроглядную
Ждут, чтобы грянуть... Но грянут ли?
– Нет, никогда!

Песня

Усталость над грёзой моей слишком рано
Простёрла большие крыла.
Скорблю о заре, той заре долгожданной,
Которая здесь умерла.

Скорблю о росе, что бесследно иссохла
На бледных и чахлых листьях,
О песне скорблю, что сегодня заглохла
На юных бессильных устах.

Весенние дни

Вот на заре зефиры прилетают
На крыльях стрекозиных молодых
И жизненные соки проливают
В заглохшие долины и сады.

Предчувствуя непознанную радость
Стать урожаем чистого зерна,
Бдят в глубине, как золотые клады,
Наполненные влагой семена.
А крокусы вблизи потоков чистых

В дремоте топят зимнюю печаль,
И в чашах их, янтарно-золотистых,
Рассветные моления звучат.

Едва сторит румяная зарница,
С востока, где пылающий предел,
На золотой прекрасной колеснице
В даль полетит новорождённый день.

В его очах огонь весны желанной,
Уста благоухают, как цветы,
А белые рассветные туманы
Мгновенно тают на его пути.

И тёплый луч сияющим полётом
Пронзает очарованные дни,
Переполняя бездны и высоты
Восторгом жизни, юности, весны.

Лунный блеск

Свет лунный с полночного неба
Струится, загадку тая –
Как тени, печальные вербы
Вдоль тёмной дороги стоят.

Ночной ветерок налетел, и
Сменил обжигающий зной,
Как будто сонм ангелов белых
Принёс долгожданный покой.

Звездой, ненароком пролитой
Из бездны молчащих высот,
Внимает душа: из долины
Поток свои воды несёт.

И, грёзе подвластен туманной,
Плыву я в холодных лучах,
Ласкаемый памятью давней
О тех лучезарных очах.

Ночью

Трепещущей лунной волною
Печаль застилает безрадостный путь.
Позор испытал и страданье иное,
Как сладко душа захотела уснуть.

В долинах лишь ветер гуляет,
Ни серп не дрожит, ни бряцает коса –
Как будто сонм ангелов мир окропляет
И вниз опадает святая роса.

Звезда с высоты упадает;
Пустынно молчат небеса надо мной
И слышит волна, как волна пробегает
В глубоком потоке, заросшем травой.

Дрожу я, я таю, плыву я
В стихии покоя и хрупких лучей,
Смирённый, как будто я снова целую
Сиянье любимых очей.

Помнишь ли дворик в родной стороне,
Тихий наш двор с белоснежными вишнями? –
Ах, не врывайтесь в темницу ко мне,
Воспоминанья и жалобы лишние –
Я заключённый в темнице глухой,
Прошлые жалобы, воспоминания,
Стража – позор несмыаемый мой,
Прошлое – это моё наказание!

Помнишь ли, помнишь ли тихий наш двор,
Шёпот и смех вдалеке за деревьями? –
Ах, не будите сияющий хор,
Ангелов хор из минувшего времени –
Я заточён за железный затвор,
Воспоминанья и жалобы лишние,
Это лишь сон – безмятежный наш двор,
Это лишь сон с белоснежными вишнями!

Вернуться бы к родительскому дому,
Когда закат смиренно догорает
И ночь, неслышно расточая дрёму,
Несчастных и скорбящих обнимает.
Как время, бросив чёрную усталость,
Что дни тебе лихие завещали –
Ты робким шагом потревожишь радость
Тому, кого любили здесь и ждали.

Старушка-мать обнимет у порога,
И ты, склонивши голову, утонешь
В её улыбке, ласковой и строгой,
И будешь звать её, как звать на помощь...

И в дом вернёшься, после дальних странствий
Последний твой приют неразделённый,
Шепча слова неслышные в пространство,
В икону взгляд уставив утомлённый:
Вернулся, чтоб заката дожидаться,
Ведь солнце краткий путь твой исчерпало...

О тайный вопль прозревшего скитальца,
Что Родину увидел запоздало!

Молитва

Закрой уста мои рукою,
Когда в скитаниях мятежных
Душа потребует покоя
И затоскует безутешно;
Рукой своею охрани мя,
Чтоб в вечных муках и страданиях
Не осквернить святое имя
Нечистым словом отрицанья!

Я помнить бы тебя хотел такой:
Бездомна, безнадежна и уныла,
Сплетаешь руку ты с моей рукой,
И прямо к сердцу скорбный лик склонила.
В зловонной мгле томятся города,
А здесь дрожат деревья на свободе.
И оттого лишь, что любовь свята,
С тобою мы расстанемся сегодня.

«Приди, когда я буду уходить,
И принеси свой взгляд мне на прощанье,
Чтоб после верность вспоминать в печали
В тот час, когда Она нас победит!»
– О, Морна, бурей сорванный цветок,
Оставь печаль, и верь – весна настанет,
Незавершённым сновиденьем станет,
И ты ко мне вернёшься в этот срок!

Над нами ночь, ещё страшнее нам,
Нетопыри распластывают крылья,
И утешает лишь твоё бессилье,
И в веру я свою не верю сам.
И вдруг мою ты отпускаешь руку,
Уходишь вдаль, сливаясь с темнотой,
Уставшая оплакивать разлуку. –
Я помнить бы тебя хотел такой ...

Письмо

День тихо в дальний край отчалил,
Принёсши зной и благодать,
И ночь пустынную оставил
На город слёзы проливать.

Сегодня ночью посвящаю
Печаль тебе я навсегда,
И, озарённый, вспоминаю,
Как в первый раз услышал «Да!»

Чёрная песня

Умираю и опять рождаюсь –
Противоречивая душа.
Днём неумолимо созидая,
Ночью начинаю разрушать.

Позову ли день светло-смиранный –
Ураган над морем загремит.
Бури ль пожелаю – и мгновенно
Всякий шум затихнет, в тот же миг.

О заре пылающей мечтаю,
О заре слепящей, неземной,
И весной, как в осень, умираю,
Осенью воскреснув, как весной.

И в бесстрастном времени стораает
Жизнь моя – упавшая звезда,
Грёзу о прощении теряя
В пустоте великой навсегда.